

Евгения
Михайковна

остров сбывшейся
мечты

Annotation

Когда на тебя в очередной раз наорут в автобусе, толкнут в метро, порвут новые дорогие колготки, а твоя семья отвернется от тебя, ты возненавидишь людей и страстно захочешь уехать туда, где их нет, где никто не лезет в душу – на необитаемый Остров...

Он считал, что давка и ругань в метро – еще не повод возненавидеть людей. Надо только объяснить ей, что Остров – он внутри тебя. Если нет – его нужно создать, это проще, чем мечтать о недоступных островах Океании...

Нельзя позволить ей разрушить твою жизнь, нельзя дать ей уничтожить себя. Лучше самому уничтожить ее. Но сперва пусть сбудется ее самая заветная мечта...

Бойтесь собственных желаний, ведь иногда мечты сбываются. И тогда жизнь может превратиться в настоящий ад...

-
- [Остров сбывшейся мечты](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Эпилог](#)
-

Остров сбывшейся мечты

– Твой остров – он внутри тебя, понимаешь? Если нет, его нужно создать. Это гораздо проще, чем напрасно мечтать о прекрасных и недоступных островах Тихого океана: белоснежных, теплых, бесконечно далеких от земли.

Придумай свой остров, защити его течениями и ветрами, запусти у берегов чудных разноцветных рыбок, похожих на леденцы-монпансье... Оживи его. И тогда – в любую минуту, в любую секунду – ты сможешь уйти туда, на свой остров, и наслаждаться одиночеством, как ты и мечтаешь. Только не забудь про старое выражение: «Одиночество – хорошая вещь, когда ключ от двери торчит с твоей стороны». Пусть на твоём острове будет дверь. И ключ – с твоей стороны.

Иначе твоя осуществленная мечта может стать тем, что ты и представить не могла.

Адам.

Глава 1

Антон Липатов с трудом нашел место для парковки: весь двор был плотно заставлен машинами. Втиснувшись наконец между «Дэу» и побитой «девяткой», он вышел из машины и осмотрелся. Новый многоэтажный дом, крошечная детская площадка с галдящими ребятами, непременно «ракушки» гаражей чуть поодаль, магазинчик на первом этаже. Ничего особенного.

«Чего ты ожидал? – спросил он самого себя. – Крупную вывеску с изображением Шерлока Холмса? Или, может, очередь к подъезду из дам под вуалями? Не придумывай себе глупый антураж, ты уже не мальчик».

– Макар, наш клиент приехал, – заметил Бабкин, глядя с двенадцатого этажа вниз. – Думает, идтить иль не идтить.

– Надумал? – лениво спросил Макар, доедая пиццу.

– Похоже на то. Во всяком случае, топает к подъезду. Слушай, что там у него случилось?

– Девушка пропала, – объяснил Илюшин.

– Бывает, – философски заметил Бабкин. – Девушки – они такие, ветреные. Имеют обыкновение пропадать, не поставив в известность возлюбленных.

– Я ему то же самое пытался объяснить, но он напирает на особые причины. – Макар вытер пальцы салфеткой и швырнул бумажный комочек в ведро. Комочек ударился о стену и отлетел на пол. – Говорит, его красавица исчезла при очень странных обстоятельствах. Настоял на скорой встрече, волновался.

Макар вскочил со стула, поднял комочек и забросил в ведро.

– Ты хоть в порядок себя приведи, – посоветовал Бабкин. – У тебя физиономия несолидная.

– Она всегда несолидная, – отмахнулся Макар, выглядевший от силы лет на двадцать шесть. – За солидность у нас отвечаешь ты. Сколько в тебе сейчас веса, я что-то запомнил... Центнер?

Бабкин усмехнулся и направился в прихожую, услышав звук закрывшихся дверей лифта. Полторы минуты спустя посетитель сидел в комнате, одновременно служившей Макару кабинетом, и несколько растерянно разглядывал хозяев.

Крупному, коротко стриженному мужику, вольготно расположившемуся на ковре возле кресла, было около тридцати шести, как

на глаз определил Антон. Именно он открыл Липатову дверь. Смотрел стриженный внимательно, чуть настороженно. В руке он держал большую белую кружку с надписью «Мы – монстры» и время от времени отпивал из нее чай.

Второй, как догадался Антон, и был Макар Илюшин – детектив, к которому ему посоветовал обратиться знакомый. «Чудес не творит, но работает добросовестно, – сказал знакомый. – Весьма добросовестно». Липатов ожидал увидеть матерого мужика с повадками фээсбэшника, но перед ним на стуле сидел молодой светловолосый парень с улыбочивым, доброжелательным лицом, ничем не отличающийся от десятков студентов, с которыми Антон изредка сталкивался в метро.

– Меня зовут Макар Илюшин. – Парень протянул ему руку.

– Я – Сергей, Сергей Бабкин. Мы с вами уже познакомились, – кивнул мужик от кресла.

– Антон Липатов, – представился Антон и, помявшись, придвинул к себе чашку с кофе, покосившись на кружку Бабкина.

– Не обращайтесь внимания на его монстров, – усмехнулся Макар. – Рассказывайте, Антон. Если я правильно понял, у вас пропала подруга. Или жена?

– И не жена, и не подруга... – со вздохом ответил Антон. – Мы работаем с Викой в одной фирме. Я – в финансовом отделе, она – референт директора.

– Сколько ей лет? – спросил Бабкин.

– Двадцать шесть.

Антон сунул руку в карман пиджака и достал оттуда фотографию. Со снимка на Бабкина и Макара серьезно смотрела светловолосая девушка с короткой стрижкой. Чуть выдающийся вперед волевой подбородок, маленький прямой нос, прищуренные карие глаза... «Не красавица, но хороша», – отметил мысленно Сергей. Он перевел взгляд на Липатова и про себя удивился, отчего этот лощеный клерк беспокоится о серьезной девушке с прищуренными глазами.

Посетитель ему не нравился. Липатову на вид было около тридцати— тридцати двух. Он был высок, строен, широкоплеч и представлял собой, по мнению Сергея, идеал мужчины восьмидесяти процентов женщин. Бабкин много видел таких вот молодых красивых парней, выросших из симпатичных мальчиков: имеющих свои машины и квартиры уже к двадцати пяти годам, быстро обретших теплое местечко в виде финансового отдела в небольшой нефтяной компании. Мальчики умели себя вести, будучи начисто лишеными такта, демонстрировали широкий

кругозор, будучи совершенно необразованными, интересовались всем, будучи неинтересными сами. В комплекте с ними прилагались престижные виды спорта вроде тенниса или серфинга. Не золотая молодежь, конечно, но позолоченная. Местами.

– Расскажите, что случилось с девушкой, – попросил Макар.

– Вика... она уехала, – запнувшись, объяснил Липатов. – Нет, подождите, я не с того начал. Я уже сказал, что мы работаем в одной фирме. Общаемся, ходим вместе на обед... Три недели назад Вика примчалась совершенно счастливая, чуточку обалдевшая даже – я ее никогда такой не видел. Отозвала меня в сторону и рассказала, что выиграла путевку и завтра уезжает. Мол, с шефом уже договорилась, он дал ей отпуск на месяц. Осталось только вещи сложить – и вперед, к мечте.

– Какая фирма проводила розыгрыш? – поинтересовался Бабкин.

– Не знаю! – Липатов раздраженно стукнул кружкой об стол. – Я вообще ничего не знаю! Хорошо еще, что Вика поделилась со мной новостью – со мной одним из всей фирмы, кстати. Она же чертовски скрытная, никому ничего о себе не рассказывает. Казалось бы, общается со всеми, белой вороной в углу не сидит, на буку не похожа – но попробуй при этом хоть что-нибудь из нее вытянуть! Нашим девчонкам она объяснила, что собирается отдохнуть от работы. О выигрыше и поездке – ни слова!

– Нетипично для женщин, – заметил Макар.

– Вика необычный человек в этом отношении, – поморщился Антон. – Я знаю, что у нее очень странная семья, и Вика мне объяснила, что старается ни с кем не делиться важной для нее информацией, потому что родные отучили ее от этого. Она их терпеть не может и, по-моему, не общается с родителями. И с сестрой. Так вот, в фирме только я в курсе, что Вика выиграла путевку. Но я не знаю всего остального.

– А зачем вам знать все остальное? – подал голос Сергей.

Липатов поднял на него уставший взгляд.

– Потому что я уверен на сто процентов, что ее выигрыш – полная лажа. Ее обманули, увезли куда-то – я понятия не имею, куда и кому это могло понадобиться. Она должна была вернуться неделю назад, и до того времени я мог хотя бы надеяться, что все будет нормально. Но она не приехала. Она пропала, понимаете? – сказал он. – И я хочу, чтобы вы ее нашли.

И неожиданно за костюмом, за ухоженностью, за теннисом и престижным вузом Бабкин увидел потерянного парня, изо всех сил пытающегося держаться независимо и уверенно, как он привык.

– Она ваш друг? – серьезно спросил Сергей без малейшей насмешки в

голосе.

– Хуже, – выдавил улыбку Липатов. – Я ее люблю.

Он перевел взгляд на Макара и негромко попросил:

– Найдите ее. Прошу вас. Пожалуйста.

Спустя час Бабкин снова стоял у окна и смотрел на отъезжающую серебристую машину.

– Что ты думаешь по этому поводу? – Макар подошел к нему.

Сергей помолчал и с неохотой признался:

– Думаю, что мужику голову морочат. Нелепая какая-то история, согласишься?

– Согласен.

История и впрямь выглядела не то чтобы нелепо, но – неубедительно. Вика Стрежина устроилась в фирму, где работал Антон, два года назад. Поначалу ее взяли секретарем, но, убедившись в старательности и добросовестности девушки, постепенно повысили ее до референта шефа. По словам Липатова, Вика отличалась замкнутостью, но при этом обладала дружелюбным, спокойным и ровным характером.

– Она ни с кем не сошлась близко, кроме, пожалуй, меня, – рассказывал Антон. – Но, как ни странно, к ней все равно относились хорошо. Наверное, из-за того, что она абсолютно беззлобный человек. Хотя очень принципиальный.

Илюшин подумал, что беззлобность плохо сочетается с принципиальностью, но комментировать слова Липатова не стал. Ему важно было выслушать полный рассказ.

– Сколько я ее знаю, она всегда говорила о том, что терпеть не может Москву. – Липатов непроизвольно бросил взгляд за окно – туда, где в серое ноябрьское небо вырастали краны, похожие на длинные шеи доисторических чудовищ. – Не сам город, а толпы людей. Они действуют на нее угнетающе. Вика мне признавалась, что ее мечта – это необитаемый остров. Настоящий необитаемый остров, где не было бы никого, кроме нее. В прошлом году она съездила отдохнуть в Грецию, на какой-то малонаселенный курорт, и потом жаловалась, что там оказалось очень много людей. Хотя на самом-то деле, – Липатов усмехнулся, – в жалкой деревушке, кроме нее, не было ни одного туриста, а местных, по-моему, всего две с половиной сотни человек. Но ей нужен был остров – необитаемый, мать его! – и не меньше. Вот она его и получила.

– В каком смысле? – не понял Макар.

Липатов помолчал, а затем коротко объяснил: путевка, которую

выиграла Вика, давала ей возможность две недели жить на необитаемом острове.

– Она шла в магазин, и в сквере ее остановили две девушки в таких... маскарадных костюмах. Предложили купить билет – якобы на него можно выиграть машину, посуду, еще какую-то ерунду, а главный приз – поездка на остров. Конечно, Вика согласилась! Отдала сто рублей, вытянула билетик, и ее обрадовали: мол, главный приз – ваш!

– Она сама вам это рассказала? – уточнил Сергей.

– Да, конечно. Кто же еще?

– И никаких подружек с ней не было? – спросил Макар. – Никто не может подтвердить ее рассказ?

– Нет, – покачал головой Антон. – Насколько мне известно – нет.

– Хорошо. Что было дальше?

Дальше к Стрежиной домой приехал представитель фирмы и привез путевку. Визу Вике предложили оформить либо самой, либо – за дополнительную оплату – через представителей фирмы. Стрежина выбрала второе и очень радовалась, когда визу оформили со сказочной быстротой.

– В какую страну она должна была ехать? – уточнил Илюшин.

– Я не знаю. – Антон не смотрел ни на него, ни на Бабкина. – Вика мне не сказала.

– Хорошо, а как назывался остров? – подключился Сергей.

– Да не знаю я! – повысил голос Липатов и провел рукой по лбу. – Простите, совсем нервы сдают. Вика ничего мне не рассказала. Точнее, она хотела вспомнить название острова, но не смогла. Рассмеялась и пошутила, что от счастья у нее совсем память отшибло.

– Может быть, хоть упомянула, в каком море будет купаться? – вежливо осведомился Илюшин. – Океане?

Липатов молча покачал головой. Сергей с Макаром переглянулись.

– Ладно, с этим – ясно, – мягко сказал Макар. – Вы не знаете, куда она уехала. А что случилось затем?

– Она не вернулась через две недели, – ответил Антон без выражения. – Я знал, что дата вылета – первое ноября, но Вика запретила провожать ее в аэропорт. Сказала, что я своим присутствием и брюзжанием испорчу ей сказку. Даже не призналась, из какого аэропорта вылетает. Я, в общем-то, привык к ее тяге к секретности, поэтому не особенно настаивал. Да если бы и настаивал... бесполезно. Она бы не сказала. Но я ждал, что через две недели она позвонит, а она не позвонила. И не прилетела.

– Что в связи с ее отсутствием предприняли на работе? – вслух подумал Бабкин.

– Ничего, – пожал плечами Липатов. – Она подписала отпуск на месяц. Обычно никого не отпускают на такой срок, но Вике повезло: во-первых, шеф был в подходящем настроении и хотел кого-нибудь осчастливить, во-вторых, секретарю взяли помощницу, и новую девочку сейчас нагружают работой Вики. Что они будут делать через неделю, я не знаю.

– Вы обращались в милицию?

– Не я. Обратился ее дядя – единственный человек из всей семьи, с кем она общается. Он любит Вику, беспокоится за нее. Может быть, вам знакома его фамилия – Каморкин: когда-то он был известным фотографом. Меня, честно говоря, очень удивило, что у него взяли заявление. Зная нашу милицию... Но ожидать от них каких-то действий, разумеется, бесполезно, потому я обратился к вам. Как мне рассказывали....

Макар перестал слушать Липатова. Он называл это «отстроиться», то есть перестать слышать собеседника, сосредоточиться на его мимике и жестах. Илюшин знал, что всю необходимую информацию запомнит Сергей, а ему важнее было другое – врет сидящий перед ним человек или нет.

Пару минут он размеренно кивал, думая о своем, внимательно наблюдая за лицом Антона. «Выключать звук» по собственному желанию он научился два года назад и с тех пор применял это постоянно, общаясь с новыми людьми. По истечении двух минут Макар кивнул, словно в ответ на слова Антона, а в действительности самому себе, и откинулся на спинку дивана. Антон Липатов говорил правду – с вероятностью девяносто процентов. Он действительно был очень озабочен судьбой девушки и, похоже, в самом деле не понимал, что происходит.

– Как ты думаешь, он подозревает, что его обманули? – спросил Бабкин, когда машина исчезла за домом.

– Нет, – покачал головой Макар. – Я за ним понаблюдал: по-моему, он совершенно искренен.

– Мне тоже так показалось. Ладно, где девица-то?

Сергей протопал на кухню и вернулся с новой порцией крепкого сладкого чая. С удовольствием отхлебывая из кружки, он покосился на Макара, черкавшего что-то на листочке бумаги.

– Так где девица? – повторил он. – И что ты будешь клиенту сообщать?

– Что он не клиент, – отозвался Илюшин, складывая листочек пополам. – Я, конечно, проверю кое-что на всякий случай, но обсуждать здесь нечего.

Бабкин согласно кивнул. Обоим было понятно, что история с

выигрышем путевки на необитаемый остров была придумана специально для влюбленного финансиста. «Вот только зачем? – размышлял Сергей. – Неужели просто так нельзя было парню отказать?»

– Макар, а почему она просто так ему не отказала? – вслух спросил он. – Обязательно нужно было выдумывать красивую историю? А потом, не могла же девочка не понимать, что рано или поздно ее начнут искать.

– Серега, ты мыслишь логично, – снисходительно объяснил Илюшин. – Точнее, пытаешься. А молодые двадцатилетние женщины совершенно не обременяют свои белокурые головки такими понятиями, как логика. Девочке хотелось развлечений, хотелось бросить надоевшую фирму. Может быть, она состоятельного иностранца нашла на просторах Интернета! Вот и сочинила сказочную историю, не задумываясь о последствиях. А может, мечтала оставить после себя красивую легенду: улетела на необитаемый остров и не вернулась.

– Как ты объяснишь Липатову свой отказ работать с ним?

– Пока не знаю, – пожал плечами Макар. – Он завтра позвонит, тогда и придумаю что-нибудь.

Бабкин одним глотком допил обжигающий сладкий чай и поставил кружку на подоконник.

– А ты не допускаешь, что история и в самом деле правдивая? Девочка действительно что-то выиграла, куда-то улетела, по природной скрытности никому ничего не сказала и в конце концов пропала. К примеру, попала в темном переулке в лапы сицилийской мафии – и поминай как звали Викторину Стрежину.

Илюшин отрицательно покачал головой:

– Во-первых, ситуация с розыгрышем счастливого билетика на улице – выдумка чистой воды. Подобные акции проводятся не так уж часто, и в них обычно разыгрывают не счастливый билетик за сто рублей, а телевизор или пылесос. В крайнем случае – бутылку минералки, но тогда уж и реклама будет везде, где только можно. Во-вторых, никакой агент не привезет путевку тебе домой – придется ехать за ней в офис. В-третьих, необъяснима скрытность девушки: зачем запрещать влюбленному коллеге провожать ее в аэропорт под надуманным предлогом? Липатов не урод – наоборот, хорош собой – и вряд ли настолько достал девицу, чтобы она отказалась от бесплатного носильщика в его лице. В принципе, мы с тобой можем поговорить с коллегами Стрежиной. Я уверен, что в результате всплывет какой-нибудь давний роман. Вероятнее всего, она уехала, скажем, в Петербург к любимому и радуется там жизни, потому и отпуск взяла на целый месяц.

– И, как обычно, все коллеги в курсе, кроме героя романа, – хмыкнул Бабкин.

– Примерно так, – согласился Макар. – Только Липатов, получается, второстепенный герой. Но раскрывать ему глаза за его же деньги я считаю неправильным. Согласен?

– Согласен.

Сергей с сожалением посмотрел на дно чашки, где поблескивал растаявший сахар, и отправился на кухню – за ложечкой.

Песок, на котором она стояла, был не желтым, а молочно-белым. Мелким и твердым, как манная крупа. Она присела на корточки, захватила горсть песка и смотрела, как он медленными теплыми струйками сыплется между пальцев. Ветер тут же подхватывал и уносил их.

По песку пробежало насекомое, похожее на комара, разучившегося летать, – длинноногое, с зачатками тонких крыльев на спинке. Девушка отдернула ногу и долго не сводила глаз с существа, проворно переваливающегося через миниатюрные рельефные барханы, оставленные набежавшими волнами. В конце концов оно исчезло за очередным барханом.

Девушка отряхнула руки от песка и перевела взгляд на волны.

Бесконечность. Синяя, зеленая, золотая бесконечность – вот что было перед ней. Волны шумели, набегали на песок и покорно откатывались обратно. Поверхность воды искрилась, так что глазам было больно смотреть на нее, но девушка не отводила взгляд, пока не потекли слезы. Вытерев их тыльной стороной ладони, она поднялась и сделала несколько шагов навстречу бесконечности.

Ветер радостно ударил ей в лицо солеными брызгами, на босые ноги с тихим шуршанием накатила очередная волна, принеся с собой крошечные белые обломки ракушек. Вокруг ее ног образовались пузырьки воздуха, и вода закружилась в прозрачном водовороте.

Прищурившись, девушка вгляделась в линию горизонта. Линия дрожала, ломалась и казалась живой – как и все вокруг нее.

– Вы не живые. Вы – мертвые, – громко сказала она вслух. – Только я живая.

Сзади укоризненно зашелестели пальмы, и девушка обернулась.

– Ветер усиливается, – сообщила она. – Я это и без вас вижу.

Пристально всматриваясь в дно под ногами, вернулась на берег и пошла в ту сторону, где исчезло насекомое с крылышками на спине. Ветер и впрямь стал сильнее – теперь брызги долетали до нее, хотя она шла в

нескольких метрах от воды. Время от времени девушка машинально стирала со щеки соленые капли и, морщась, слизывала их с пальцев.

Через десять минут она остановилась. Солнце поднималось все выше, и девушка ощущала, как ей печет затылок. Нужно было уходить в тень пальм, но она постояла еще немного на берегу, изучая пейзаж, ничем не отличающийся от того, который видела десять минут назад.

Внизу было синее и зеленое, вверху – только синее. Ее любимый цвет. Глубокий, невероятно насыщенный синий всех оттенков, от голубого до густого фиолетового. Она всегда думала, что самый прекрасный цвет на земле – синий.

– Отпусти меня, – попросила она, сглотнув.

Тишина.

Ноги подогнулись, и девушка беспомощно опустилась на песок.

– Отпусти меня! – выкрикнула она.

Вокруг стояла тишина, потому что в этом месте шум деревьев, волн и ветра был тишиной для нее.

– Отпусти-и-и-и!

Она завывала, упала навзничь и закрыла глаза, чтобы только не видеть синевы вокруг – бесконечно прекрасной, безмолвной, вечной синевы, которой не было никакого дела до катающегося по песку человеческого существа, исторгающего невнятные звериные крики.

Длинноногое насекомое, отдаленно похожее на комара, выглянуло из-за песчаного бугорка и припустилось прочь от опасного места.

Глава 2

Сумму, переведенную на свой счет, Илюшин обнаружил случайно, поскольку не имел обыкновения проверять счет ежедневно. В первую секунду он удивился, потом – рассердился, а затем набрал номер Бабкина.

– Серега, привет. Хочешь новость?

В восемь утра Бабкин новостей не хотел, тем более что по тону Макара было очевидно: новость не из приятных. Но деваться было некуда.

– Господин Липатов положил на наш счет деньги... – И Макар озвучил Бабкину число, выведенное на экран.

– Откуда у него номер счета? – не понял Бабкин, собираясь с мыслями. – И почему так много перевел?

– Наверняка оттуда же, откуда и выход на нас. Что касается суммы, то вопрос не ко мне. Надо сообщить товарищу, что он погорячился и заниматься его делом мы не будем.

– Вот ты и сообщи, – предложил Бабкин, быстро сообразивший, к чему клонит напарник. – В конце концов, кто из нас двоих дипломатичен и хорошо воспитан? Записывай номер...

Мобильный Липатова отозвался сообщением о недоступности абонента. Макар покрутил в пальцах телефон, похмыкал и выключил компьютер. Затем снова перезвонил Сергею.

– Не отвечает твой Липатов, – сообщил он, раздражаясь с каждой минутой все больше и злясь на себя за свое раздражение. – Давай рабочий телефон.

– А ты не нервничай, – зевнул Бабкин в трубку. – Рабочего у меня нет. Да он сам тебе перезвонит, не суетись. Начнет интересоваться, как ты ведешь расследование, давать советы...

– Серега, мне не нравится ситуация, когда клиент пытается вынудить нас с тобой заняться его делом столь беспардонным способом. Вчера мне показалось, что Липатов вполне вменяемый субъект, но, судя по его поступку, я ошибся. И больше всего мне хочется послать его как можно дальше. Желательно при личной встрече.

Бабкин сел в кровати, окончательно проснувшись. Плохи дела бедняги Липатова, если уравновешенный Макар и впрямь вышел из себя. Впрочем, клиент сам напросился.

– Он говорил, что офис их фирмы где-то на Волхонке, – припомнил Сергей. – Точно, там!

– Все, я и сам вспомнил. – Макар хлопнул ладонью по столу и положил трубку, не прощаясь.

«Мелкий и глупый манипулятор, – размышлял он, пока ехал в метро. – Всех меряет на свой аршин, а, значит, деньги оказывают на него магическое действие. Представил, что он сам не смог бы отказаться от такой суммы, и решил, что и я не смогу. Наглец без выдумки».

Обозвав Липатова наглецом, Илюшин покачал головой. Человек, с которым он разговаривал накануне, произвел на него совершенно иное впечатление. «Что-то здесь не так. Правильно я сделал, что поехал, а не стал дозваниваться».

Через сорок минут он входил в неброский серый особняк, закрытый от дороги старыми мокрыми кленами.

– Вы к кому? – вежливо осведомился пожилой охранник.

– К Липатову, Антону Липатову, – ответил Макар и уже собрался достать паспорт, как вдруг пробежавшая по вестибюлю высокая темноволосая девушка в строгом брючном костюме резко остановилась около него и странным, каким-то зажатым голосом спросила:

– К Антону? Вы к Антоше?

Макар недоуменно взглянул на девушку и сразу понял, что дело плохо. Лицо у девушки было бледное, глаза покраснели от слез.

– К Антону, – подтвердил он, уже догадываясь, что сейчас услышит.

Девушка переглянулась с охранником и, сглотнув, проговорила:

– Антона... его нет.

Лицо ее исказилось, но она сдержалась и не расплакалась.

«Его нет, – повторил про себя Макар. – Все понятно. Интересно, на сколько я опоздал?»

– Когда он умер? – вздохнув, спросил он.

Девушка обернулась к нему так резко, что Илюшин отшатнулся; лицо ее побледнело.

– В-вы... Вы что? Нет! – Она отчаянно замотала головой, словно отгоняя саму мысль о возможности смерти Липатова. – Нет-нет, вы меня не так поняли! Он жив! Просто... просто в больнице... В очень тяжелом состоянии. Нам позвонили утром... – Она махнула рукой и отвернулась.

– Утром, – сочувственно повторил охранник. – Сбило его машиной, когда он к гаражу подходил. Сволочь какая-то сбила и уехала, даже «Скорую» не вызвала. Ищи теперь эту гниду по всей Москве! Черт возьми, ну вот как так можно, а?! Ладно – водила дурак, права купил. Ладно – разогнался во дворе. Ну, человека сбил. Так остановись, выйди, помоги чем можешь! Так ведь нет, оставил лежать. Пока собачник его не нашел... Все

бы обошлось, наверное, но там железный столбик...

– Он не приходил в сознание. Нам сказали, что у него черепно-мозговая травма, – хрипло проговорила девушка. – Господи, Антошка....

Она не выдержала и заплакала, уткнувшись лицом в ладони. Макар постоял пару секунд, глядя, как ее успокаивает охранник, затем повернулся и пошел к выходу. День, начавшийся из рук вон плохо, набирал обороты.

Выйдя на улицу, он остановился возле мокрой скамейки под старой липой, но сесть не решился. Начал накрапывать мелкий противный дождик, и Макар, ежась, встал под дерево, обдумывая, что теперь делать.

Итак, после разговора с ними Антон Липатов перевел на их счет сумму, которую считал достаточной для оплаты услуг детективов. На самом деле сумма была в полтора раза больше той, что запросил бы Илюшин, если бы согласился взяться за поиски девушки, но Липатов, вероятнее всего, об этом не догадывался. «Не собирался он нас впечатлять, – запоздало понял Макар. – Он решил по итогам разговора, что мы согласны искать его подругу, вот и поторопился перевести деньги. Сколько мы берем, он не знал, наверняка хотел уточнить сегодня. Да, господин Липатов, переоценили вы наши аппетиты».

Самым правильным решением Илюшину представлялось вернуть деньги Липатову. «Или его родственникам, потому что вовсе не обязательно, что господин Липатов останется в живых после того, как его сбила машина», – рассудительно сказал себе Макар. С другой стороны, перспективу быстро отыскать Викторину Стрежину и получить за это приличный гонорар, фактически уже лежавший в кармане, стоило обдумать со всех сторон. «Не знаешь, что делать, – ничего не делай, – сказал себе Макар, поднял воротник куртки и нахохлился под липой. – Пять минут. Посмотрим, что произойдет в ближайшие пять минут».

Через четыре минуты дождь полил сильнее, и на голову Илюшину посыпались капли. Расценив это как намек провидения на то, что в метро ему будет куда уютнее и суше, Макар вышел из-под дерева и сделал два шага в сторону станции.

– Простите! – догнал его голос сзади. – Подождите, пожалуйста!

Илюшин обернулся. К нему подходила красивая темноволосая девушка, с которой он разговаривал десять минут назад.

– Мне очень неловко... – запыхавшись, проговорила она. – Вы ведь пришли к Антону, а я даже не спросила, зачем, – до того расстроилась. Может быть, другой сотрудник нашей фирмы сможет вам помочь? К тому же дождь начинается... – прибавила она неизвестно зачем.

Макар задумчиво смотрел на девушку. У него еще оставался шанс, что

все-таки провидение уготовило ему на ближайшие полчаса тихо сидеть в вагоне метро, незаметно рассматривая пассажиров.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Лена, – чуть растерянно ответила девушка. – Лена Красько.

– Лена, скажите, пожалуйста, вы хорошо знаете Викторию Стрежину? Девушка изменилась в лице.

– Господи, только не говорите, что с ней тоже что-то случилось! – взмолилась она. – Вика – моя подруга!

Призрак зеленого вагона промелькнул перед Макаром и растаял вместе с пассажирами, которых он собирался рассматривать. Тихо вздохнув, Илюшин решился, стараясь не думать, как он будет объяснять свой поступок напарнику.

– Меня зовут Макар Илюшин, – сказал он. – Я – частный детектив. Мы можем с вами поговорить, Лена? Я все объясню.

Последний мокрый лист сорвался с ветки и шмякнулся Илюшину за шиворот.

Идя по коридору следом за своей провожатой, Макар успел заметить и растерянные лица сотрудников фирмы, и солидную обстановку кабинетов... Девушка открыла дверь, приложив к ней магнитный ключ, и Илюшин вошел внутрь.

– У нас сейчас бардак, – объяснила Лена, кивнув на свалку бумаг и пластиковых файлов на столе перед монитором. – Из-за происшествия с Антоном все немного не в себе. Девочка, которая работает со мной, бросила дела и убежала – кажется, до сих пор плачет в туалете. Очень... очень дико все. Просто невозможно поверить. Он в реанимации, и хоть никто ничего не говорит вслух, но все боятся худшего.

– Его любят? – Макар задал первый пришедший на ум вопрос.

– Да, – не задумываясь, ответила Красько. – Особенно девушки. – Она чуть покраснела.

Илюшин понимающе кивнул. Он в этом и не сомневался.

– А Вику? Как к ней относятся ваши коллеги?

– Сдержанно, но с уважением.

Лена провела рукой по глазам, вздохнула.

– Простите, как вы сказали, вас зовут? Макар? Макар, что с ней случилось? Я была так рада за Вику, когда она рассказала про поездку...

– Стоп! Значит, вам она тоже сообщила о выигрыше? – перебил ее Илюшин.

– Ну конечно, – удивленно взглянула на него девушка. – Как же можно

такой новостью не поделиться! Правда, остальным просила не говорить, я и не стала. А почему вы удивились?

«Хорошо еще, что Вика поделилась со мной одним из всей фирмы, – вспомнил Макар слова Липатова. – Девчонкам объяснила, что собирается отдохнуть от работы». Получалось, что Антон либо ошибался насчет скрытности Вики Стрежиной, либо не сказал правды.

Лена Красько повторила Макару то, что он уже слышал от Липатова: Вика столкнулась на улице с представителями фирмы, проводившей какой-то розыгрыш, купила билетик и выиграла главный приз. Лена не помнила названия фирмы, да и не была уверена, что Вика называла его.

– Она всегда играет в лотерею, – грустно улыбаясь, рассказывала девушка. – Просто у Вики это пунктик. Мне кажется, она таким образом изживает семейные традиции.

– Какие традиции? – заинтересовался Макар.

– Понимаете, Вику воспитывали в убеждении, что все блага достаются только долгим и тяжким трудом. Ее родители считают, что других вариантов быть не может. – Девушка поморщилась, и Илюшин понял, что Лена Красько не очень высокого мнения о родителях подруги. – Все, что выбивается из их представлений о жизни, они даже не хотят принимать во внимание. А Вика с восемнадцати лет живет самостоятельно, доказывает родителям, что все не так, как они проповедуют. И постоянно покупает лотерейные билеты – надеется выиграть кучу денег. Тогда, как она считает, ее родители увидят, что были не правы. В общем, вечный спор родителей и детей, – философски закончила она.

– Вас не удивляет, что подруга вам ни разу не позвонила за время отпуска? – задал Макар провокационный вопрос, внимательно наблюдая за реакцией девушки.

– Нет, – покачала та головой, не задумавшись ни на секунду. – У Вики своеобразный характер, я к нему привыкла.

«Пустышка, – понял Макар. – Если Стрежина и радуется сейчас жизни с кавалером, как предполагали мы с Серегой, то Красько ничего об этом не знает. Все, начинаем работать серьезно».

Он чуть подумал, наклонился к Лене и доверительно попросил, глядя ей в глаза:

– Расскажите мне, пожалуйста, подробнее о вашей подруге. Наверняка найдется мало людей, которые знают ее так же хорошо, как и вы.

– Что ты ей наплел? – мрачно буркнул Бабкин, расхаживая по комнате.

– Сказал правду, – флегматично пожал плечами Макар. – Объяснил,

что, возможно, ее подруга пропала, а раз Липатов просил нас ее разыскать, мы считаем делом чести выполнить его просьбу. «Возможно, предсмертную», – добавил он про себя.

– Не исключено, что предсмертную! – зло бросил Сергей. – Не нравится мне это.

Макар промолчал. Он прекрасно понимал, почему сердится напарник, и отчасти разделял его недовольство. Дело начиналось неправильно – да что там «начиналось», оно уже началось. Их клиент лежал в реанимационном отделении больницы, и приехавшему туда Макару, не церемонясь, сообщили, что он может уезжать обратно, поскольку Антон Липатов хоть и пришел в сознание, но беспокоить его нельзя. Илюшин попытался обаять персонал, но ему в резкой форме предложили не отвлекать людей от работы, и он вынужден был подчиниться.

Итак, у них фактически не было клиента, у них не было версий, у них не было ничего, с чем они привыкли работать, – только деньги на счете и неправдоподобная история.

– Значит, Липатова сбила машина и скрылась, – рассуждал вслух Бабкин, продолжая мерить шагами кухню в своей квартире.

Кухня была небольшая, поэтому Сергей за два шага доходил до окна, разворачивался и за те же два шага преодолевал расстояние до диванчика, на котором сидел Макар.

– Слушай, ты вносишь сумбур в мой незаурядный мозг, – пожаловался тот. – Сядь на стульчик, не шарахайся из угла в угол.

Стульчики Бабкин на дух не переносил, точно так же, как и они его. Стульчики под ним ломались, трескались, хрустели спинками и продавливались. Поэтому Сергей привычно опустил на маленький зеленый коврик под окном и привалился к стене, скептически окинув взглядом худого белобрысого Макара. «Задело его, что клиента чуть не убили! – фыркнул он про себя. – „Деньги мы не можем вернуть!“ Все мы можем, просто не хотим».

– Итак, машина... – задумчиво продолжил он. – Значит, сегодня я отправляюсь опрашивать жильцов. Понятно, что опера их уже опросили, но все-таки чем черт не шутит! Заодно неплохо было бы связаться с опергруппой на предмет следов от шин. Какая, говоришь, улица? Нужно выяснить, кто дежурил в то утро.

– Разумно. Параллельно будем копать со стороны самой Стрежиной. Много времени на обход дома у тебя не уйдет, так что тебе достанутся еще кое-какие симпатичные личности, имеющие отношение к нашей девице. Мне о них много интересного рассказала ее подруга, Красько.

– Выкладывай, – предложил Сергей. – Давай-давай, не зря же ты два часа штаны протирал в офисе Липатова.

Макар пропустил «штаны» мимо ушей и начал рассказывать.

В топливно-энергетической компании «Юго-запад» в первые полгода к Вике относились настороженно – она была чужаком, сотрудником, пришедшим без всяких рекомендаций. В традициях же «Юго-запада» было набирать людей по знакомству, а еще лучше – объединенных родственными связями с кем-нибудь из уже работающих в фирме. Истоки такого подхода Илюшин видел в том, что возглавлял компанию Аслан Коцба, абхазец по национальности, окруживший себя близкими людьми: заместителем Коцбы работал его двоюродный брат, исполнительным директором – муж сестры Аслана. Во время беседы с Красько Илюшин ненавязчиво выяснил, что сама Лена была замужем за одним из многочисленных родственников гендиректора. «Почти все наши девочки пришли сюда, потому что они чьи-то родственницы, – честно рассказала Красько. – Здесь так принято, понимаете?»

Но Вика Стрежина нарушила традицию, и причиной тому стал, как ни странно, сам Аслан Коцба. Предыдущих трех «правильных» секретарей, обладавших всеми нужными связями, он уволил с шумом и грохотом, поскольку имел привычку в ярости швырять в стену своего кабинета бутылки с минералкой. Зная об этой особенности Аслана, референты постоянно обновляли минералку на его столе, справедливо опасаясь, что тот, не найдя привычной бутылки, может запустить чем-нибудь другим, куда менее легким. Например, пресс-папье из оникса. И не в стену, а в провинившегося сотрудника. Швыряние бутылок тоже было обычаем, и идти против него никто не рисковал. Секретарши одна за другой вылетали из дверей серого особняка «Юго-запада», поскольку умение грамотно составлять документы, как оказалось, находилось в обратно пропорциональной зависимости от степени родства с работниками фирмы. Первая секретарша была племянницей главбуха. На третий день работы она отправила электронное письмо начальнице юридического отдела фирмы, с которой «Юго-запад» вел важные переговоры, перепутав буквы «Ю» и «Б», расположенные на клавиатуре по соседству. Демократичное обращение «Юля» в редакции секретарши превратилось в нечто совершенно неприличное, и разъяренный Коцба уволил ее в тот же день, не пожелав оценить смешную сторону происшествия. Заодно попало и главбуху.

Вторая девочка, пришедшаяся дальней родственницей начальнику аналитического отдела, от усердия ставила запятые после каждого слова,

боясь не угодить шефу. Кроме того, напуганная историей своей предшественницы, она по десять раз проверяла и перепроверяла письма, тратя уйму времени. Такая старательность быстро стала раздражать Аслана, и секретаршу уволили, хотя и без швыряния бутылок в стену.

Третья секретарша была грамотной – может быть, потому, что в «Юго-западе» трудился программистом всего лишь ее троюродный брат. Она работала быстро, старательно, делая минимум ошибок в тексте. Но небольшой поселок Мусохранск, куда девушка отправляла электронную почту для друга детства Коцбы, подкосил и ее.

До того, как Аслан приказал секретарше отправить письмо, девушка не знала о существовании поселка с таким названием и потому сделала ошибку, напрашивающуюся само собой. Когда Аслану Коцбе пришло возмущенное письмо, в котором обиженный мусохранец требовал не называть его мухосранцем, шеф не стал долго вникать в проблему, и офис в очередной раз остался без секретаря.

После этого наступило затишье. Никто из сотрудников не рисковал предлагать своих родственниц на место «той-самой-которая-обидела-мусохранцев». В конце концов Аслан, скрипя зубами, дал «добро» на обращение в рекрутинговое агентство. Первой, кого прислали из агентства, оказалась Виктория Сергеевна Стрежина.

Вика была сдержанна, перед начальством не лебезила, с коллегами общалась ровно и дружелюбно. Первые три месяца все с замиранием сердца ожидали, какой фортель выкинет новая секретарша, но время шло, а Стрежина работала без промашек. Сначала ей удивлялись, потом постепенно зауважали, хотя настороженность по отношению к девушке до конца не исчезла. Но когда Коцба назначил ее референтом, никто не удивился: Вика лучше остальных подходила на эту должность.

– За что ее уважают? – спросил Макар в разговоре с Леной. – Вы не сообщили ничего необычного. Исполнительная девушка, по-моему, не такая уж и редкость.

– Ее уважали не за исполнительность, – объяснила Красько, не замечая, что переходит на прошлое время. – Знаете, как бывает: видишь ты человека и понимаешь, что он – хороший, порядочный. Вот и с Викой так же. Сразу было ясно, что она порядочный человек. Даже не порядочный, нет – правильный! Вот, я нашла точное слово. Наша Вика – очень правильная. И еще очень правдивая.

Илюшин искренне считал, что правильные и одновременно правдивые люди невыносимы для окружающих. Но Вика Стрежина, судя по описанию ее подруги, таковой не была. За два года работы в «Юго-западе» она

испортила отношения лишь с одним человеком, и в результате тому пришлось уволиться. Уволившуюся даму звали Юлия Борисовна Осьмина.

Юлия Борисовна, ухоженная худощавая дама среднего возраста, возглавляла кадровый отдел. Она носила длинные черные платья с яркими шифоновыми косынками, повязанными вокруг шеи, и считалась красавицей. В любом споре последнее слово всегда оставалось за Юлией Борисовной – не потому, что оно было самым веским, а потому, что Осьмина так сумела себя поставить, что ее слово *казалось* веским. Мода, политика, новинки литературы – во всем она разбиралась и по любому поводу имела свое мнение. Осьмина тесно общалась с двумя дамами из аналитического отдела, и вместе они были влиятельной силой, с которой все считались. На Вику Стрежину Осьмина не обращала никакого внимания, поскольку двадцатипятилетняя секретарша, даже достигнувшая должности референта при шефе, никак не могла входить в круг ее, Юлии Борисовны, интересов.

Но однажды, рассказывая во время обеда за общим столом о своей любимой кошке, Осьмина обронила, что кошка недавно окотилась.

– Я так устала от ее темперамента, – пожаловалась Юлия Борисовна внимательной аудитории. – Поддай негодяйке кота, и все тут.

– А... если стерилизовать? – робко спросила одна девушка. – Или не поможет?

– Я не знаю, поможет или нет, – отчеканила Юлия Борисовна, – но подобную операцию считаю недопустимым зверством. Я свою кошку люблю и издеваться над ней никому не позволю. И, представьте себе, я готова идти на определенные жертвы!

Она метнула яростный взгляд в сторону вопрошавшей, и вокруг согласно закивали. Да, все готовы были идти на определенные жертвы ради своих любимых.

– А кому вы раздали котят? – спросила Вика, отвлекая внимание Осьминой на себя. – И сколько их было?

– Кажется, семь или восемь, – вздохнула та. – Они беспородные, никому не нужны, к сожалению. Я их всегда топлю.

За столом наступила тишина.

– Простите? – не поняла Вика.

– Я их топлю, – пожалала плечами Юлия Борисовна. – Не выкидывать же их на улицу! Топить куда гуманнее.

– В чем... в чем вы их топите? – тихо спросила Стрежина, единственная из всех присутствующих не знавшая о гуманной привычке начальницы кадрового отдела.

– В ведре, – сообщила та, начиная раздражаться. – В зеленом пластиковом ведре. А что, по-вашему, я должна с ними делать? Идти торговать в переход? Или, может быть, подбрасывать их соседям? Собакам отдавать на съедение? Я выбрала самый приемлемый способ, и, пожалуйста, не надо сентиментальничать. Я этого не переносу.

В интонациях Осьминой проскользнула брезгливость. Боже мой, до чего трепетны и глупы современные девушки! Наши бабки топили ненужный кошачий приплод по три раза за полгода, если на то пошло. А девица как услышала про котят, так сразу побледнела и сейчас, похоже, пустит слезу.

Юлия Борисовна закатила глаза, предлагая коллегам разделить ее скептицизм по поводу трепетности Стрежиной.

Но Вика не пустила слезу и не стала сентиментальничать. В несколько неловкой тишине, прерываемой только позвякиванием вилки, которой Юлия Борисовна справлялась с рыбой, она сказала негромко и чуть удивленно:

– Какая вы, оказывается, дрянь...

Если бы в ее интонациях проскользнула хоть тень, хоть намек на пафос или праведное возмущение, Осьмина съела бы мерзавку с потрохами. И присутствовавшие за столом дамы приняли бы деятельное участие в обглаживании костей. Но Вика произнесла свою фразу так, что ничего, кроме искреннего недоумения, не слышно было в ней. Жила себе девушка Виктория Стрежина, общалась с начальницей кадрового отдела, спрашивала по утрам, как дела, и восхищалась тропической расцветкой ее очередного платка. И вдруг выяснила в один прекрасный день за обедом, что Юлия Борисовна – дрянь. И сама удивилась своему открытию.

В гробовом молчании Вика встала из-за стола, отнесла недоеденное рагу на ленту и вышла из столовой. Дамы остались сидеть, не глядя на Осьмину. Юлия Борисовна густо покраснела от возмущения, затем обвела взглядом собравшихся, словно хотела объявить что-то важное, и даже открыла рот, но в эту секунду следом за Викой встала та девушка, которая спрашивала о стерилизации.

– Катя, я в кабинете, – обратилась она к коллеге. – Пойду, пожалуй, – и виновато пожала плечами.

Обед был испорчен. Осьмина объявила во всеуслышание, что Стрежина не умеет вести себя, но никто ее не поддержал.

– И знаете, Макар, что-то случилось после Викиных слов, – рассказывала Лена Красько, вспоминая случай двухлетней давности. – Вика больше ни с кем не обсуждала Юлию Борисовну, не касалась вообще

этой темы... Она не любительница сплетничать. Но я хорошо помню, что у нас, сидевших за столом, после ее фразы словно глаза открылись. Как будто бы мы на секунду взглянули на Осьмину не своими глазами, а Викиными. До этого нам что-то мешало смотреть на нее беспристрастно. Вот мне, честно говоря, мешала всеобщая убежденность в том, что Юлия Борисовна – прекрасный человек. А Кате Крониной, как она позже сама мне призналась, мешала импозантность Осьминой. Но Вика произнесла свою фразу, и мне показалось, что я вдруг увидела Юлию Борисовну очень ясно, без всяких помех вроде общественного мнения и ее умения одеваться.

– Которое, казалось бы, и вовсе ни при чем, – задумчиво заметил Макар.

– Ни при чем, – согласилась Лена. – Но кто-то за умением одеваться не может увидеть характер человека. Одевается хорошо – хороший человек, одевается плохо – значит, плохой. Скажете, так не бывает?

– А что же Осьмина? – спросил Макар, не поддерживая тему о «бывает – не бывает».

– Она поначалу не понимала, что случилось. С ней постепенно стали все меньше общаться. И те дамы, с которыми она раньше водила дружбу, тоже. Юлия Борисовна попыталась устроить Вике пару скандалов, но у нее ничего не вышло.

– Почему?

– Вика не поддавалась на провокации. И знаете, почему еще...

* * *

Юлии Борисовне хотелось кричать, хотелось устроить такую склоку, после которой Стрежина рыдала бы и вешалась в туалете на пятом этаже, где всегда приятно пахло освежителем с запахом дыни. Юлии Борисовне хотелось швырнуть в лицо пакостной девчонке грубые бранные слова, от которых та покрылась бы красными пятнами и заплакала от стыда. Ей хотелось собрать побольше гадких интимных подробностей и выстрелить ими побольше в присутствии мужчин их фирмы. Последнее оружие всегда срабатывало безотказно – Осьмина им пару раз пользовалась.

Но сейчас она этого сделать не могла. Распалившись до такого состояния, что хотелось провести по стене ногтями с прекрасным французским маникюром, с хрустом раздирая бумажные обои, Юлия Борисовна выскакивала в курилку, где стояла за компанию с коллегами Стрежина. И останавливалась, словно наткнувшись на стену.

Вика останавливала Осьмину так легко, что никто и не понимал, что происходит, и меньше всего – сама Юлия Борисовна. Она только осознавала, что от холодноватого недоумения в глазах секретарши вся ее ярость вместо того, чтобы взорваться фейерверком, сжимается в черный шарик, издает тихий звон, как при столкновении со стеклом, и застывает. «Дзинь!» – слышала она и не могла начать кричать, хотя две минуты назад готова была на ор, скандал, склоку – да на что угодно, лишь бы вывести Стрежину из себя и добиться, чтобы девицу выкинули из фирмы. Но проклятое удивление в глазах той действовало на Юлию Борисовну как холодный душ. Она теряла всю свою уверенность, сдувалась, как шарик, и лишь черный комок оставался внутри – держа форму, не давая ей обмякнуть совсем.

Юлия Борисовна не любила копаться в самой себе, считая себя человеком практически безупречным. Неприятные воспоминания, связанные с собственными поражениями, она рассовывала по закоулочкам памяти так глубоко, что до них не просто было добраться. Однако в конце концов одно воспоминание все же всплыло, как ни старалась отмахнуться от него Осьмина.

Когда ей было четырнадцать лет, у девчонок в классе появилось новое увлечение. Сбившись на перемене в хихикающую кучку, они выбирали себе жертву из проходивших мимо школьников, как правило, симпатичных, и начинали в спину ей негромко говорить гадости, с таким прицелом, чтобы жертва непременно догадалась, что речь идет именно о ней. Развлечение, на первый взгляд простое, требовало наблюдательности, быстрой реакции и острого языка. Обычные оскорбления не подходили – это было бы слишком примитивно. На долгое поливание грязью не хватало времени – следовало уложиться в полминуты. К тому же приходилось осторожничать, поскольку от многих старшеклассников можно было и получить за такие игры, а потому девочки выбирали преимущественно школьников из параллельных классов, о которых заведомо было известно, что они не полезут в драку и не станут ябедничать учителям.

Новое развлечение быстро стало популярным, и особенно оно нравилось Юле Осьминой. Она обладала способностью с одного взгляда вычислять физические недостатки жертв и подавать их так, что они обращали на себя всеобщее внимание. Наградой для проницательной Юли служили смущение или ярость высмеянных, которыми, как правило, становились красивые робкие девочки.

Но как-то раз, готовясь упражняться на перемене в острословии, Юля изменила привычный сценарий и выбрала в качестве жертвы высокого

темноволосого мальчика с бледным лицом, очень худого. Раньше она его в школе не видела.

– О, новичок! – азартно зашептались девчонки. – Щас Юлька его разделает!

Мальчишка только подходил к ним, а Осьмина уже знала, что бросит ему вслед. Когда жертва прошла мимо, Юля сказала, словно невзначай:

– Жертва Освенцима, девочки. Интересно, он до кабинета-то дойдет или в коридоре свалится?

Замечание оказалось убийственно точным – вокруг поднялось хихиканье, быстро переросшее в злой смех. Мальчишка резко обернулся и уставился на Осьмину. Лицо его было непроницаемым, и только скулы слегка покраснели. Осьмина с вызовом встретила его взгляд, но парень смотрел странно – не оскорбленно, а чуть удивленно, словно до этого момента он думал о Юле хорошо, а она не оправдала его ожиданий.

– Че встал, дурачок? – громко спросила самая нахальная из девчонок, Танька Сычева.

Парень не обратил на нее внимания, по-прежнему не сводя удивленного взгляда с Осьминой. Глаза у него были карие, опущенные длинными густыми ресницами, и Юле пришло в голову, что ни у одной девчонки в их классе нет таких красивых ресниц. Потом он улыбнулся – чуть-чуть, одними только краешками губ, и улыбка его показалась Осьминой снисходительной.

– Пошел к черту! – неожиданно выкрикнула она, покраснела и быстрыми шагами ушла в класс. Ей надоела дурацкая игра.

Девчонки, обрадованные переменной ролей, дали волю языкам и от души поиздевались над Юлькой. Она сама подлила масла в огонь, показав, как болезненны для нее их насмешки. Мальчик с густыми ресницами не выходил у нее из головы до самого вечера, а воспоминание об удивлении в его глазах заставляло ее передергиваться. К утру следующего дня у Юли были заготовлены ядовитые реплики, которыми она собиралась компенсировать странное вчерашнее поражение – а в том, что она потерпела именно поражение, никто не сомневался, – однако использовать их ей не удалось. Парня больше не видели в школе. Кто-то из младших школьников сказал, что мальчишка у них не учится, а приходил за своей сестрой. Поражение Осьминой осталось поражением.

В классе не забыли о случившемся, и Юле долго пришлось терпеть едкие насмешки от девчонок, считавших, что она втюрилась с первого взгляда в красивого темноволосого мальчика. Она постаралась выкинуть воспоминание из головы – несмотря на кажущуюся незначительность, оно

было для нее одним из самых тягостных за все школьные годы.

Но даже после того, как Юлия Борисовна осознала, что взгляд Вики Стрежиной напоминает ей тот давний случай, она не смогла избавиться от мерзкого чувства поражения. В курилке бросали короткие взгляды на Осьмину и продолжали говорить о своем, хотя до инцидента в столовой при появлении Юлии принялись бы забрасывать ее вопросами и советоваться с ней. А теперь... ее просто игнорировали!

* * *

– Ее игнорировали, – закончила Лена. – К ней стали относиться по-другому. Она больше не была авторитетной дамой. Я вам даже больше скажу, Макар, ее начали сторониться! Вы можете себе представить?

– И все только из-за вашей подруги? – усомнился Макар.

– Вы зря не верите. Вика обладает способностью внушать окружающим свою точку зрения на мир, на людей, на их поступки. Но получается это у нее не специально, а само собой. Говорю же вам, она очень правильный человек, и это сразу чувствуется.

Девушка задумалась.

– Как-то раз, – сказала она наконец, – мы с ней шли мимо мусорных баков. В одном баке рылся бомж – грязный, вонючий... Я поморщилась и сказала что-то, не помню, что именно. Кажется, про скунсов пыталась сострить. А Вика говорит: «Так ведь холодно, ему помыться негде».

Она на секунду замолчала. Макар ждал.

– Холодно, помыться негде, – повторила Лена, глядя сквозь него. – Она очень просто это сказала, Макар. Не пытаюсь меня осуждать, убеждать, проповедовать, что нужно любить бомжей... Нет, вовсе нет! И я даже не буду вам говорить, что мне вдруг стало стыдно и я пошла домой и вынесла к помойке теплые вещи. Все не так! Но я задумалась – правда, задумалась, – что ноябрь, и холодно, а он, наверное, летом привык мыться в реке. До разговора с Викторией мне в голову и мысли не приходили о том, как бомжи моются. А тут пришли.

Она перевела взгляд обратно на Макара.

– Из-за этого и Антон в нее влюбился, – добавила Лена.

Антон Липатов пользовался успехом у женщин – молодой, привлекательный, *перспективный*. К тому же он был галантен, что неизменно производило впечатление как на молоденьких девушек, так и на

дам постарше. Собственный жизненный путь Липатов представлял себе довольно ясно примерно с двадцати двух лет: до тридцати пяти – активно работать, зарабатывать деньги и делать карьеру, затем – жениться на подходящей девушке из хорошей семьи и до сорока лет обзавестись двумя-тремя детьми. Жена должна быть моложе, но ненамного, чтобы с годами разница в возрасте супругов не стала критической: Антон далеко просчитывал перспективы, и ему вовсе не хотелось играть роль старого мужа при относительно молодой жене.

Липатов не исключал, что такую девушку из хорошей семьи он встретит и раньше, поэтому хладнокровно произвел ревизию своих достоинств потенциального жениха. В своих активах Антон числил импозантную внешность, престижное образование, здравомыслие и умение зарабатывать деньги, а также материальные накопления, выражавшиеся в виде трехкомнатной квартиры в спальном районе Москвы, машины и счета в банке. Липатов понимал, что принципиальное значение для будущей жены будут иметь именно материальные активы, а не его внешность и характер. Не то чтобы он был циником, просто к двадцати двум годам Антон, наблюдавший за окружающими его людьми, научился делать правильные выводы и трезво смотреть на мир. Подобная картина мира его не огорчала, поскольку он не был романтиком.

Женщины в его жизни появлялись часто и разные: Липатов хотел многое успеть до собственной свадьбы, чтобы потом «не было мучительно больно за бесцельно прожитые...», как сам он, смеясь, признавался друзьям. Но одному правилу следовал неизменно: не заводить романов на работе. «Не спи там, где работаешь, и не работай там, где спишь». Так было до того, как в офисе «Юго-запада» появилась Вика Стрежина.

Он обратил на нее внимание сразу – как ни странно, именно потому, что новая секретарша не подходила под тот типаж, который он предпочитал: высоких темноволосых женщин с тонкой талией и пышной грудью. Невысокая, худенькая, с длинными светлыми волосами и очень серьезным бледным лицом, словно недавно перенесла тяжелую болезнь, Вика при знакомстве с Липатовым улыбнулась ему так нейтрально-вежливо, что его, против воли, задела ее улыбка: она ясно показывала, что девочка не оценила его, Антона, по достоинству, иначе улыбка ее была бы совершенно иной. Липатов посмеялся сам над собой: секретарша совсем еще молоденькая, вылетит из фирмы самое большее через месяц, и смешно даже думать о ней всерьез. Однако Стрежина оказалась на редкость дельным работником. Несмотря на то, что она держала со всеми дистанцию, это не вызывало у сотрудников фирмы неприязни – скорее

заинтересованность и уважение. Ее взяла под свою опеку симпатяга и умница Лена Красько, к ней прониклись расположением девочки из бухгалтерии, а аналитический отдел дружно радовался появлению нормального секретаря, при котором наконец-то перестали теряться важные документы.

В один прекрасный день Липатов столкнулся со Стрежиной в дверях офиса и уже собирался извиниться, как вдруг заметил, что она подстриглась, и поперхнулся словами. Длинных светлых локонов больше не было: Вика подняла на него глаза и встряхнула шапочкой коротких волос, смущенно улыбаясь. Стрижка подчеркнула красивую линию скул, высокую шею, гордую посадку головы, и даже глаза у Стрежиной, казалось, заблестели ярче.

– Тебе очень идет, – сказал Антон, пытаясь прогнать невесть откуда взявшееся чувство растерянности, совершенно ему незнакомое. – Очень идет, правда, – повторил он.

– Спасибо. Мне тоже нравится. – Она снова улыбнулась и прошла мимо него.

Вечером, удивляясь самому себе, Липатов пригласил ее поужинать. Стрежина согласилась, и с тех пор они часто вместе ужинали после работы. Но Антон, рассчитывавший на быстрое развитие отношений, жестоко ошибся: Вика общалась с ним исключительно по-дружески. Впрочем, его устраивало и это. С ней было увлекательно, с ней было весело, с ней он открывал в себе черты, о которых не знал раньше. Самым удивительным стало для Липатова открытие, что идеальная жизнь, нарисованная им для себя, перестала быть ему интересна. Он с некоторой брезгливостью вспоминал, как распланировал свадьбу с невестреченной невестой, воспитание неродившихся детей, совместное старение с женой младше его и обязательно из хорошей семьи, которой он никогда не видел.

Всю жизнь Липатов плыл по течению, ничего не преодолевая, поскольку в том не было необходимости. Вуз, хорошая работа, материальные блага – все приходило само собой благодаря связям родителей и его собственным, наработанным со временем. В Вике он видел стержень, которого не имел сам; видел способность преодолевать такие обстоятельства, в каких девять человек из десяти сдались бы на их волю. И проникался к ней все большим уважением, странно сочетавшимся с нежной жалостью, как к несправедливо обиженному ребенку, и желанием защитить ее.

Он пропустил момент, когда перестал думать о Вике как о возможной подруге, и представил ее своей женой. Ему было безразлично, что она

происходит из «неправильной» семьи, с которой практически не поддерживает отношений; он не думал о том, сколько детей она может ему нарожать и как высоко Стрежина оценивает его стоимость на брачном рынке. Антон Липатов хотел, чтобы она любила его, и с горечью думал о том, что такого человека, как он, Вика не полюбит. Но только с горечью, если и была в нем злость, то лишь на себя самого.

– С Липатовым у Вики романа не было, здесь он не соврал, – рассказывал Макар внимательно слушавшему Бабкину. – Они общались по-дружески. Если я правильно понял ее подругу, Стрежина – довольно необычная девушка. То есть женщина. Нет, все-таки девушка, – поправился он, вспомнив юное серьезное лицо на фотографии. – А, неважно! Короче, нечего удивляться тому, что наш клиент сначала ею заинтересовался, а потом влюбился.

– У Стрежиной был другой?

– Как ты догадался? – ухмыльнулся Илюшин. – Точно. Некто Вениамин Роцин. Тебе это имя что-нибудь говорит?

– Роцин, Роцин... – забормотал Сергей. – В бытность мою опером мы одного Роцина брали за вооруженные нападения. Надеюсь, это не тот?

– Не тот, – успокоил его Макар. – Наш Роцин молодой и жутко талантливый.

– Да ну?

– Именно. Играет главную роль в сериале «Звезды падают с небес». Ты в курсе, что его каждый вечер по первому каналу транслируют?

– А как же! Каждый вечер, как стемнеет, сажусь перед телевизором и включаю первый канал. А там – звезды! Падают и падают, падают и падают, а я смотрю и смотрю... – Бабкин скосил глаза к переносице и высунул кончик языка.

Макар насмешливо фыркнул:

– Я так и думал. Короче, поверь мне на слово – Роцин красавчик, мечта девушек. Обаятельный злодей, которого пытается перевоспитать главная героиня.

– Успешно?

– Понятия не имею. Можешь узнать у него сам, потому что Роцин один из тех, с кем тебе предстоит встретиться.

– А кто остальные? – без всякого воодушевления поинтересовался Сергей.

– Во-первых, семья Стрежиной. Там наверняка будет пустышка, потому что Вика с ними давно не общалась и вообще терпеть свое

семейство не может. Об этом в один голос говорили и Липатов, и Красько, поэтому вряд ли Стрежины знают, где находится их дочь. Но проверить необходимо.

– А во-вторых?

– А «во-вторых» куда интереснее. Наше с тобой «во-вторых» – это Михаил Олегович Каморкин, Викин дядюшка, которого она очень любит.

– И что интересного в господине Каморкине? – с нескрываемым скепсисом спросил Бабкин. – Фамилия?

Макар вздохнул и укоризненно покачал головой.

– Серый ты человек, Серега, – с сожалением признал он. – Дядюшка Виктории Стрежиной – личность очень даже незаурядная и широко известная в узких кругах. Ты в старости мемуары будешь писать о том, как общался с ним, и тебе за твои воспоминания заплатят большие деньги.

– Давай-ка мы с тобой для начала отработаем то, что нам на счет непрошено упало, – хмуро пробурчал Бабкин. – А там и о мемуарах поговорим. А пока расскажи мне, кто такой Каморкин и чем он известен.

Глава 3

В квартире мелодично протренькал звонок, и Михаил Олегович от неожиданности выронил книжку. Неужто Андрюша так рано вернулся? Не похоже: он только с полчаса как ушел. Покачивая головой, Каморкин подъехал к двери и посмотрел в глазок. Ай-яй-яй, как он мог забыть! Старик торопливо отодвинул засов и отъехал в сторону, впуская гостей.

Их было двое, как его и предупредили по телефону: первый – большой, тяжеловесный, сразу заполнивший собой крохотную прихожую; второй – «попрыгунчик» (так подобных личностей именovala бабушка Михаила Олеговича): среднего роста, худощавый, с любопытством оглядывающийся по сторонам. «Помощник, должно быть, – решил Каморкин. – На подхвате у старшего».

– Проходите, будьте так любезны, – предложил он, доставая из шкафчика две пары мохнатых ушастых тапочек. – Не обессудьте, что прошу переобуться. Полы мыть мне самому тяжело, а на улице нынче слякотно.

Бабкин снимая куртку, незаметно огляделся. Да, бедно живет дядюшка Виктории Стрежиной, очень бедно. «Откуда богатство возьмется, если хозяин – инвалид, в кресле-каталке перемещается? – спросил самого себя Сергей. – Хорошо, что в квартире чистенько, должно быть, родственники помогают». Он бросил взгляд на старика, сидящего в инвалидном кресле. Михаил Олегович Каморкин был сухопар и очень опрятен; кожа на его лице имела желтовато-серый оттенок. «Оттого, что на улицу не выходит», – понял Бабкин. Клетчатая фланелевая рубашка старика была выглажена и застегнута на все пуговицы, верхняя из которых врезалась в его морщинистую шею. Седая заостренная бородка придавала лицу дядюшки Стрежиной интеллигентный вид.

Каморкин въехал в комнату и вопросительно посмотрел на вошедших следом.

– Чайку выпьете со мной? Тортиком, к сожалению, побаловать вас не могу, но вот печеньице обещаю.

Бабкин уже открыл было рот, чтобы отказаться и не объедать хозяина, но Макар уже благодарил и соглашался на чай и печенье.

– Ты полчаса назад позавтракал, – укоризненно заметил Сергей вполголоса, когда хозяин выкатился из комнаты на своем кресле. – А у старика, наверное, это последние сладости, купленные с пенсии.

– Зато за чаем он тебе расскажет в полтора раза больше, – так же тихо ответил Илюшин. – А печенье мы ему в другой раз привезем. Нельзя было старика обижать отказом.

– Михаил Олегович, разрешите, я вам помогу, – громко произнес он, выходя следом за хозяином.

Оставшись один, Бабкин огляделся по сторонам. Старенькие обои в голубой цветочек, книжные полки на уровне коленей, небольшой телевизор в углу, покрытый красной бархатной салфеткой с бахромой... «Чтобы не пылился», – догадался Сергей. На полу возле зеленого дивана с потертыми подлокотниками валялась книжка. Он поднял ее. «Анжелика Строганова. „Любовь светла“. „Да, забавные книжки читает Михаил Олегович“. Бабкин огляделся по сторонам в поисках фотографий, но их не было. Только над письменным столом висел отрывной календарь с видами среднерусской полосы.

Сергей уже знал от Илюшина, что Каморкин не был профессиональным фотографом. Что не мешало ему входить в число самых признанных мастеров пейзажа, хотя количество работ Михаила Олеговича было незначительным. Точнее, он снял шестнадцать пейзажей, каждый из которых стал образцом для многократного повторения и подражания.

До признания его как фотографа на протяжении многих лет Каморкин работал на телевидении – поначалу писал сценарии, затем переквалифицировался в журналисты, много ездил по миру, а последние два года своей телевизионной карьеры вел передачу под названием «Жизнь твоей Родины», в которой рассказывал о необычных местах СССР. Передача выходила раз в два месяца и была далеко не так интересна, как можно было ожидать по названию и анонсу. Съёмочная группа приезжала на натуру, снимала материал, Каморкин старательно проговаривал в камеру написанный кем-то текст, и все вместе получалось добросовестно, но скучновато. Передачу уже собирались закрывать, и остаться бы Каморкину в памяти коллег посредственным ведущим посредственной передачи, если бы Михаил Олегович не купил себе фотокамеру «Зенит».

Закончив работу со съёмочной группой, Каморкин хватал камеру и отправлялся бродить по окрестностям в компании с оператором по имени Генка Шпунтиков. Они сдружились за время совместных командировок, и съёмочная группа иронично, но ласково именовала их Винтиком и Шпунтиком.

Генка был маленький, нелепый человечек – из тех, кто, кажется, сразу рождается с лысинкой. Окружающие считали его совершенно неинтересным, потому что в компаниях он никогда ничего не рассказывал,

а только сидел в углу и время от времени посмеивался себе под нос, причем без всякой видимой причины. Шпунтиков иногда выпивал, и неплохо выпивал, но оператор он был отличный, и ему прощали и странности, и изредка просыпающуюся страсть к выпивке – тем более что, выпив, Генка не буйствовал, а что-то тихо рассказывал самому себе, чертил рукой в воздухе непонятные картины, в конце концов пускал слезу и засыпал под боком у какой-нибудь дамы. Никто не воспринимал его всерьез, и тем удивительнее была для всех его дружба с обаятельным Каморкиным. Словно заядлые рыбаки, встающие до зари, чтобы выловить самую большую рыбу, они поднимались рано утром и торопились успеть обойти окрестности до прибытия автобуса. Каморкин размахивал камерой, повествуя о чем-то, Шпунтиков тащил штатив, и их фигуры, расплывающиеся в утреннем тумане, выглядели комично.

Михаил Олегович никому не показывал результаты их утренних вылазок. Над ним в группе уже начали подшучивать: мол, Каморкин только делает вид, что снимает, а на самом-то деле у него и пленка в фотоаппарат не заряжена. Тот отшучивался и обещал удивить всех прекрасными снимками, а Шпунтиков одобрительно кивал и, посмеиваясь себе под нос, строчил очередное письмо жене – он подробно отписывался ей из каждой поездки, и это тоже было предметом беззлобных шуток коллег. На прямой вопрос, о чем же он беседует со Шпунтиковым, Михаил Олегович как-то ответил, что Гена – очень начитанный человек и знает много такого, о чем он сам никогда и не слышал. «Когда Генка рассказывает о чем-нибудь, мне и снимать хочется по-другому, – сказал однажды Каморкин. – Не дерево в долине, а ветер над ним. Или тишину». Шпунтиков, услышав это, покраснел и замахал руками, но с тех пор за ним закрепилось прозвище Нестор.

В трагедии, случившейся с ними в Монголии спустя два месяца, некоторые пытались обвинить Каморкина – именно из-за его неумной страсти к фотографированию. Мол, журналист полез черт знает куда и потащил за собой безропотного приятеля. Но было быстро доказано, что если кто кого и тащил за собой, так это Шпунтиков Каморкина, а не наоборот. В горах, где они снимали очередной сюжет, Генка заметил расщелину, в которой по утрам оживали тени и казалось, будто склоны начинают двигаться. За день до отъезда он уговорил Михаила Олеговича добраться рано утром до необычного места, убеждая того, что снимки должны получиться совершенно необычными, исключительными.

Неумный Шпунтиков шел первым по краю расщелины, а Каморкин нехотя тащился за ним с камерой, уговаривая вернуться: свет был

неподходящий, туман, да и холодно.

– Миша, давай ты вот отсюда попробуешь снять – и возвращаемся, – предложил Генка, сделал шаг вперед и исчез. Раздалось странное шуршание, затем вскрик – и наступила тишина.

Каморкин закричал, бросился вперед и еле успел остановиться: перед ним открывалась узкая щель, словно прорубленная в склоне гигантским топором. Замерев от ужаса, Михаил Олегович заглянул вниз и увидел приятеля, лежавшего на дне трещины. Шпунтиков с мольбой смотрел на него, и Каморкин, отбросив камеру в сторону, начал спускаться вниз, приговаривая: «Сейчас, Генка, сейчас, подожди секундочку»...

Видевшие позже место трагедии не верили, что человек в здравом уме способен полезть в трещину, куда упал Шпунтиков. Узкий каменистый склон был почти отвесным, и не было на нем ни кустов, ни деревьев, за которые можно было бы уцепиться. Но Каморкин, никогда в жизни не занимавшийся никаким спортом, кроме бега по утрам, сумел преодолеть почти половину страшного пути, прежде чем сорвался и упал следом за Генкой, разбиваясь об острые камни.

Их нашли спустя три часа, когда обеспокоенная долгим отсутствием приятелей съемочная группа вышла на поиски. Генка так и смотрел умоляюще в голубое небо, и волосы его вокруг желтой лысины были черными от вытекшей крови – он разбил череп при падении. Каморкин, просивший его подождать секундочку, разговаривал с трупом, не зная о том. Сам Михаил Олегович лежал в двух шагах от друга лицом вниз, с неестественно вывернутыми руками. Он был жив.

После нескольких операций стало очевидно, что Каморкин навсегда останется инвалидом. Врачи сказали, что он выжил чудом и должен благодарить бога за то, что легко отделался. Каморкин кивал, соглашался, благодарил врачей, а перед глазами у него стояло умоляющее Генкино лицо. «Сейчас, Генка, сейчас, подожди секундочку».

Вернувшись домой, Михаил Олегович обнаружил, что молодая любовница, обосновавшаяся за три месяца до случившегося в его квартире, собрала вещи и ушла. Каморкин лишь усмехнулся, покачал головой и выкинул ее пудреницу, завалившуюся в ящике письменного стола. «Всегда распахивала свои причиндалы по всем углам», – брезгливо подумал он, и это была последняя мысль, связанная с женщиной, в которую, казалось, он был влюблен. Когда-то давно. В прошлой жизни. До того, как стал спускаться в расщелину, из которой смотрел Шпунтиков.

Поначалу его активно навещали друзья, приятели и коллеги, но постепенно визиты их становились все реже, пока окончательно не

выработался некий режим. Второй оператор их группы забегал на двадцать третье февраля и перед Новым годом – всегда с бутылкой хорошей водки. Две знакомые дамы-сценаристки заходили раз в три месяца, оставляя после себя в маленькой квартире белые гвоздики, торт «Наполеон» и сладковатый запах духов. Каморкин не любил цветы, но постепенно привык и даже неприятно удивился, когда однажды вместо гвоздик были принесены хризантемы. Он пошутил на эту тему, и с тех пор дамы строго следовали заведенному обычаю.

Остальные приятели и знакомые заходили кто раз в год, кто раз в полгода... Михаил Олегович не обижался, поскольку понимал: общаться с инвалидом тягостно...

Ты выйдешь из его квартиры на двух ногах, сбежишь по лестнице, чуть не споткнешься о подлую выщербленную ступеньку на первом этаже, поможешь себе коленкой приоткрыть тяжелую входную дверь и в конце концов вдохнешь мокрватый свежий воздух перед подъездом.

А человек, к которому ты приходил, останется один – представлять, как ты сбегаешь вниз, спотыкаешься и ругаешь ступеньку, открываешь дверь, дышишь полной грудью... Думать об этом – неприятно, а ощущение вины, преследующее тебя до самого дома, царапает изнутри, словно ты в чем-то виноват перед ним. И чтобы не испытывать это чувство заново, ты отложишь новый визит, а потом отложишь еще раз, а затем найдется срочное дело, и так до тех пор, пока чувство стыда не пересилит иррациональное чувство вины. Тогда гость появится снова.

Поэтому Михаил Олегович не обижался на знакомых. Он лишь старался развивать в себе привычку к одиночеству, которой до этого не имел.

В один пасмурный октябрьский день Каморкин вспомнил о камере, брошенной им перед тем, как он полез за Генкой. Как ни странно, фотоаппарат не затерялся в суматохе, а был подобран кем-то из группы и возвращен хозяину. А четыре предыдущие отснятые пленки давно ждали своего часа в верхнем ящике стола, откуда была презрительно выкинута душистая пудра.

Михаил Олегович устроил в ванной комнате лабораторию и целыми днями колдовал над пленками, проявляя, увеличивая, печатая... Площади ванной едва хватало на то, чтобы он мог развернуться в своем кресле. Закончив печатать, Каморкин отобрал шестнадцать фотографий, а остальные разрезал на мелкие кусочки и выкинул в мусорное ведро. Они не передавали того, что он хотел выразить.

Снимки он отправил в журнал через знакомого, интересующегося

фотографией. Спустя месяц после выхода журнала с его работами фамилию Каморкина знал каждый уважающий себя пейзажист.

Шестнадцать черно-белых пейзажей были просты, лаконичны и совершенны. Критики не раз потом употребляли слово «совершенный», описывая фотографии Михаила Олеговича, хотя вряд ли кто-то из них смог бы объяснить, в чем же заключается пресловутое совершенство. Но оно существовало, и это чувствовал каждый, смотрящий на фотографию.

Каморкин не снимал ничего необычного, он не показывал те диковинки природы, о которых они делали передачу. На трех снимках были деревья. На двух – горы. На пяти – вода. На шести – лес или поле. Но любая попытка описать фотографии не объясняла силы их воздействия – хуже того, она была невероятно далека от истины. Пытались говорить о прекрасном свете, который наполнял пейзажи объемом, о неповторимом теневом рисунке, о перспективе, но все фразы не передавали и десятой доли того, что в действительности видел зритель на снимках.

Самый первый пейзаж был прост и лаконичен. На краю поля, заросшего высокой травой, стояло дерево, и ветки его клонились от ветра. А вдалеке виднелся маленький силуэт улетающей птицы. Дерево было снято четко, а птица – чуть размыто, как и само поле, и перистые высокие облака на небе. Такую фотографию мог бы снять школьник. Но в ней было все: ветер, свобода, полет, небо, ощущение счастья и одиночества. Зритель ощущал себя одновременно и птицей в полете, и деревом, и человеком, замершим с камерой в руках от красоты увиденного.

На другом снимке камни катились с горы, и за ними поднималась пыль, в которой угадывались очертания других камней. На третьем солнечные лучи пронизывали замерший лес, тянувшийся всеми ветвями своих деревьев к свету, и лишь крошечное корявое деревце на переднем плане стояло со сломанной веткой, бессильно касаясь ею мокрой травы. И в каждой фотографии присутствовало явственное ощущение мира без людей; вечной природы, которой ничто не угрожает.

Камеру Михаил Олегович подарил своему соседу Андрею. За всю последующую жизнь он не сделал ни одного снимка. Большинство людей полагало, что проблема – в его инвалидности, и лишь несколько человек догадывались об истинных причинах. Сам Каморкин как-то обмолвился, что его работы посвящены Генке Шпунтикову, и даже если бы он мог ходить, то не фотографировал бы никогда. «Что бы я теперь ни снимал, на снимках будет получаться лишь одно», – непонятно выразился однажды в компании приятелей Михаил Олегович. Люди, слышавшие его слова, не совсем поняли, о чем он говорит, но переспрашивать не стали. Пожалуй,

один сосед догадался, что увидел бы старик в объектив камеры и чего он не хотел видеть. «Сейчас, Генка, сейчас, подожди секундочку»...

Бабкин наклонился над календарем и покачал головой. На зеленом поле паслись бурые коровки, вдалеке за речкой золотились купола.

– А пастух-то где? – проворчал Сергей под нос. – Забодали-затоптали?

– Вы, пожалуйста, не обращайтесь внимания на эту поделку, – посоветовал Михаил Олегович, заезжая в комнату. – Я ее держу исключительно из утилитарных соображений.

Бабкин молча кивнул. Он хотел спросить, почему Каморкин не повесит на стены свои работы, но постеснялся. После объяснения Макара, кто такой дядя Вики Стрежиной и чем он знаменит, Сергей покопался в Интернете и нарыл шестнадцать пейзажей. Он молча щелкал клавишей мыши, перелистывая черно-белые снимки и подолгу останавливаясь на каждом. В конце концов вернулся к фотографии, на которой дерево со сломанной веткой было освещено лучами утреннего солнца, несколько минут смотрел на нее и только затем закрыл со странным чувством восторга и обделенности одновременно. Он многое бы отдал за возможность видеть мир таким, каким видел его бывший журналист и телеведущий с забавной фамилией Каморкин.

Макар вкатил столик с большими стаканами в мельхиоровых подстаканниках – тяжелых, потемневших от времени, с изогнутыми ручками. В стаканах плескался темно-красный чай. Из вазочки высывались клетчатые конфеты «Школьные», в плетеной корзинке горкой были насыпаны крекеры.

– Прошу вас, угощайтесь, – пригласил Михаил Олегович, ловко подталкивая столик к дивану. – К сожалению, хорошее печенье закончилось, – он вздохнул, – не обессудьте, что потчую крекерами. Зато чай вкусный!

– Михаил Олегович, расскажите про Вику, – попросил Макар, отхлебывая горячий напиток с кисловатым привкусом и удивленно отмечая про себя, что чай и в самом деле на редкость вкусный. – У вас с ней хорошие отношения?

Старик отставил стакан в сторону и дернул бородкой.

– Хорошие? – повторил он, как показалось Макару, с горечью. – Да что вы, милый мой! Хорошие отношения у меня могут быть с соседом, Андрюшей, поскольку он, спасибо ему, раз в два дня продукты свежие мне приносит. Или с бывшими коллегами. А с Викой... Она мне родная – можно сказать, единственная родная душа.

– А как же ваша сестра? – включился Бабкин. – Ведь мать Вики

Стрежиной – ваша сестра, правда?

Каморкин вздохнул и кивнул.

– Хоть и стыдно говорить о близких людях гадости, но человек она недалекий до безобразия. И притом недобрый. А это, уважаемые, такое страшное сочетание – глупости со злостью, что никакой умный злодей глупому в подметки не годится. Впрочем, Галина мне и не близка вовсе, что здесь придумывать. Поэтому я могу быть с вами совершенно откровенен. Но к Вике, к Вике-то она какое отношение имеет?! – не выдержал он и взглянул на них умоляющими глазами – светло-кариими, очень яркими. – Она пропала, не звонит мне, уехала бог знает куда и не вернулась! Вы говорите, что ищете ее – а что вы для этого делаете?

– Мы только начали, Михаил Олегович, – успокаивающе произнес Макар. – Скажите, вы обратились в милицию?

– Обратился, – подтвердил старик. – И даже, скажу я вам, заявление они у меня взяли!

– Как вы доехали до участка? – не сдержался Сергей.

– Андрей помог, сосед мой, – признался Каморкин. – Самому-то мне и в лифт не въехать...

– Взяли заявление? – переспросил Макар, нахмурившись. – Странно...

– Вот и я удивился! – подхватил Михаил Олегович. – Раньше, слава богу, с милицией мне сталкиваться не довелось, и ожидал я от нее пакостного отношения, признаюсь честно. Но все оформили чин по чину.

– И к вам приходили? – быстро спросил Бабкин.

– Два дня назад. Появился оперативник, работавший по моему заявлению, – молодой совсем парень, пожалуй, чуть помладше вас, Макар, – и я его поил своим чаем, упрасивал хоть что-то сделать. Он поначалу объяснял, что нет оснований, но затем, слава богу, согласился помочь, чем сможет. Уговорил я его. Теперь вот жду... – Он снова вздохнул и перевел взгляд на массивные часы, стоявшие под календарем с коровками. – Время долго тянется...

– Что Вика рассказывала вам о выигрыше? – поинтересовался Илюшин. – Для нас могут оказаться важными любые подробности.

Каморкин добросовестно сообщил все, что знал, но его история ничем не отличалась от истории Антона Липатова.

– Видели бы вы, какой счастливой была Вика, – закончил он. – Прибежала ко мне, с порога начала приплясывать, как ненормальная! За пять минут вывалила на меня свои новости и ускакала, а я, знаете ли, остался в легком недоумении. Мне казалось, что все подобные конкурсы – надувательство сплошное и полный обман.

– Вика была с вами откровенна, как вы думаете? – прямо спросил Сергей.

Старик задумался.

– Она девочка скрытная, но мне никогда не врет, – проговорил он медленно. – Скрытность у нее из семьи идет, нужно знать наших родственников, чтобы понимать, о чем я. Да я бы, пожалуй, и скрытностью-то это не назвал. Сейчас принято с первых минут знакомства сообщать собеседнику самую личную информацию, выкладывать все как на духу. Я и сам, признаться, не люблю откровенничать, а уж в малознакомых людях откровенность для меня и вовсе невыносима. И Вика такая же. Говорит, прежде чем откровенничать, нужно хотя бы годик-полтора пообщаться с человеком, узнать его. Да, все-таки она со мной откровенна. Видите ли, я очень ее люблю, и Вике прекрасно известно мое к ней отношение.

– Что у нее за семья?

Каморкин покосился на Илюшина, положил в рот крекер, тщательно прожевал и лишь затем ответил:

– Семья как семья, со своими странностями. Если угодно, я могу подробнее рассказать о Галине и ее муже, но не вижу, чем может помочь мой рассказ.

– Хорошо, – не стал настаивать Илюшин. – Тогда скажите, Михаил Олегович, с кем встречалась Вика? У нее есть друг?

– Был, – неохотно признал Каморкин. – Вика меня со своими мальчиками не знакомила, но о последнем воздыхателе, как ни странно, я знаю.

– Потому что телевизор смотрите, – моментально догадался Макар.

– Именно, – с легким удивлением взглянул на него старик. – Вам уже известно о данном персонаже?

– Вениамин Роцин?

– Он самый. – Каморкин сморщил нос и стал похож на худую черепаху. – Толком рассказать ничего об их отношениях я не могу, но одно знаю точно: расстались они врагами. Этот актеришко даже смел угрожать Вике!

– За что?

– Она первая разорвала отношения, – объяснил Михаил Олегович. – Он – самодовольный, напыщенный красавчик, полная бездарность. Я, признаться, был даже несколько удивлен выбором племянницы; разочарован, сказать точнее. Но Вика быстро разобралась в своем герое.

– Чем он ей угрожал? – нахмурился Бабкин.

– И этого не знаю, – сокрушенно развел руками старик. – Вика как-то

обмолвилась, что Роцин звонит ей и говорит гадости, угрожает. Я пытался было ее расспросить, но она настолько несерьезно отнеслась ко всем его звонкам, что даже не стала посвящать меня в подробности. Тогда я решил, что дело и впрямь не стоит выеденного яйца, что в мальчишке оскорбленное самолюбие бушует, но сейчас...

– Мы поговорим с Роциным, – понял его Илюшин. – Если бы Вика уехала с ним отдохнуть, она бы вам сказала?

– Да, – не задумываясь, кивнул Каморкин. – Я уверен, что Вика любит меня, к моему мнению прислушивается... Но сделает она все равно по-своему, что бы я ни говорил ей, как бы ни убеждал. Да, и вот что: Вика никогда не стала бы врать о каком-то выигрыше. Она очень честная девочка, искренняя.

Макар хмыкнул про себя. Уже третий человек говорил ему об искренности и честности Вики Стрежиной, при том отзываясь о ней с нескрываемой теплотой и заботой. Илюшин никогда не считал честность и прямоту, вернее, прямолинейность, приятными чертами, которые могут снискать для их обладателя любовь окружающих – скорее наоборот. Значит, в девушке, которую они искали, было что-то притягательное – притягательное настолько, что даже пресловутая прямота не расценивалась ее друзьями как недостаток. «Интересно, что?» – спросил себя Макар. Пока у него не было ответа на этот вопрос.

– Спасибо, Михаил Олегович, – сказал он, поднимаясь.

– За что? – пожал тот плечами. – Я вам ничем не помог. – Он опять взглянул на циферблат. – Через три часа попробую дозвониться до отделения, может быть, что-то станет известно.

– Мы тоже на это рассчитываем, – кивнул Илюшин. – Мне было очень приятно познакомиться с вами, Михаил Олегович.

Старик улыбнулся и кивнул на плетеную корзинку.

– Вы не съели ни одного крекера. Полагаете, что можете меня объесть? – с неожиданной проницательностью поинтересовался он. – Напрасно, меня частенько балуют вкусеньким знакомые. Так что заходите еще, я вас угощу чем-нибудь получше. Господи, надеюсь, с Викторией все хорошо!

Бабкин и Илюшин дружно кивнули. Им тоже хотелось, чтобы с Викторией Стрежиной все было хорошо, особенно после того, как они познакомились с ее дядей.

– Итак, где может быть Стрежина? – задумчиво сказал Макар, когда они вернулись в его квартиру. – Визит к ее почтенному дядюшке ничего не

дал...

– Обидно, что опрос жильцов тоже ничего не дал, – эхом отозвался Бабкин, зря потративший накануне три часа на обход жилого дома, во дворе которого сбили Липатова: свидетелей преступления не было, а следы машины, как выяснил Сергей, присыпало ноябрьским снежком, растаявшим вместе с отпечатками шин к тому времени, когда приехала «Скорая помощь». Ниточки, ведущей к Стрежиной через убийцу Липатова, не оказалось.

– На свидетелей я и не возлагал особых надежд, а вот на Каморкина рассчитывал.

– Ага, ты ожидал, что он тебе признается: мол, отдыхает моя племянница на Мальдивах, – съязвил Сергей. – Впустую съездили, конечно. Разве что с интересным стариканом познакомились.

– «Интересным» – неподходящее слово. Каморкин – талант.

– Этот талант прозябает в бедности, – суховато заметил Бабкин. – Не выезжает из квартиры, поскольку наши дома не приспособлены для инвалидов, и без помощи соседа не может купить себе продукты.

– А на дом заказать по Интернету? – неуверенно предположил Илюшин.

– Ты видел у него компьютер, Макар? Лично я видел обтрепанный диван и обои, которым двести лет в обед. Ладно, – махнул он рукой. – Давай не будем разводить пустых разговоров. Бессмысленно все это. Старика только жалко.

– Если не будем заводить разговоров, то давай определимся: где сейчас может быть Стрежина? – Макар подвинул к себе листок бумаги и приготовился рисовать схему.

Бабкин молча раздумывал.

– Ладно, зайдем с другой стороны, – предложил Илюшин спустя минуту молчания. – Где ее не может быть? Есть у нас такие места в природе?

– Есть, – оживился Сергей. – Где ее не может быть, так это...

Зазвонил телефон, и он запнулся.

– На каком-то необитаемом острове, – закончил за него Макар, поднимаясь с дивана. – Точно. Нам с тобой нужно выяснить одно: придумала ли Вика историю с выигрышем или нечто подобное и в самом деле имело место? Как только выясним – пойдем, куда идти дальше.

Телефон продолжал звонить, и Илюшин выскочил из комнаты.

«Где она может быть... – повторил про себя Бабкин. – Черт возьми, да где угодно! В Норильске, на Камчатке, в Мурманске или Краснодаре. Если

она соврала про выигрыш, значит, весело проводит время с мужиком. А если не соврала...»

Тут Бабкин запнулся, потому что всерьез подобную версию он не рассматривал. «Если не соврала...»

В комнату вернулся Макар и встал в дверях, напряженно глядя перед собой. В руке он держал телефонную трубку, из которой доносились короткие гудки.

– Телефон выключи, – посоветовал Сергей. – Макар, ты чего? Кто звонил?

Макар перевел на него взгляд, мотнул головой, словно просыпаясь, и нажал на кнопку. Телефон затих.

– Ну? – скептически поинтересовался Бабкин. – Долго будешь торчать в дверях? Ау, Макар, ты завис?!

– Завис, – подтвердил тот, приходя в себя. – И знаешь, почему? Потому что Каморкин дозвонился-таки до отделения. И там ему сообщили, что Виктория Сергеевна Стрежина три недели назад вылетела на Соломоновы острова.

Глава 4

Виктория Стрежина

За три недели до описываемых событий

За иллюминатором пенились облака. Вика смотрела на них и не могла сдерживать улыбки: девчонки сейчас наверняка корпели над документами, суетились из-за капризничающего принтера, спорили, сколько бумаги слопает шредер за один раз... А она летела – летела, летела! – на необитаемый остров – остров, остров! Вика пропела это про себя, тихонько засмеялась, и сидящая рядом женщина с улыбкой посмотрела на нее. Лицо у женщины было славное, и Вика уже открыла рот, чтобы поделиться своей радостью, но вовремя передумала: не стоит рассказывать о себе ничего лишнего. Никогда не знаешь, чем это может обернуться впоследствии. Она вспомнила Нинку и поморщилась. Если ее родители и старшая сестра и заслуживают благодарности, так только за то, что вдолбили в нее такую простую истину: не делись ни с кем своими историями, переживаниями и проблемами. А если делишься – будь готова к тому, что в самый неподходящий момент, когда ты будешь беззащитна, твоя откровенность ударит по тебе самой.

Вика покачала головой и выкинула мысли о семье из головы. «Пусть живут как хотят – без меня».

Она представила белую аккуратную гостиницу под пальмами и снова заулыбалась.

Забавно, что никто не поверил в ее удачу, кроме нее самой. Дядя отнесся к происходящему скептически, Антошка – настороженно, Ленка – прохладно. «Подумаешь, две недели на каком-то там острове! Вика, ты сдохнешь от скуки, – заверяла неромантичная Ленка. – Вот если бы ты выиграла две недели лучшего в мире дайвинга!» Ленка, приземленная натура, не понимала ничего в островах. Ничегошеньки.

А вот Вика знала – знала сразу, как только две одинаковые девушки в уродливых лимонных костюмах бросились к ней с предложением выиграть в лотерею, – что она непременно что-нибудь выиграет, потому что удача на ее стороне. Она уже выиграла – вырвавшись из своей семьи, получив

отличную работу, найдя себе друзей, хотя всю предыдущую жизнь была уверена, что с ней никто никогда не будет дружить... Значит, ей могло повезти и в этот раз. Правда, что повезет *так*, даже она сама не ожидала.

Поначалу, когда утихли визги лимонных девушек, она стояла слегка оторопевшая и не очень понимающая, какие же эмоции испытывает. Удивление... недоверчивую радость... И лишь потом, когда в ее квартире появился представительный мужчина с тонкой черной папкой, на которой серебристым росчерком была выведена непонятная монограмма, и деловито осведомился о том, как ей предпочтительнее оформлять визу, Вика словно окунулась в счастье, в восторженное предвкушение оживающей мечты. Настоящей мечты, то есть такой, которая сбывается сама по себе. Не пришлось достигать ее тяжким трудом, не пришлось ничем жертвовать, ползти к ней, обдирая колени по дороге. Если бы пришлось ползти, то это была бы не мечта, а цель, а ставить такую цель Вика не хотела. Мечта прекраснее цели.

Она мечтала попасть на необитаемый остров с шестнадцати лет. И даже точно помнила момент, когда ее мечта родилась: когда она увидела у подружки книгу – братья Стругацкие, «Обитаемый остров». Вика не читала Стругацких, но название заставило ее остановиться возле застекленной книжной полки, с которой смотрели забавные стеклянные зверушки: собачонки, бегемотики, ушастые мыши. «Почему же „обитаемый“? – удивилась она тогда. – Нужно было назвать „Необитаемый остров“. И в ту же секунду, рассматривая желтый потертый корешок, поняла, что сама хотела бы оказаться на необитаемом острове, омываемом теплыми волнами. Ходить по нему в полном одиночестве, зарываться в песок, кричать во весь голос и громко распевать песни. Вика даже удивилась возникшему желанию: до тех пор самой сильной ее мечтой было залезть на чердак, закрыться изнутри и устроить там себе комнатку – с голубыми стенами, с синим диваном... И чтобы в дырочку в крыше было видно небо. Необитаемый остров... Как же она раньше об этом не думала?

Вика выпросила книжку «почитать на время», и следующие полгода не читала ничего, кроме Стругацких – и «Понедельник», и «Малыша», и «Улитку на склоне», и «Пикник на обочине»... «Обитаемый остров» оказался вовсе даже не об острове, но она знала книгу наизусть и временами начинала цитировать целые куски к месту и не к месту, чем жутко выводила из себя отца. Впрочем, отец из-за всего мгновенно выходил из себя. Ему нравилось само состояние – «я вышел из себя и сейчас пребываю в ярости».

Постепенно мечта заснула, притаилась в уголке души. Заново свой

необитаемый остров Вика воочию увидела в один отвратительный день, когда на нее дважды накричали в метро, порвали новые колготки, а на эскалаторе ее толкнула какая-то бойкая баба, пробивающаяся наверх. Вика снова начала воспринимать человеческую массу вокруг как нечто враждебное, серое, пытающееся и ее сделать такой же серой, поглотить и разжевать, отрывая несъедобные пуговицы ярко-оранжевого цвета. «Уехать от всех, – твердила она, как заклинание. – Уехать от всех туда, где нет людей, где не толкают, не лезут в душу, не издеваются... На необитаемый остров».

Тогда она не сдержалась, нарушила свое правило и поделилась переживаниями с Антоном Липатовым, симпатизировавшим ей. От Антона можно было не ожидать предательства – она давно это почувствовала, только по старой привычке боялась с ним откровенничать. Но в тот день на нее навалилось столько гадостей и неприятностей, что она чуть не расплакалась и рассказала ему о своей мечте. Антон покивал сочувственно, сказал правильные ободряющие слова, а вечером прислал ей по электронной почте письмо – странное письмо, она даже не сразу поняла, что он пытается ей объяснить.

«Вика, – писал Антон, – я долго думал над тем, что ты сказала... про необитаемый остров. Знаешь, мне кажется, что ты пытаешься сбежать от действительности и сама придумала для себя красивую сказку. Не обижайся, пожалуйста, потому что я пишу так только потому, что мне хочется тебе помочь. Ты слишком уязвимая, Вика. Давка и ругань в метро – не повод для того, чтобы ненавидеть всех людей. Пойми, что твой остров – он внутри тебя! Если нет, его нужно создать. Это гораздо проще, чем напрасно мечтать о прекрасных и недоступных островах Тихого океана: белоснежных, теплых, бесконечно далеких от земли...»

Вика, прочитав послание целиком, сначала рассердилась на Липатова, который вздумал лезть не в свое дело, потом умилилась его романтичности и попытке писать красиво, затем прониклась жалостью. Ничего-то он не понял, этот благополучный Липатов. Да, впрочем, это и неважно – важно то, что он и вправду старался ей помочь.

И вот теперь она летела – летела, летела! – на остров – остров, остров! – с певучим названием Гуадалканал. Вика знала, что в аэропорту ее должны встретить, отвезти в гостиницу переночевать, а затем – отправить вертолетом на самый настоящий необитаемый остров. «Наверное, маленькая гостиница для богатых постояльцев, – представляла Вика, глядя, как облака поднимаются все выше. – Белая... под пальмами...»

Когда самолет вынырнул из облаков, у нее захватило дух от

увиденного. Внизу простирались острова. Большие и маленькие, вытянутые и круглые – нескончаемая череда островов, и Вике захотелось высунуть голову из иллюминатора, чтобы разглядеть, где же она заканчивается. Из синего океана выныривали желтые и зеленые пятнышки, иногда сливались в одно целое.

– Это – Соломоновы острова? – с изумлением спросила Вика.

– Они, – подтвердила соседка. – Красиво, правда? Через десять минут, даст бог, мы с вами приземлимся в Хониаре.

В аэропорту было неожиданно тихо и как-то... скучновато. Человека с листом бумаги, на котором было выведено: «Виктория Стрежина» – Вика заметила сразу, как только вышла из зоны таможенного досмотра. Высокий молодой парень в гавайской рубаше, расписанной пальмами, с улыбкой смотрел, как она подходит к нему.

– Здравствуйте, рад вас видеть, Виктория. Меня зовут Глеб, я представитель фирмы. А заодно и ваш гид на ближайшие сутки. Как вы долетели?

– Все хорошо, спасибо, – ответила Вика, непроизвольно выхватывая взглядом из толпы чернокожую женщину, замотанную в яркую пятнистую ткань. Из прически женщины торчали в разные стороны три палочки, отчего ее голова была необыкновенно похожа на неаккуратное гнездо. – Просто... все так необычно...

– Вы привыкнете, – пообещал Глеб, по-прежнему улыбаясь и изучая ее реакцию. – Ну что же, добро пожаловать в Хониару. Пойдемте, нас ждет машина.

Оставшись одна в гостиничном номере, Вика медленно обошла комнату и остановилась напротив зеркала. Его украсили живыми цветами, похожими на шиповник, – яркими, но без запаха. В зеркале отражалось ее бледное лицо, а в глазах, казалось, застыло удивление.

– Все самое интересное только начинается, – радостно сказала она своему отражению, и оно улыбнулось ей во весь рот. – Только начинается!

На следующее утро Вика снова ехала в машине, зевая на ходу: ее разбудили в четыре утра. Город вокруг был таким тихим, пыльным и неинтересным, что она почувствовала разочарование. Серые коробки домов, мусор на улицах, скучноватые одинаковые пальмы... Вдалеке за городом поднимались горы, густо поросшие лесом. «Почему мне казалось, что остров будет желтым и солнечным? Не такой уж он и солнечный...

Неужели и мой необитаемый такой же?»

– Вы раньше летали на вертолете? – прервал ее мысли Глеб, выглядевший так, словно безмятежно проспал двенадцать часов. Сегодня рубаша на нем была в мелких зубастых акулах.

– Нет, никогда, – покачала головой Вика.

– Тогда я советую вам принять вот это. – Гид протянул ей таблетку в серебристой упаковке.

– А... что это?

– Против укачивания. Обычно наши туристы не ожидают, насколько далеко нам придется лететь, и оказываются... э-э-э... неподготовленными. Вот, прошу вас, – откуда ни возмись, появилась бутылочка с водой, с которой Глеб одним движением пальцев открутил пластиковую крышечку. – Запейте.

Вика послушно взяла предложенное лекарство.

– Я никогда раньше не пила таких таблеток, – неуверенно произнесла она.

– Если вы не хотите, я ни в коем случае не настаиваю, – тут же поднял руки вверх Глеб, словно сдаваясь. – Нет-нет, вы лучше знаете собственный организм. Просто лететь предстоит не десять минут, а подольше, а переодеваться в вертолете не очень удобно... В общем, всякое бывает...

Вика представила, как ее тошнит над океаном и во что превращается ее новый сиреневый топик, купленный специально для этой поездки, и решительно взяла упаковку. Треск – и белая таблетка выпала ей на ладонь. Вика запила ее водой, прислушалась к своим ощущениям и снова зевнула – спать хотелось невыносимо.

– Ну вот и отлично, – кивнул обрадованный Глеб. – Теперь, может быть, вы даже поспите в вертолете.

– Ни за что! – тут же проснулась Вика. – Что вы, проспать такое приключение, как полет над океаном?! Ну уж нет!!!

Глеб рассмеялся, потом покачал головой.

– Эх, как я завидую вашему энтузиазму, – признался он. – Для вас – приключение, а для меня – рутина. Я летаю на этот остров раз в две недели, сопровождаю наших туристов, которым хочется экзотики. Скучно! Все знакомо.

– А как называется остров? – спросила Вика, с трудом преодолевая зевоту.

– У него нет названия. Не удивляйтесь, здесь принято давать имена либо большим островам, либо населенным, а наш островок – ни то, ни другое.

Машина притормозила, плавно повернула и остановилась. Перед Викой простиралось небольшое заасфальтированное поле, в дальнем конце которого торчал здоровенный квадратный ангар, выкрашенный в ярко-желтый цвет. Два полосатых желто-зеленых вертолета, казавшихся из окна машины смехотворно маленькими, стояли неподалеку от ангара.

– Пойдемте, пилот уже должен нас ждать, – бодро сказал Глеб, вылезая наружу.

Пилот и в самом деле сидел в кабине – маленький, полноватый, с коричневой лоснящейся кожей. Он небрежно взглянул на Вику, бросил пару слов на непонятном птичьем языке Глебу и негромко рассмеялся, когда тот ответил. В вертолете пахло специфически – машинным маслом, авиационным бензином, пластиковой обшивкой и еще почему-то старыми тряпками, лежалыми вещами... Вика помнила этот запах, никогда не выветривающийся из квартиры ее родителей.

– Садитесь сзади, – кивнул Глеб на кресло, забираясь рядом с пилотом.

Соседнее с Викой место было завалено серыми коробками. Она попыталась подвинуть одну, оказавшуюся у нее под ногами, и обнаружила, что сил не хватает.

– Простите, – позвала она, – а нельзя ли убрать коробки?

– Извините, никак, – с сожалением покачал головой Глеб. – Между прочим, в них ваши запасы.

И, глядя на ее недоуменное лицо, пояснил:

– Те, которые вам понадобятся на острове. Мы подходим к нашей задаче очень ответственно, вы сами в этом убедитесь. Так что потерпите, пожалуйста. Ну что, с богом?

Он слегка хлопнул пилота по плечу и ободряюще подмигнул Вике.

«Понадобятся на острове? – повторила про себя девушка, пытаясь понять, что имел в виду гид. – Для чего понадобятся? Да еще в таком количестве?»

– Глеб! – позвала она, но за шумом вертолета не услышала собственного голоса. – Гле-еб!

«Ладно, спрошу потом. И все-таки странно...»

Она поставила свою небольшую сумку с вещами и документами на колени и стала смотреть в грязное окно. Вертолет, вибрируя, оторвался от земли и быстро понесся над синей гладью океана.

Вика провалилась в сон молниеносно, как будто ее уставший от перелета, волнений и смены часовых поясов организм только и ждал, когда вертолет поднимется в воздух. Она спала без сновидений, глубоко и крепко, и проснулась оттого, что кто-то тряс ее за плечо и бормотал полную

тарабарщину. Резко открыв глаза, Вика в первую долю секунды не поняла, где она и что происходит, но тут же увидела над собой коричневое лицо пилота, весело скалящего желтоватые зубы. «Прилетели. Господи, как же я уснула?»

Она неуклюже вылезла из кресла, пробралась между двух коробок, отметив, что остальные куда-то исчезли, высунула голову в открытую дверь и оторопела.

Синий. Белый. Зеленый. Три цвета – неправдоподобно, сказочно ярких были перед ней. Белый песок с желтоватым оттенком, зеленые деревья, полоса которых начиналась в двадцати метрах от вертолета. И синяя вода, накатывающаяся на песок и отбегающая обратно. Шумели волны, шумел ветер, шумели деревья. Вика глубоко вдохнула, и ей показалось, что она дышит волнами – воздух был морской, соленый и свежий.

Внизу что-то прошуршало, и, переведя взгляд, она обнаружила Глеба, волочащего по песку коробку. В песке за ней оставался глубокий волнистый след. Проследив за ним взглядом, ошеломленная Вика обнаружила под пальмами палатку, а рядом – остальные коробки, аккуратно расставленные в ряд, и пять больших бутылей с водой.

– Я уже почти все закончил! – крикнул ей гид, поднимая красное лицо. По лбу его стекали капли пота. – Вы молодец, проспали весь перелет.

Он остановился, разогнул спину и потянулся. Ворот его рубашки был мокрым от пота, и верхняя акула потемнела.

Вика спрыгнула на песок и в каком-то оторопелом состоянии пошла вдоль берега. На ногах были легкие сандалии, в дырочки которых сейчас забивался песок, и она чувствовала твердые теплые крупинки между пальцами. Дойдя до линии прибоя, девушка остановилась, постояла пару минут и обернулась к Глебу. Тот успел дотащить коробку до общей кучи и теперь сидел в тени под пальмами. Пилот остался в вертолете.

Вика подошла к гиду, чувствуя, что в голове все перемешалось. Она ощущала себя Алисой, которая летит по кроличьей норе и разглядывает банки с вареньем, пытаясь вести себя как ни в чем не бывало. Ей тоже нужно было вести себя так, словно все происходящее – в порядке вещей.

– Глеб... – начала она, пытаясь подобрать правильные слова. Они не подбирались, потому что все мысли разбежались в разные стороны и не хотели собираться. – Глеб, где мы?

Тот поднял на нее озадаченное лицо.

– На вашем острове, – удивленно отозвался он. – Вас смущает, что мы так быстро прилетели? Вика, с вами все в порядке?

Она машинально кивнула и опустилась на теплый песок, рассматривая

вертолет. Полосатая машина на песке выглядела настолько чужеродным телом, что, казалось, рассердившиеся волны вот-вот зальют ее и утащат в подводное царство.

«На вашем острове»...

Она открыла было рот, чтобы спросить, где гостиница, но передумала. Ответ на ее вопрос стоял в пяти шагах – темно-зеленого цвета, закрепленный кольшками в песке.

– Что в ящиках? – спросила Вика, сама не понимая, почему голос звучит так хрипло.

– Провизия. Я вам все покажу, только отдышусь чуток, – пообещал Глеб. – Может быть, хотите пройтись, осмотреться? Здесь безопасно, уверяю вас.

Девушка молча покачала головой.

«На вашем острове»...

– Виктория, с вами точно все нормально? – встревожился гид, наклоняясь к ней. – Вас все-таки укачало? У вас бледное лицо...

Вика подняла на него глаза.

– Я... я не думала, что это настоящий необитаемый остров, – выдавила она наконец.

– Подождите, – нахмурился Глеб. – Как же не думали? В этом и состоит смысл выигрыша – подарить победителю настоящий необитаемый остров, чтобы он мог насладиться одиночеством и покоем в полной мере. Остров – просто рай, вы сами убедитесь. Чего же вы ожидали, Виктория?

«Я думала, что здесь стоит гостиница, и постояльцы с обслуживающим персоналом притворяются, что не замечают друг друга, – мысленно ответила Вика. – Еда появляется сама собой, белье меняют каждый день, но ты не видишь тех, кто убирается в номере. Я ожидала увидеть *иллюзию* необитаемого острова. Я не знаю, почему мне так казалось. Белое кирпичное здание на берегу океана, или коричневое бунгало, или что-нибудь в таком роде... Господи, я не думала, что вы привезете меня на самый настоящий необитаемый остров!»

– Почему-то я решила, что здесь будут еще люди кроме меня, – выговорила она, не глядя на Глеба. – Глупо, конечно. Просто я очень удивилась, когда увидела... это все... – Она нерешительно обвела рукой белое, зеленое и синее.

– Нет-нет, никаких людей, – слегка обиженно заявил гид. – Наш остров очень маленький и совершенно необитаемый, как, впрочем, большинство Соломоновых островов. Давайте-ка я расскажу все, что вам пригодится на ближайшие две недели. Во-первых, продукты...

Вика слушала гида, впав в легкое отупение. Казалось, что вместо мозгов в голове перекачивается вязкая жидкость, в которой тонут любые здравые мысли. Она даже не заметила, как поднялась и пошла за своим провожатым, покорно кивая в такт его словам и переводя взгляд с одной коробки на другую.

– В канистрах, как вы видите, – вода, в каждой по двадцать литров, – донесся до нее голос Глеба. – Посмотрите, как открывается крышка. Попробуйте сами, это очень легко. Вот здесь – продукты...

Девушка моргнула, глядя на одинаковые блестящие банки, которыми была заполнена очередная коробка.

– Хлеб, яблоки, чай, печенье... – перечислял Глеб, двигаясь вдоль коробок и ловко приоткрывая крышки с защелкой. – Шоколад для вас...

Вика наклонилась к синим плиткам. Горький шоколад – как раз такой, какой она любила. Много горького шоколада...

Глеб все говорил и говорил, показывая ей содержимое очередного ящика, заставляя повторять те действия, которые проделывал сам. Он был добросовестным и хорошим гидом, этот Глеб, он следил за тем, чтобы она ничего не пропустила из его инструкции: ни указаний, как правильно втыкать колышек, если он вылетит из песка, ни объяснений по поводу ярких желтых пакетов в «аптечной коробке», ни напоминаний о том, где именно лежат вилки, ложки и ножи.

– Хозяйственный ящик помечен зеленым крестом, – повторил он в третий раз. – Вы ничего не перепутаете.

Он полез в карман рубашки и достал небольшую черную коробочку с красной кнопкой в левом углу.

– Не потеряйте, – вручил он ее Вике.

– Что это такое?

– Назвать сей предмет рацией у меня язык не поворачивается, – усмехнулся Глеб. – Скорее – передатчик. На двух соседних островах работают станции, которые пеленгуют сигнал и немедленно передают нам. Случись что, до вас доберутся на вертолете за десять минут. Запоминайте: одно нажатие на кнопку рассматривается как просьба прилететь. Неважно, зачем: может быть, вас что-то испугает, или вы не сможете открыть какую-нибудь коробку, хотя... – он задумался, покачал головой, – не представляю, что здесь может не получиться. Да и пугаться, откровенно говоря, совершенно нечего. Погода будет ясная, она здесь девять месяцев в году такая. Животных и змей на острове нет, как и ядовитых или кусачих насекомых. Конечно, всякие там противомоскитные мази я вам оставил, но уверен, что они не пригодятся. Москиты остались в Москве.

Он ухмыльнулся, и Вика слабо улыбнулась в ответ.

– В общем, про одно нажатие я вас предупредил. Теперь, – он посерьезнел, – если вдруг, упаси господи, случится что-то серьезное – нажимайте несколько раз. Больше одного нажатия – это призыв о помощи. Например, полезете вы на пальму, упадете и ногу сломаете.

Он окинул взглядом ближайшую пальму и скептически хмыкнул:

– Надеюсь, Виктория, вам не придет в голову лезть на пальму. В общем, вы запомнили – нажать несколько раз на кнопку. А если вы захотите отменить вызов, нажмите два раза. Понятно?

Девушка кивнула, и Глеб положил ей в руку оказавшийся неожиданно легким передатчик.

– А вдруг он не работает? – тихо спросила она.

– Как не работает? – удивился Глеб. – Почему бы ему не работать? Вот, смотрите сами.

Он обернулся к вертолету и что-то громко крикнул. Пилот высунулся из кабины и переспросил. Гид ответил односложно, коричневый пилот кивнул и скрылся внутри; его фигура была видна в окне.

– Я попросил его включить приемник, – объяснил Глеб. – Они есть во всех вертолетах, осуществляющих перевозки на острова. Сейчас вы услышите, какой будет сигнал. Нажмите один раз, прошу вас.

Вика с легкой опаской вдавила красную кнопку. Несколько секунд стояла тишина, которую внезапно прорезал высокий противный звук, похожий на кошачье мяуканье, застывшее на одной ноте. Глеб поморщился и побежал к вертолету, увязая в песке. Пилот выглянул на его крик, расхохотался и опять исчез внутри. Две секунды – и звук стих.

– Вот видите! – Запыхавшийся Глеб добежал до Вики и плюхнулся на песок. – У него, прошу заметить, выставлена небольшая громкость, иначе от вашего нажатия заорало бы так, что листья с пальм посыпались. Так что будьте спокойны.

Вика кивнула. Она постепенно начала успокаиваться. Действительно, с чего она запаниковала? На ближайших островах есть люди, у нее с собой имеется все необходимое, даже связь. Вокруг нее – место исключительной красоты, как раз такое, о каком она мечтала. Все будет хорошо. Да что там «хорошо» – все будет просто прекрасно!

– Ну что же, оставляю вас, Виктория, наслаждаться раем, – широко улыбнулся Глеб. – До встречи через две недели!

Он вразвалку побрел к вертолету, и Вика, глядя ему вслед, заметила, что уже две акулы на рубашке потемнели от пота. В голове мелькнула мысль, что она забыла спросить что-то очень важное, но, пока она

вспоминала, гид уже забрался в кабину и махал ей оттуда рукой. Пилот, не бросив и взгляда в сторону девушки, завел машину, и пропеллер начал раскручиваться – сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее. По песку побежали волны, а вода на море прогнулась, словно ткань, и пошла мелкими морщинками. Вика заткнула уши, потому что здесь, под пальмами, звук казался куда громче, чем внутри вертолета. «Сумка, – возникло вдруг у нее в голове. – Моя сумка!»

– Стойте! – закричала она и замахала руками, но вертолет уже поднялся вверх – так быстро, что девушка даже не успела заметить, в какой момент это произошло.

Только что стоял на песке – и вот уже висит в воздухе высоко над ней. Задрал голову кверху, прикрыв глаза от летящего песка, Вика разглядела в кабине два силуэта, а в следующую секунду вертолет понесся над океаном, похожий на толстую полосатую рыбину, научившуюся летать.

Она еще зачем-то добежала до берега, покричала оттуда и, только когда волна захлестнула ее ноги до колен и брызги намочили шорты, опомнилась и пошла обратно. Хотела было посмотреть по привычке, сколько времени, но вспомнила, что телефон остался вместе с документами в сумке. Да все там осталось – зубная щетка, два купальника, крем от загара, прокладки, черт возьми! Вика растерянно повертела в руках черную коробочку, раздумывая, не нажать ли «тревожную кнопку», устроив переполох в кабине, но, по здравом размышлении, решила, что не стоит. «Сумку заметят, она лежит прямо на кресле. Глеб заберет ее и оставит у себя. Если мне что-то понадобится, тогда и вызову помощь, а сейчас не буду».

Нажать на кнопку сейчас означало признаться в собственном бессилии, расписаться в том, что без паспорта, обратных билетов на самолет, косметички и небольшой стопки нужных вещей она, Виктория Стрежина, не может оставаться в этом странном месте.

– Я могу! – упрямо произнесла она вслух. – Между прочим, почему же оно странное? Ничего странного в нем нет. Прекрасное место.

Вика пошла по песку, время от времени оборачиваясь и отмечая, как уменьшается вертолет. Гула давно не было слышно – лишь размеренный шум волн. Под ногами шуршал песок, теплый ветер обдувал лицо, и девушка почувствовала, что в голове проясняется. Она присмотрелась и заметила в прозрачной воде мелких красноватых рыбок, каждая – не больше ее мизинца. Рыбки держались стайкой возле берега, время от времени, словно подчиняясь невидимому сигналу, синхронно и резко изменяя направление. Мимо них проплыла округлая темно-коричневая

рыба с белыми пятнами на спине. Глаза у нее были выпученные, с красным ободком, а прозрачные плавники раскрывались и закрывались двумя тончайшими веерами. Надменно выпяченная вперед нижняя челюсть придавала рыбе сходство с престарелой аристократкой, давно растерявшей состояние, но сохранившей заносчивость и привычку к роскошной жизни.

Рыба смотрела прямо на Вику.

– Господи боже мой... – сказала Вика, вглядываясь в золотистые глаза с красным ободком. – Рыба, как тебя зовут?

Игнорируя и ее вопрос, и стайку красноватых, пятнистая рыба с достоинством развернулась и поплыла в глубь вод. Стайка замедлила движение – и стремительно рассыпалась, словно лепестки цветка разметало ветром в разные стороны.

Солнце стояло высоко, и девушка ощущала, что топик прилипает к спине, а ляжки бюстгалтера натирают плечи. Она вернулась к палатке, разделась до трусиков и в некоторой растерянности уселась на шорты, обдумывая свое положение.

Вику кольнула неприятная мысль, как только она вспомнила пятнистую рыбу.

– Есть ли здесь акулы? – спросила она вслух. – И как я буду купаться?

С одной стороны, Глеб предупредил ее, что никаких опасностей на острове нет. С другой, Вика не сомневалась, что океан должен кишеть самыми разнообразными созданиями, многие из которых могли быть ядовитыми или кусачими.

– Акулы, – вслух произнесла она, пробуя слово на вкус. – А-ку-лы... Медузы... Здесь должны быть медузы. Или нет?

Подумав о медузах, она внезапно поняла, что ужасно хочет есть. Порыскав в коробках, Вика достала жестяную банку с непонятной надписью, отлила из канистры воды в кружку и открыла упаковку тонких полупрозрачных хлебцев желто-серого цвета. Разложила все это на собственном топике, потянула за кольцо на банке. Издав громкое чпоканье, крышка отлетела, и перед глазами Вики предстали темно-розовые волокна в мутной жидкости.

– Тушенка? – протянула она с недоверием. Запах консервов быстро убедил ее, что она не ошиблась. – Отлично. Пять звезд, все включено.

Двумя пальцами она достала кусочек, отправила его в рот, запила водой и поморщилась. Тушенку Вика не любила с детства.

Пять часов спустя она поужинала тем же набором. Хлеб оказался безвкусным. Вика съела два ломтя старательно, уговаривая себя, что ей все

нравится, но в действительности ей не нравилось ничего: ни привкус бутылочной воды, ни соленая тушенка, ни хлеб, по вкусу напоминающий уже пережеванную кем-то бумагу.

Все шло не так, как она себе представляла. Необитаемый остров – прекрасный необитаемый остров! – был в ее распоряжении на две недели: без людей, как она и мечтала, с теплым морем вокруг и ясным небом над головой. Но Вика не испытывала ни одного из тех чувств, которые, по ее мнению, должна была испытывать, – ни радости, ни наслаждения, ни упоения одиночеством. Только растерянность и легкий страх. Сейчас, когда солнце опускалось в море и пальмы казались вырезанными в небе силуэтами, она могла себе в этом признаться. Ей было не по себе.

За прошедшие часы Вика успела разобраться в своих чувствах и обругать себя всеми ругательными словами, какие знала, а также убедиться, что ругань не помогает. Оставалось решить, что делать дальше.

– Я переночую, – сказала себе Вика, зачем-то кроша на песок третий кусок хлеба, – а завтра нажму на кнопочку.

Девушка сняла со стоящей рядом коробки передатчик и повертела его в руках. Легкий... Тени от пальм удлинялись на глазах, но она успела найти в одном из ящичков мощный фонарик и теперь чувствовала себя спокойнее. Раскрошив хлеб до конца, она вздохнула и забралась в палатку, как следует застегнув за собой полог.

Через пятнадцать минут она выбралась обратно. В палатке было душно, Вика задыхалась. Звуки, на которые она не обращала внимания, пока сидела снаружи, внутри палатки стали отчетливыми до назойливости: шорох набегающей волны, поскрипывание дерева в глубине леса за пальмами и тихий раздражающий скрежет возле полога, словно кто-то пытался забраться в палатку и все повторял и повторял свои безнадежные попытки. Вика включила фонарик и осветила на песок. Маленький жучок скакнул вверх так неожиданно, что она вскрикнула и чуть не выронила фонарь, а жучок в несколько скачков пересек круг дрожащего света и исчез в темноте.

Вика опустила на песок. Тяжелый фонарь приятно грел руку, а в другой был пульт с кнопочкой, и на секунду ей показалось, что все будет хорошо, просто отлично, нужно только провести здесь самую первую ночь, и она привыкнет. Ведь она мечтала об острове чуть ли не с шестнадцати лет, и вот ее мечта сбылась... Нужно всего лишь привыкнуть, потому что вот так, с ходу получить мечтой по башке – такое не каждый может выдержать.

Она сидела на теплом песке, смотрела на поблескивающую лунную

дорожку и продолжала уговаривать себя, уже понимая, что все закончено. Неважно, о чем она мечтала, – важно, что место, где она очутилась, не соответствует ее ожиданиям. И она ощущала себя не соответствующей ожиданиям острова, как будто прекрасный белый песок, омываемый синей водой, ждал героя, первопроходца, да просто храбреца, на крайний случай, а получил ее – Вику Стрежину, двадцати шести лет, пугающуюся всего, что было вокруг, – непривычных звуков, непривычных запахов, непривычной красоты.

Прошло какое-то время – она не знала, сколько точно, потому что телефон остался в сумке, а сумка улетела вместе с вертолетом. Звезды над ее головой висели так низко, словно только что поднялись в черное небо с пальм и не успели пока взлететь выше. Вика залезла в палатку, вытащила спальный мешок, за ним – плед, обнаруженный ею в той же коробке, где был фонарик, и улеглась на мешок, накрывшись пледом. Можно было и не накрываться, ночь стояла теплая, но она и так чувствовала себя не в своей тарелке, и ей хотелось сохранить хотя бы видимость нормального ритуала укладывания в постель. Повернув голову к морю, девушка разглядела почти на самой его поверхности небольшие светящиеся пятна, то тускнеющие, то опять загорающиеся ярче. В первую секунду она чуть не закричала, но потом поняла, что светящиеся существа всего лишь опускались и поднимались в воде.

– Спокойной ночи, – вслух пожелала им Вика. – Увидимся утром.

Она закрыла глаза и сказала себе, что спит. Две минуты спустя она начала считать до ста. Досчитав, начала до тысячи. Когда счет пошел на третью, она села, откинула одеяло, тяжело выдохнула. И медленно вдавила красную кнопку на коробочке, лежащей под правой рукой.

Спустя долгое время Вика все еще продолжала прислушиваться к гулу океана, надеясь различить в нем звук приближающегося вертолета. Она даже подошла к воде и начала всматриваться в ту сторону, куда днем улетел Глеб. Светящиеся существа исчезли, и вода стала черной. Постояв возле нее, Вика подняла коробочку и с отчаянием нажала – один раз, другой, третий... И еще раз.

Тишина.

Стараясь растянуть минуты, чтобы дать тем, в вертолете, дополнительный шанс, она вытряхнула из спальника песок, проверила, хорошо ли застегнута «молния» на входе в палатку, подергала колышки, крепко вбитые в песок. И снова обернулась к океану с надеждой и затаенным страхом.

Тишина.

– Где же вы, ну где же вы?.. – пробормотала Вика, изо всех сил сопротивляясь панике. – Почему вы не летите? Вдруг я ногу сломала?

В ее голове мелькнула спасительная догадка о том, что она, должно быть, слабо надавливала на кнопку, и Вика поспешно схватила фонарик и посветила на передатчик, хотя его можно было рассмотреть и без фонарика. Она нажала на красный кружок пять раз подряд и убедилась, что он опускается до конца.

– Проводки отсырели! – громко предположила Вика, бросив взгляд в темное небо и убедившись, что вертолета по-прежнему нет. – Вот в чем дело!

Бросилась в палатку, вытащила из настенного кармашка раскладной нож и, установив фонарь на полу, поддела острием черную полоску на боку передатчика. Вика ожидала, что ей придется выкручивать какие-нибудь шурупы, долго разбирать сложное устройство, но все оказалось неожиданно просто. Коробочка крякнула и развалилась на две части.

Не веря своим глазам, Вика смотрела на пустую внутренность передатчика. Ни проводков, ни схем не было в нем – простая пластмассовая коробочка с ограничителем, который не давал кнопке провалиться внутрь. Дрожащей рукой Вика нажала на кнопку и с ужасом смотрела, как та выдвигается с обратной стороны коробочки – игрушечной коробочки, пустой и никчемной.

Глава 5

За окном опять полил дождь, и Макар, любящий хандрить в такую погоду, ежась, закрыл форточку.

– Задохнемся, – буркнул под нос Бабкин, изучавший на полу карту Соломоновых островов.

– Простудимся, – парировал Илюшин, возвращаясь на диван. – Ну что, мой закаленный друг, выяснил что-нибудь полезное для нас?

За последние десять минут Бабкин выяснил, что Соломоновы острова, находящиеся в юго-западной части Тихого океана, занимают площадь около тридцати тысяч квадратных километров и включают в себя около девятисот островов.

– Большая часть из которых необитаема... – повторил он вслед за справочником. – Макар, большая часть из девятисот – это ведь немного, правда?

– Не очень, – согласился тот. – Если ты наконец-то восполнил свои пробелы в знании географии, предлагаю заняться делом.

Бабкин сложил карту по сгибам. Девятьсот островов, больших и маленьких, представились ему в виде клякс, между которыми лавировали акулы. Из самой большой кляксы торчала пальма в кадке, а на пальме висела гроздь бананов.

– Почему она не вернулась? – спросил он скорее у самого себя, чем у напарника. Вопрос был глупым, Сергей понимал, но нужно было с чего-то начать. – Куда она уехала из гостиницы?

Они уже знали, что Виктория Стрежина благополучно прошла таможенный контроль в Хониаре. Оперативники сработали профессионально, быстро выяснив, кто получал визу для Виктории Стрежиной в британском посольстве, а именно оно занималось выдачей виз на Соломоновы острова. Но на этом расследование встало: визу получал сотрудник туристического агентства, к которому обратился мужчина, предложивший за срочное оформление двойную оплату. Мужчина умел договариваться, потому что перепуганный сотрудник признался, что деньги он получил наличными, через бухгалтерию не провел, и никаких данных визитера у него нет. Имелось его словесное описание, но Макару с Бабкиным достаточно было услышать о густой бороде и усах, чтобы махнуть на него рукой.

К обратному рейсу Стрежина не вернулась.

– Ты задаешь вопросы, а нужно строить гипотезы. Наша основная версия была, как выяснилось, не просто неверна, а в корне ошибочна. Предлагаю плясать от этого.

– Ладно, – согласился Бабкин. – Давай предположим, что все, о чем рассказывала Стрежина, – чистая правда. Она действительно встретила девушек, вытянула билетик, ей сообщили о выигрыше, оформили визу и отправили ее на Соломоновы острова – заметь, совершенно бесплатно. В таком случае где девочка должна находиться сейчас?

Макар коротко глянул на него и поморщился. Ответ был очевиден обоим.

– На необитаемом острове, по всей видимости, – нехотя выговорил Илюшин.

– Одним из той большей части от девятистот, – напомнил Сергей. – Кто мог ее туда отправить? А главное – зачем?!

– Нет, главное – не «зачем», а именно «кто», – Макар вскочил с дивана и принялся ходить вокруг Бабкина. – На вопрос «зачем» может быть дюжина вариантов ответов. А по поводу организатора есть некоторые ограничения.

Сергей подумал пару секунд, затем понимающе кивнул:

– Деньги.

– Именно. Они же средства, они же финансы. Если мы с тобой берем за рабочую гипотезу, что Стрежина никому не дурила голову, а искренне верила в свой выигрыш, значит, она жертва. Сюда же вписывается случай с Липатовым, которого просто постарались убрать с дороги, как только он попытался вмешаться и подключить третьих лиц, то есть нас с тобой. Но осуществить такой розыгрыш, да еще и с поездкой черт знает куда, на край мира, можно только обладая приличным запасом банкнот в кармане. А лучше – весомым банковским счетом.

– Наем актрис, всучивших ей билет, – принялся считать Бабкин, загибая пальцы, – виза, перелет, гостиница.... И, вероятнее всего, аренда необитаемого острова.

– Не обязательно, – возразил Макар. – Соломоновы острова – это тебе не Соединенные Штаты, у которых каждый островок описан, оприходован и занесен в толстую синюю книгу под инвентарным номером. У них там полный бардак, они никак с государственным строем определиться не могут. Местным папуасам вообще не до того, чтобы острова считать, тем более что их там как грязи.

– Папуасов?

– Островов! Папуасов тоже, кстати. Только там не папуасы, а куча

разных племен из меланезийцев. Короче говоря, вполне может быть, что для жизни на одном из островов ничего не требуется: ни бумажек всяких, ни разрешений. Приплыл на остров – и живи сколько влезет. Но в любом случае организация всего процесса требует больших затрат.

– Зачем? – упрямо повторил Бабкин. – Зачем кому-то отправлять девушку на необитаемый остров? Слушай, а может, она просто умерла? – вдруг осенило его. – Сама по себе! Представь: богатый поклонник решил сделать любимой женщине сюрприз, обыграл все так, чтобы Стрежина точно не отказалась. Привез ее на остров, а там – бац! – змея.

– Или голодный папуас, – безо всякого воодушевления отозвался Макар, глядя на напарника сверху вниз. – Может быть, конечно, почему бы нет? И должен я тебе сказать, мой пессимистичный друг, что для нас с тобой это была бы самая простая и хорошая версия.

– Что же в ней хорошего?

– То, что в ней не имеется сбитого машиной Антона Липатова. То, что над ней не нужно ломать голову и требуется всего-навсего найти богатого поклонника. Но интуиция подсказывает мне, Серега, что все совсем не так просто. Мы с тобой сделали две ошибки подряд: первый раз, когда не придали значения визиту Липатова; второй – когда не поверили словам Стрежиной. Мы пошли по самому удобному пути. Та версия, которую предлагаешь ты, – точно такой же удобный путь, и уже потому я полагаю, что он неверен.

– Убедил, – неохотно согласился Бабкин. – В задницу папуасу ядовитую змею. Но тогда нужно поднимать весь круг общения Стрежиной, отсеивать тех, кто не мог оплатить такое дорогостоящее развлечение... Выяснить мотивы...

– В общем, отрабатывать гонорар, – подытожил Илюшин. – Для начала нужно понять, почему именно Стрежина. Почему не кто-то другой? С семьей будешь ты беседовать или я?

– Давай я.

– Хорошо, тогда я отправляюсь к Каморкину. Пусть рассказывает во всех подробностях, с кем общалась его любимая племянница.

* * *

Сказать, что двадцать лет назад семья Стрежиных бедствовала, было бы неверно. Сергей Иванович Стрежин работал завхозом на небольшом деревообрабатывающем предприятии, его супруга Галина Михайловна

трудилась швеей, и оба вполне могли прокормить как себя, так и двух дочерей.

Вика поняла, что с родителями что-то не так, когда ей было около восьми лет – до того она искренне полагала, что всем детям при рождении выдают таких кривобоких маму с папой, и с этим ничего не поделаешь. В тяжелых случаях с ними в комплекте идет старшая сестра, но нужно радоваться хотя бы тому, что не брат. И что одна сестра, а не две.

Отец и мать Вики Стрежиной отличались потрясающей экономностью. Даже, пожалуй, и экономностью-то их странную черту можно было назвать с натяжкой – скорее тягой к сбережению всего во всех возможных сферах. С работы оба волокли все, что можно было уволочь без риска для жизни. В квартире из ящиков вываливались обрезки досок, торчали обрывки грязно-серых клочков ткани, в туалете могла попасться вата, а в кухне – шурупы.

Стрежины использовали все. Шелуха от очищенного лука не выбрасывалась, а складывалась в отдельный пакетик: из нее Галина Михайловна делала отвар, которым красила волосы. На всех подоконниках в квартире стояла герань – не для красоты, а потому, что запах ее должен был отгонять моль. Чтобы герань лучше справлялась со своими обязанностями, ее тщательно удобряли: толкли яичную скорлупу в порошок, ссыпали в банку и по мере надобности подсыпали в горшки.

Однажды Вика, забывшись, выкинула скорлупу от съеденного на завтрак яйца. Однако старшая Стрежина имела обыкновение проверять ведро перед тем, как вывалить в мусоропровод: вдруг что-нибудь ценное случайно выбросили! Обнаружив скорлупу, Галина Михайловна выпучила глаза, моментально вычислила преступника и устроила показательное выступление. Выступление сводилось к тому, что когда-нибудь ее младшая дочь вырастет большая, станет зарабатывать много денег, а сейчас она сидит на шее у отца с матерью, которые все жилы себе выкручивают. И пока она так удобно устроилась, свесив ножки, пусть и думать не смеет о том, чтобы плевать на интересы семьи!

Вика была отшлепана. Когда она, зареванная, пыталась заснуть в кровати, через спинку перевесилась голова старшей сестры, и Нинка прошипела:

– А завтра я папе расскажу, что ты блесну в школу отнесла!

Нинка не была злобной, но ее вредность не раз отравляла Вике жизнь. Вика затаилась под одеялом и чуть не расплакалась снова. Потому что блесну, одну из десятков валявшихся у отца в ящике, она и в самом деле отнесла в класс, чтобы показать Левке Малезину: блесна была красивая,

золотистая и гладкая. И Левка немедленно выпросил у нее сокровище, а она, конечно же, согласилась, потому что Малежин был толстый и хороший. Она знала, что отец никогда не ловит рыбу, а блесны притаскивает домой с работы и подбрасывает соседу-инвалиду, чтобы тот сбыл при случае на рынке. Вот и отдала.

Но у Стрежиных сэкономили на всем, и пропажу блесны отец мог расценить как посягательство на устои семьи.

По воскресеньям Галина Михайловна готовила еду на неделю вперед. Заранее покупались шесть соленых селедок, от которых отрезались скользкие темно-серебристые головы и бросались в кастрюлю – вариться. Девочки разделявали рыбные тушки, и кости с кусочками рыбьего мяса кидали следом за головами. В кухне мерзко воняло селедкой, но мать выглядела очень довольной. Она нарезала картошку, морковь, много лука, и, процедив варево, бросала в него овощи. На выходе получался селедочный суп, гордо именуемый в семье Стрежиных рыбным.

Иногда отец принимался за готовку самолично: отливал немного селедочного бульона, проваривал в нем манку, добавлял туда же мелко порезанный лук и подкрашивал томатным соком. «Икра минтаева» – вот что выходило из этой смеси. Ее нужно было мазать на черный хлеб и запивать чаем.

С оставшимися селедочными тушками возможны были разные варианты. Иногда они, порубленные, перемешивались с натертой вареной свеклой, и получался салат. Иногда – и это было почти пиршество – селедку резали, отваривали кастрюлю картошки, и выходила «рыба с гарниром». Больше всего Вика не любила, когда мать варила гречневую кашу на воде, перемешивала ее все с теми же селедочными кусками, и тогда блюдо называлось «каша по-крестьянски». Давясь гречкой и селедкой, Вика пыталась представить, откуда же брали селедку крестьяне, если они работали в поле. И всегда приходила к выводу, что селедку крестьянам привозил злой помещик.

Для того чтобы семья питалась правильно, Галина Михайловна готовила полезные витаминные салатки: либо терла сырую свеклу и морковь, перемешивала, посыпала сахаром, либо мелко нарезала капусту, которую перетирала с солью. Вика не знала, что она ненавидит больше – сырую свеклу или капусту. Мать заставляла съесть полную тарелку салата, приговаривая, что витамин зимой не даст заболеть. Витамин представлялся Вике пузатым толстощекиным колобком, не пускающим к ней маленькую хиленькую болезнь вроде насморка с температурой, при которой можно не идти в школу, а остаться дома и лежать под одеялом, читать книжку.

Пузатый витамин, раздобривший на капусте и зарумянившийся от свеклы, захлопывал дверь перед насморком, а температуру спускал с лестницы, злорадно потирая коротенькие морковные ручки. Наглым нравом и самоуверенностью витамин напоминал Вике сестру Нинку.

Одевали девочек тоже экономно, но старшая Стрежина не могла позволить, чтобы ее дочери выглядели бедными – нет, все должно быть не хуже, чем у людей. И Галина, как хорошая швея, перешивала одно из другого, другое из третьего; тряпочки старшей сестры превращались в юбку младшей, остатки пледа – в кофточку или аппликации на свитер; из обрезков, принесенных Галиной с работы, вполне могло получиться праздничное платье. Тратя на одежду детей минимум средств, Стрежина следила за тем, чтобы никто не мог сказать, будто она экономит на своих дочерях.

При таком образе жизни Галина Михайловна и Сергей Иванович откладывали с каждой зарплаты денежку, которая припрятывалась в квартире, в хитром тайнике, и именовалась заначкой. Денежка росла с каждым месяцем, и у обоих Стрежиных становилось тепло на душе от мысли, что они заботятся о своем будущем и о будущем своих дочерей. На что они потратят заначку в этом будущем, не имело значения – важен был сам факт ее наличия, позволявший им засыпать с уверенностью в завтрашнем дне и спать спокойно.

Вика Стрежина росла честной, открытой, доброй девочкой, готовой делиться с окружающими всеми радостями и горестями, новостями и заботами. С кем же было делиться, как не с семьей? Тем более что и мать обязательно расспрашивала дочерей после школы: как прошел день, с кем они играли, кто из учителей о чем рассказывал... И по утрам – что приснилось ночью, о чем думала...

Что происходило в голове Галины Михайловны, как ухитрялась она запоминать кучу детских обид, мелочей, страхов, надежд и радостей, не знала, наверное, даже она сама. Но в нужный момент, как фокусник из коробки, она извлекала необходимое и выстреливала в провинившуюся. Ею, как правило, была ее младшая дочь.

– Глупая курица! – кричала Галина Михайловна, трясая перед Викиным лицом дневником с тройкой. – Думаешь, твой Малежин любит троечниц? Нет, не любит! Ты, значит, хотела перед девочками своими показаться в новой форме?! Боялась, что будешь бегать, а у тебя штаны разойдутся, как у Прохоровой?! Вот я тебе специально так прострочу, чтобы все разошлось! Пусть смеются над тобой, раз ты такая дурочка! Все, с сегодняшнего дня никаких ночников в спальне, и попробуй только заной

вечером, что из-под кровати мертвый скелет лезет! Выпорю тебя, поняла?! Отвечай – поняла?!

Вывернутые наизнанку, безбожно вытащенные на свет маленькие мысли маленькой Вики тыкались ей же в нос, и она с ужасом вспоминала, как сама рассказала маме о Левке, о Прохоровой, над которой смеялся весь класс, а та ревела в раздевалке, о мертвом скелете, которого она боялась до дрожи, до колотья в боку, но он, по счастью, сам боялся света, и с ночником Вика засыпала спокойно.

Нинка в таких случаях обязательно подзуживала мать: вертелась под боком и выдавала какой-нибудь нехороший Викин секретик.

– Мамочка, а еще Вика из тех серебристых кусочков ткани – помнишь, что ей тетя Таня принесла, – юбку для куклы сшила! Для большой куклы!

– Как из серебристых?! – ахала мать. – Я из них собиралась вставки Нинке в платье сделать, а ты, значит, юбку для куклы... Отец, иди сюда! Посмотри только, ни стыда ни совести у девицы нет... В чем сестра-то на праздник пойдет, не подумала, да? Понятно, лишь бы о своих игрушках печалиться.

Светлым пятном для Вики были редкие визиты дяди Миши, родного брата матери. Он появлялся раз в год, привозил мешок подарков для нее и Нинки, одаривал мать красивыми кофтами, а отца – редкими сигаретами, но уезжал ровно через сорок минут после того, как входил к ним в дом. Иногда во время этих редких визитов Вика ловила на себе его сочувственный взгляд и думала, что она, наверное, очень некрасивая, раз дядя так на нее смотрит. То ли дело Нинка – и крепкая, и сильная, и челка дыбом, как у взбесившейся лошади. Взбесившихся лошадей Вика не видела, но представляла очень живо.

Со временем Вика научилась прятать свои мысли, закрываться за семью замками от собственной семьи, но жить в полной изоляции она не могла. Из болтовни за завтраком, из записочек под обложкой дневника мать извлекала информацию и снова превращала ее в оружие против дочери. Вика после такой встряски полностью замолкала на время, но проходили недели – и она отходила, обманывалась дружелюбием матери, фальшивым расположением сестры, внешней заинтересованностью отца. И все повторялось по новой.

Не стать злобным закомплексованным подростком, наглухо закрытым от окружающих, ей помог Левка Малезин. Вика никогда не приглашала к себе гостей: один раз попыталась, и мать с отцом устроили ей скандал («привела ораву! Ты думаешь, мы с утра до вечера горбатимся, чтобы твоих

обжор кормить?!»). Но как-то раз в восьмом классе Левка заскочил к ней за домашними заданиями и был встречен Галиной Михайловной неожиданно ласково: Малежина усадили за стол, накормили рыбным супом и прекрасным салатом из кислой капусты, побеседовали по душам. Когда Вика пошла провожать Левку на лестничную площадку, попутно объясняя что-то из задания, он дождался, пока закроется дверь в квартиру, и негромко проговорил, глядя на Вику с непонятым выражением:

– Стрежина... ты извини, конечно... но у вас каждый день так?

– Что – так? – не поняла Вика.

– Ну... за столом, и разговоры...

– А, это. Да, не обращай внимания. Мама любит селедку.

– Да при чем здесь селедка?! – вдруг вскипел обычно спокойный Левка. – Я с тобой не о селедке говорю, бестолочь!

Он выхватил у остолбеневшей Вики тетрадь с заданиями, шагнул в приехавший лифт и со всей силы шарахнул кулаком по кнопке первого этажа. Вика все стояла на месте, недоуменно прислушиваясь к гулу спускающегося лифта.

«У вас каждый день так?» Значит, толстяку Левке, которого воспитывала одна мама, показалось, что у них, Стрежиных, как-то неправильно? Интересно, почему?

Ответ на свой вопрос она получила на другой день – торопливо шла по школьному коридору и вдруг, перед тем как завернуть за угол, споткнулась о свою собственную фамилию, произнесенную все тем же Левкой.

– У Стрежиной? Да нет, ничего интересного... – неохотно говорил он невидимому для Вики собеседнику. – Предки у нее только, по ходу, странные какие-то.

– Чем странные-то, а? – спросил звонкий мальчишеский голос, и Вика узнала Левкиного друга Дениса Суворова.

– Больные на всю голову, – вдруг бухнул Левка раздраженно. – Ни о чем говорить не могут, только...

О чем могут говорить Викины родители, он не закончил, поскольку сама Вика медленно вышла из-за угла и уставилась на него. Взгляд у Стрежиной был странный, и Левка, покрасневший от стыда, хотел было что-то объяснить, но маленький нахальный Суворов дернул его за руку и независимо поинтересовался:

– Че встала, Стрежина? Иди, опоздаешь!

Вика прошла мимо них, повторяя про себя слова Малежина.

Больные на всю голову? Ее родители? И Нинка? Как ни странно, она не испытала ни малейшей ярости или обиды из-за слов Левки и сама не

понимала, почему. И вдруг, идя по школьному коридору, в котором вопила малышня, Вика осознала, что он прав. Прав! Отец и мать и в самом деле просто больные люди, и с этим ничего не поделаешь: они уже взрослые, их не вылечить. На Вику снизошло озарение, и все встало на свои места.

Вернувшись домой, она посмотрела на родителей новыми глазами и удивилась самой себе: как же она раньше не понимала? Расстраивалась, переживала, копалась в себе... А все, оказывается, просто.

На следующий день Левка краснел, извинялся, ходил за Стрежиной хвостом, чем заслужил насмешки всего класса, но Вика отмахнулась от него и велела все забыть и не брать в голову. Она ощущала себя по-другому: словно в один момент прежняя жизнь закончилась и началась новая, неизвестная, но в этой неизвестной жизни все зависело только от нее самой.

Если бы кто-нибудь сказал Вике, что она рассуждает, как взрослая, Стрежина бы очень удивилась. Она ощущала себя маленькой, незначительной, но при том обретшей броню. «Я не такая, как они», – вот была ее броня. «Я не такая, как они».

В семнадцать лет она поступила в выбранный институт, хотя родители ни капли не сомневались, что после школы младшая дочь пойдет работать, как и старшая, – нести деньги в семью, в хитрый тайничок, в дорогую их сердцу заначку. Но Вика не только наглým образом разрушила их планы, но и вышла из-под их контроля, умудрившись договориться, что ее поселят в общежитии. И в самом деле переселилась, и за все пять лет ни разу не переночевала дома. Каждый ее визит в квартиру превращался стараниями родителей в грандиозный скандал, а Нинка по-прежнему играла роль подстрекателя. В один прекрасный вечер, когда мать с отцом зашли особенно далеко в своих обвинениях, Вика ушла и больше не появлялась у родных. Да они и не были ей родными – только дядя Миша.

Сергей Бабкин вышел из квартиры Стрежиных, ощущая себя фонарным столбом. Или чем-то другим, но столь же крупным, устойчивым и пустым внутри. Главное – пустым внутри, потому что Бабкин не мог понять, как среди тех людей, с которыми он только что провел сорок минут, выросла девушка, фотографию которой оставил им Липатов.

Бабкин отошел от подъезда, огляделся и направился к облезшей скамеечке на детской площадке. Дождь прекратился, а от скамеечной сырости у Сергея всегда был с собой правильный пакет – плотный, широкий, легко сворачивающийся в небольшой квадратик. Он уселся на пакет и достал из кармана несколько фотографий, неохотно отданных ему родителями Стрежиной.

На всех фотографиях у Вики было лицо без улыбки, но не мрачное, а скорее зажатое. На групповой институтской фотографии взгляд у девушки был пристальный и такой внимательный, словно она единственная из всех студентов пыталась за камерой разглядеть фотографа. На снимке шестилетней давности у нее еще были длинные волосы.

Бабкин снова вспомнил людей, которые на протяжении получаса визгливо доказывали ему, какая дрянь их дочь и сестра и как много они ей дали.

«Использовала она нас, вот что! Я всю жизнь ее обшивала, уроки с ней делала, советами помогала, а она – с глаз долой, из сердца вон!»

«Ой, Вика всегда была ужасно скрытная. И врала постоянно, даже мне. Ее спросишь о чем-то, а она думает, думает, потом ляпнет что-нибудь не к месту – и смеяться. Ну не дура?»

«Че вы к ней привязались? Найдется – чай, не тысячная купюра. Зашибает в своей фирме деньгу большую, вот и придумала хвостом покрутить-повертеть. Мол, и я не хуже других, по египтам-турциям поездила! Нет чтобы родителям подкинуть... Стерва она! Че ты шикаешь-то на меня – неправда, что ль? Ну. Вот и не шикай».

Галина Михайловна и Сергей Иванович не знали о своей дочери ровным счетом ничего – ни о друзьях, ни о личной жизни, ни о работе... Бабкин смотрел на них, пытаясь найти хотя бы внешнее сходство с дочерью. И оно существовало: Викин отец щурил карие глаза в точности, как сама Вика на снимке Антона Липатова; волевой подбородок выпячивала вперед мать, светловолосая, как и обе дочери; у старшей сестры была та же линия скул, бровей, такой же небольшой прямой нос. Но как же перетасовались их черты, чтобы получилось не второе подобие Галины и Сергея, а Вика Стрежина, сбежавшая из селечного ада в семнадцать лет...

Он засунул фотографии обратно во внутренний карман. От куртки пахло жареным луком.

Бабкин встал и собрался свернуть пакет, когда от подъезда его окликнули. Обернувшись, он увидел сестру Виктории, обходящую лужи на асфальте. Она была в тапочках и спортивном костюме, в котором встретила его в квартире, и Сергею пришло в голову, что для нее, должно быть, это практически «выходной» наряд.

– Я вам кое-что сказать хотела, – заявила она, подойдя и вызывающе глядя на него. – Вот вы подумали, что мы все такие плохие, Вику не любили! Подумали, чего уж тут! А, между прочим, ваша Вика и сама была хороша!

«Разница у них в два года, – вспомнил Бабкин, глядя на опухшее лицо. – Всего в два года...»

– Мать пыталась с ней помириться, звонила ей, хотела по-хорошему поговорить, по-людски! – продолжала Нина. – А Вика знаете что ей заявила? Я знаю, я-то слышала. Сказала, пусть мать не беспокоится о ней. Можете себе такое представить, а? К ней – с добром, а она – как оплеуху по морде!

Сергей бросил взгляд на покрасневшее лицо Нины, и ему в голову пришла мысль, что не только из-за матери так не любит она младшую сестру.

– Когда вы с ней встречались? – спросил он наугад, не думая.

Нина запнулась, зло скривила губы.

– Ну встречалась, и что такого? Полгода назад. Я приехала, тоже по-человечески хотела, – распаяясь, она повысила голос, – пообещала, что все верну, могу даже и с процентами! Что я – дрянь какая или воровка, чтобы мне не верить? Да я ее маленькую от всех во дворе защищала, горой за нее стояла, шишки получала! А она мне копейки не дала! Нисколечко! Денег родной сестре на шубу пожалела!

– И что она сказала?

Лицо Нины Стрежиной внезапно исказилось так, что Бабкину стало не по себе.

– Сказала, что от меня луком пахнет, – зло выплонула она. – Чтобы я на нее не дышала! Стерва. Поделом ей, если башку свернет.

Не полагаясь на память, хотя она была у него превосходная, Илюшин сегодня записывал за Каморкиным все, связанное с Викторией Стрежиной.

– Соломоновы острова, – повторял старик, ошеломленно покачивая головой. – Господи боже мой... Поверить не могу. Макар, вы уверены, что это правда? Милиция не ошиблась?

Илюшин сочувственно поглядел на Каморкина и кивнул. Он уже в четвертый раз подтверждал, что да, правда, но спустя короткое время тот снова поднимал на него жалобный взгляд и спрашивал, как будто за десять минут что-то могло измениться.

Макару хотелось сказать что-нибудь успокаивающее и весомое, например, по-голливудски: «Мы найдем ее. Мы обязательно найдем ее», и выпятить нижнюю челюсть, как иногда выпячивал Серега, собираясь приступить к поеданию раков. Но врать этому искалеченному человеку Илюшин не хотел, а в том, что они и в самом деле найдут Викторию Стрежину, он сильно сомневался.

– Если вы поможете нам, Михаил Олегович, – мягко проговорил он, – у нас будет больше шансов.

Старик покорно кивнул.

В действительности он уже помог – Илюшин исчеркал полблокнота, записывая за Каморкиным. Михаила Олеговича даже не приходилось направлять вопросами – он сам прекрасно помнил всех знакомых своей племянницы.

Первым номером в списке Макара шел Вениамин Роцин, к которому поначалу Илюшин собирался отправить Бабкина, но теперь подумывал о том, что стоит съездить самому. Ничего принципиально нового к своему предыдущему рассказу Каморкин не добавил, если не считать упоминания о том, что Роцин весьма состоятелен – не потому, что много заработал, снимаясь в посредственных сериалах, а потому, что происходил из богатой творческой семьи: мать Роцина была владелицей одной из галерей в Москве, отец – скульптором, заработавшим относительную известность на паре-тройке нестандартных проектов. «Видели возле Нескучного сада кривобокий домик – единственный, который не вписывается в улицу? С окнами-бойницами? – хмуро спросил Михаил Олегович. – Сие творение и есть плод фантазии папеньки Вениамина».

О самом Вениамине фотограф выразался ядовито:

– Видел я его исключительно по телевизору. Очень он весь такой... обвислый.

– Что значит – обвислый? – не понял Макар.

– Вроде фактурный юноша, а приглядишься – у него и щеки висят, и нос висит, и даже уши, кажется, свисают. Поневоле подумаешь, что и в других частях тела мощи не имеется. Ей-богу, не смейтесь, так оно и есть. Присмотритесь сами, как будет сериал идти, и убедитесь. Что Вика в нем нашла?

Подробностей об отношениях племянницы и младшего Роцина старик не знал. Но когда Макар спросил, почему, по его мнению, Вика не придала никакого значения угрозам актера, ответил неожиданно:

– Я, признаться, полагал, что она рассчитывала на высокое заступничество. Вы понимаете, о чем я?

– Не совсем, – осторожно ответил Макар. – Чье заступничество?

– Ну, как же... Викиного начальника. Его, кажется, теперь принято называть «босс» или «шеф».

– У Вики был роман с ее руководителем? – поразился Илюшин. – Почему же...

Он хотел спросить, почему же ни Липатов, ни Лена Красько не

обмолвились о романе ни словом, но вспомнил о скрытности Стрежиной и не стал продолжать. Из троих людей, с которыми он разговаривал, Виктория, очевидно, больше любила дядю, а потому не было ничего удивительного в том, что она могла таиться от коллег, но не от него.

– Видите ли, Макар, я не могу утверждать наверняка, – смущенно произнес Каморкин. – Поймите, противоестественно молодой девушке делиться своими сердечными увлечениями со старым дядей, даже если она и испытывает к нему некоторую привязанность. Почему же я решил, что Вика...

Он нахмурился. Илюшин терпеливо ждал, потому что это было важно, очень важно.

– Какие-то мелочи, – произнес наконец Михаил Олегович, задумчиво теребя острую бородку. – Обрывки фраз, интонация. Знаете, а ведь на самом-то деле ничего, ровным счетом ничего не говорит о том, что Вика встречалась с... как его... в общем, со своим начальником. Я только сейчас осознал, что у меня нет ни малейших тому подтверждений.

Он беспомощно развел руками и посмотрел на Макара с таким выражением, словно опять собирался спросить, может ли его племянница быть в другом месте, а не на Соломоновых островах.

– Нет – значит, нет, – быстро согласился Илюшин. – Но все-таки, Михаил Олегович, если вспомните...

– Само собой, само собой, – заторопился старик. – Боже мой, ну почему же я так решил... Что-то она такое произнесла...

Негромко зазвонил телефон, и Каморкин поспешно схватил трубку:

– Я вас слушаю. Михаил Олегович, да. А вы, простите?..

Он помолчал, слушая собеседника, покивал головой и даже улыбнулся.

– Разумеется. Да. Спасибо, мне тоже очень приятно. Всего доброго, до встречи.

Он повернулся к Илюшину.

– Из солидного журнала звонили. Хотят, представьте себе, интервью у меня взять, – с нескрываемой гордостью объяснил он. – Значит, и Каморкин на что-то годится, а? Мне, правда, кажется, что никому не интересно интервью с таким тухлявым пеньком, но все равно приятно, что греха таить... Значит, кто-то помнит меня, кто-то ценит. Значит, и я что-то полезное сделал в своей жизни, правда?

– Правда, Михаил Олегович. Хотя мне кажется, что полезное – не совсем подходящее слово. Разве картины Моне можно назвать полезными? Только в очень узком и специфическом смысле.

– Спасибо вам, голубчик, за столь лестное сравнение. А, знаете, мне

вспомнилось: Вика как-то раз примчалась с горящими глазами, в руке журнал – красивый, глянцевый. И трясет им, как колотушкой! – Каморкин убедительно изобразил, как трясла журналом его племянница. – Посмотри, говорит, что такое! А там, представьте себе, три моих пейзажа на развороте и текст к ним. Вот только разрешения у меня никто не спрашивал, а про деньги и говорить смешно. Ох, как же Вика негодовала! Ты, говорит, дядя Миша, великий фотограф, а они смеют с таким нахальством твои работы воровать! Я ей в ответ – мол, почему же воровать, есть же ссылка на меня. Нет, отвечает, без спроса взять – это почти воровство, пусть и со ссылкой. Ты ведь им разрешения на публикацию не давал? Вот именно, не давал.

Он покачал головой, вспоминая, как рассердилась тогда племянница.

– Я ей объясняю, что, может, за честь стоит почитать: солидный журнал, да вдруг вспомнил про мои снимки! А Викуша в ответ: «Ты, дядя Миша, себя недостаточно ценишь. Это для журнала честь, если бы ты им разрешение на публикацию дал, а не для тебя». И что вы думаете? Позвонила в редакцию и так, знаете ли, жестко с каким-то мальчиком поговорила, что перезвонили мне оттуда спустя полчаса и решили все вопросы. И гонорар перечислили, и прощения попросили. Вот так-то. Вика очень мною гордится, да... И фотографии все наизусть, можно сказать, знает. Как-то я спросил ее: что на этом снимке в левом нижнем углу? Так она не задумываясь ответила. Радостно мне от этого, что скрывать... На душе тепло.

Каморкин расстегнул верхнюю пуговицу своей фланелевой рубашки, и Макар обратил внимание на его руки – сухие, морщинистые, с выступающими синими жилками. Обшлаг правого рукава был обтрепан, и Илюшин внезапно решил, что рубашку подарила Каморкину его племянница.

– Михаил Олегович, – сказал он, – простите, откуда у вас эта рубашка?

– Викин подарок, – поднял тот удивленные глаза. – Я очень люблю такие сорочки, а Вика... она меня... балует... Рубашку вот подарила, а недавно – очечник новый...

Илюшин не сразу понял, что происходит и отчего голос Каморкина начал прерываться. И только когда старик поднял ладони к глазам и издал странный тихий звук, похожий на отрывистое поскуливание, Макар проклял себя за бестактность, опустился на пол рядом с коляской и начал негромко говорить то, что давно нужно было сказать, – что они найдут Вику, что она, конечно же, жива, что все будет хорошо, что на Соломоновых островах тепло в это время года и почти нет дождей – и говорил, и говорил, и даже пытался выпячивать вперед челюсть, как это

делает Серега Бабкин, разглядывая вареных раков, и ему было тысячу раз наплевать, правда это или нет, лишь бы только дядя Вики Стрежиной, в прошлом талантливый фотограф, перестал плакать по своей пропавшей племяннице.

В конце концов Михаил Олегович взял себя в руки, церемонно извинившись, выехал из комнаты, и Макар услышал, как он громко сморкается в ванной под журчание воды.

Илюшин встал, походил по комнате и остановился перед полкой с книгами. Его внимание привлек яркий переплет, и он осторожно вытащил небольшую книжку в желтой обложке, на которой алыми буквами было выведено название: «Встреча с мечтой».

– Простите старого дурака за слабость характера, – вернувшись, сказал Каморкин с извиняющейся улыбкой. – Бога ради, простите.

– Да что вы, Михаил Олегович! Я тут у вас интересную книжку нашел...

– Умоляю, поставьте эту ерунду на место, – замахал тот руками. – Я таких, признаться, и не читаю, но Вика принесла – сказала, ей понравилось. Не выкидывать же... Так и стоит непрочитанная.

Макар задумался. «Вика принесла?»

– Разрешите мне, пожалуйста, взять ее на время, – попросил он. – Я верну в целостности и сохранности.

Каморкин колебался:

– Я не совсем понимаю, зачем она может пригодиться вам, Макар.

– Обещаю, что возвращу в лучшем виде, – повторил Илюшин и, несмотря на то, что Михаил Олегович по-прежнему неуверенно качал головой, убрал желтую книжку в рюкзак.

– Зачем она тебе? – не понял Сергей, когда Макар помахал у него перед носом книжкой.

– Чтобы лучше понять характер жертвы.

– Брось, не смейся. Девушка увлекается всякой чушью, при чем здесь характер? Как будто ты сможешь обо мне что-нибудь узнать на том основании, что я смотрю журнал с голыми бабами.

Илюшин выразительно взглянул на Бабкина поверх книжки и ухмыльнулся.

– Да иди ты, – огрызнулся тот и рассмеялся. – Ладно, не с бабами, а что-нибудь другое. Например...

– Например, текстовые файлы, – подхватил Макар, захлопывая книжку. – Именно это, мой озабоченный друг, и будет нашим с тобой

чтением в ближайший час.

– Что ищем? – деловито осведомился Сергей, включая ноутбук.

– Для начала все данные о владельцах фирмы «Юго-запад». Твои связи пока подключать не будем, поглядим, что у нас имеется в большой мусорной корзине под названием «Интернет».

– Они-то тебе зачем?

– Похоже, что один из ее начальников вполне может иметь отношение к происходящему. А может быть, и не один.

* * *

Антон Липатов открыл глаза и сразу почувствовал боль. Боль сидела в затылке и когтями равномерно скреблась изнутри: вз-з-р, вз-з-р, вз-з-р... «Выпусти меня, – просила боль, – выпусти! Сделай со мной хоть что-нибудь!» Антон закрыл глаза и, не сдержавшись, застонал.

– Очнулся, миленький, – сказал над ним чей-то голос – он не разобрал, женский или мужской. – Сейчас, сейчас... Маша! – крикнул голос гулко, и Липатову показалось, что боль в голове вздрогнула и забилась, как птица, которую схватили руками. – Мария Игоревна!

Послышались удаляющиеся шаги, и боль перестала пульсировать. Замерев, чтобы ее не потревожить, изо всех сил стараясь не стонать, Антон медленно поднял тяжелые веки. Тусклый синеватый свет показался ему нестерпимо ярким, а запах – невыносимо тяжелым, удушающим. Рядом раздалось нечто среднее между вздохом и всхлипом, но у Липатова не было ни сил, ни желания поворачивать голову. Боль сидела в затылке и по-прежнему просила выпустить ее наружу, а он не знал, как это сделать.

«Вика», – вдруг сказала боль, и Антон в одну секунду вспомнил все, что было с ним до того, как он увидел две желтых фары совсем рядом, а затем почувствовал страшный удар. «Вика, – повторил он сам. – Господи, Вика, маленькая моя, бедная, девочка моя...Что с тобой, где ты сейчас?» Боль притихла, съежилась в комочек, а в следующую секунду стала такой огромной, что у Липатова перехватило дыхание. Корчась на больничной койке, он внезапно четко увидел ее – свою боль. У нее были очертания острова, вокруг которого шевелилось море. Антон обхватил голову руками и разглядел маленькую фигурку, потерянно бредущую по песку. Рядом с фигуркой двигалось что-то большое, черное, без имени.

– Вика! – шепотом позвал Антон. – Вика!

Стукнула дверь, к его койке подошли.

– Ох, нехорошо... – озабоченно пробормотал кто-то, и Антон замотал головой: ему нельзя было сейчас мешать, нельзя! – Укольчик, – успокоительно пообещали над ним, и кто-то взял руку Липатова холодными, словно замороженными пальцами.

«Вика на острове! – хотел сказать Антон. – Оставьте меня, не трогайте, я должен увидеть, что с ней!»

– Тихонько, тихонько, – пробормотал первый голос, и Липатов ощутил резкий укол в руку. Он не успел даже выдохнуть, как боль начала таять, а вместе с ней и маленькая фигурка.

– Нет!

Он дернулся, но было поздно: остров исчезал. На Антона опускалась мягкая обволакивающая темнота.

Глава 6

Виктория Стрежина. Остров

«Я не сойду с ума. Я не сойду с ума. Я НЕ СОЙДУ С УМА!!!»

Остров был совершенно неподходящим местом для того, чтобы сойти с ума. Она представляла, что можно легко свихнуться на войне или потерять всякую связь с реальностью, изо дня в день входя в огромное здание, в которое со всех сторон стекаются толпы таких же механических человечков, как ты – в неброских дорогих костюмах, неброских чистых ботинках, с неброскими аккуратными лицами. Почему-то эта картинка ассоциировалась у нее с Японией, хотя человечки, собирающиеся в здании, представлялись очевидными европейцами.

Но остров – остров был совершенно неподходящим местом для того, чтобы мысли от ужаса засохли и развалились на отдельные желтые волокна. Чтобы мозг в голове раскололся на два полушария, а каждое из них еще на два, а те – снова пополам, и так до тех пор, пока не останутся крохотные кусочки серого вещества, свободно парящие в черепе, как в невесомости, ударяясь о стенки и отлетая на середину.

«Я не сойду с ума. Я не буду этого представлять».

Остров был прекрасен. Разве сходят с ума в таком прекрасном месте – месте, которое является воплощенной мечтой!

Площадь воплощенной мечты составляла на глаз всего около двух квадратных километров. Может быть, и меньше – Вика не умела вычислять площадь. На то, чтобы обойти остров по периметру, вдоль края моря, у нее уходило немного времени – пожалуй, не больше часа, если двигаться обычным шагом, не торопясь. Может быть, и меньше, но сказать наверняка она не могла – часов у нее не было.

Все, чем она могла пользоваться на острове, помещалось в двенадцати коробках и одной палатке. Коробки были под завязку набиты едой – в основном консервами, но попадались и сухие хлебцы, сушеные фрукты, яблоки. Вика нашла упаковку соленых кальмаров и долго смотрела на нее, а потом начала смеяться и только усилием воли заставила себя прекратить. Пива-то ей не оставили! Так зачем же кальмары, если нет пива?

Фонарик, теплый плед, небольшой складной ножик и еще один – обычный. Открывалка для консервов – зачем, если все они были со

специальным кольцом сверху? Зубная щетка и два тюбика пасты, крем для рук, против moskitov и против солнца... Три полотенца. Те, кто оставил ее на острове, были предусмотрительными людьми.

Середина острова заросла пальмами и кустарником, названия которого Вика не знала. У него были широкие зеленые листья, толстые и ломкие. Она пыталась пожевать кусок листа, сама не зная зачем, и обнаружила, что он горький. На острове росли и другие деревья, кроме пальм, с тонкими гнущимися ветками, усыпанными мелкими листьями так часто, что под ними не было видно и самой ветки, а иногда и ствола. К этим деревьям, которые Вика обозвала волосатыми, она старалась не подходить – среди густой листвы жили мелкие насекомые ярко-желтого цвета, похожие на многоножек, и Вика опасалась, что они ядовитые. Несколько раз, когда она пробиралась сквозь заросли с одной стороны острова (палаточной) на другую, ей встречались крупные пауки. Один был мохнатым, страшным. Вика наткнулась на него неожиданно: отводила в сторону ветку волосатого дерева, и паук размером с ладонь свалился с ветки и повис на толстой нити у нее перед глазами, быстро перебирая ногами, словно покрытыми черными заусенцами. Вика дико закричала, шарахнулась в сторону и бросилась бежать обратно. С тех пор она не углублялась в середину острова.

Да и зачем? За несколько вылазок она успела узнать самое главное – на острове не было пресной воды. Выяснив это, она перетащила канистры с водой в тень, а одну спрятала в палатке. Все равно она в ней не спала.

На ночь Вика вытаскивала спальный мешок и пристраивала его в середине между коробками, расставленными буквой П, чтобы изголовье упиралось в коробку. Так возникала какая-то иллюзия защиты, хотя защищаться было не от кого. Во всяком случае, пока.

Дело в том, что островов было два.

Второй остров был значительно больше ее собственного. Она обнаружила его на следующий день после того, как ее привезли: обходила свои владения и увидела вдалеке темную гору – небольшую, поднимающуюся из голубой воды. Поначалу она так обрадовалась, что начала дико кричать и махать руками в надежде, что ее увидят и подберут, и кричала минут пять, пока не сообразила, что на таком расстоянии увидеть ее невозможно. До второго острова было далеко – так далеко, что она даже не была уверена, покрыта ли его поверхность деревьями, или ей так только кажется.

К вечеру радость открытия сменилась страхом: Вика первый раз подумала о том, что люди на втором острове могут быть недружелюбными.

Собственно, они могли оказаться кем угодно, в том числе и теми, кто заманил ее сюда.

«Заманил». К вечеру второго дня, пройдя последовательно изумление, отчаяние, усталость, подъем и упадок сил, надежду, пробудившуюся при виде второго острова, и снова усталость, Вика твердо поняла, что она на острове потому, что так кто-то захотел. Она не могла ответить на вопрос – зачем, как ни ломала голову. Несоразмерность усилий, затраченных на то, чтобы поместить ее на остров, и значения ее самой, Виктории Сергеевны Стрежиной, референта директора небольшой компании, не укладывалась в ее голове. Зачем?! В минуту отчаяния она готова была признать, что все происходящее похоже на злую шутку Антона Липатова, советовавшего ей не мечтать о необитаемом острове, а создать свой собственный. Хотела быть одна? Пожалуйста, возьми свое одиночество, неси его, пока не надорвешься! Наслаждайся, черт возьми, ведь ты так этого хотела!

Но ей хватало здравого смысла понимать, что ее идея – из области фантастики. А других вариантов у Вики не было.

Она не знала, что ей делать. Обследовав свой остров и убедившись, что на микроскопическом клочке земли нет ничего, кроме песка и нескольких разновидностей растений, Вика попыталась просчитать ситуацию и представить, что с ней будут делать дальше. Но голова отказывалась работать. Пару раз Вика окунулась в океане, но заплывать далеко не решилась, опасаясь хищных рыб, а бултыхаться возле берега ей не нравилось. В тени пальм, обдуваемых теплым влажным ветром, она чувствовала себя куда комфортнее. Здесь, под пальмами, стояли коробки, странным образом связывавшие ее с людьми; это было напоминание о том, что она не бредит, не спит, не сходит с ума. Впрочем, происходящее вовсе не казалось ей сном – скорее какой-то чрезмерно выпуклой реальностью, в которой все было «слишком»: слишком прозрачное море, слишком теплый воздух, слишком синее небо, слишком чистый песок. Ирреальная красота, проникающая внутрь до такой степени, что хотелось закрыть глаза, заткнуть уши, не дышать – лишь бы только не впускать ее в себя.

К концу третьего дня Вика увидела человека.

Она сидела спиной к лесу – так она называла середину острова, заросшую деревьями, – облокотившись на коробки, и ждала, когда покажется лодка. Почему-то она была уверена, что будет именно лодка, а не что-нибудь иное: вертолет, например, или яхта. Последние два дня состояли из «спать», «есть» и «смотреть». Сейчас был черед «смотреть».

Она увидела его не глазами, а иным зрением, о котором принято говорить «внутреннее». Вика ощутила затылком и шеей, что из леса за ее

спиной вышел высокий человек, совершенно голый, и направляется к ней. Ощущение было таким явственным, что когда она вскочила и никого не обнаружила, то завертела головой в разные стороны, пытаясь определить, где же человек.

Вокруг никого не было.

– Голый... – растерянно проговорила Вика. – Почему же голый...

Она прошла вдоль кромки леса, напряженно вглядываясь вглубь. Пальмы покачивались над ее головой, шелестели что-то невразумительное, и ни намека не было на то, что из леса кто-то выходил.

Вика вернулась обратно и села, но спустя две секунды вскочила вновь. Ощущение, что из леса кто-то выходит, не исчезло, и сидеть к этому «кому-то» спиной ей не хотелось.

Она перетащила коробки чуть подальше и уселась лицом к зарослям. Прошло около двадцати минут, когда на воде раздался негромкий всплеск, а затем шепот, и она вскочила, судорожно вцепившись в рукоятку ножа, который предусмотрительно достала из «хозяйственной» коробки.

Никого. Никого не было на море, никто не выбегал к ней из леса, но Вике потребовалось не менее пяти минут, чтобы осознать это. А когда осознала, то наконец-то увидела реальную опасность, грозящую ей не из леса и не из океана.

Вика положила нож обратно в коробку, провела руками по лбу. На ладонях остался мокрый потный след.

– Я не сойду с ума, – сказала она. – Это всего лишь остров. Что-то случилось, кто-то решил меня разыграть. Но у него ничего не выйдет. Я не сойду с ума.

Она помотала головой, умыла лицо водой из нагревшейся банки и даже попробовала посмеяться над своими фантазиями, но смех вышел слабенький, натужный. Тогда Вика закрыла глаза и принялась вспоминать пейзажи дяди Миши – ее всегда успокаивали такие воспоминания.

«Дядя Миша... он, наверное, будет ужасно волноваться. Как далеко, господи боже ты мой».

Она заставила себя мысленно подробно рассмотреть каждый пейзаж. Вика хорошо их помнила. Пейзажи и в самом деле успокоили ее, и в голове, измученной переживаниями последних дней, прорезалась здравая мысль. «Завтра я доберусь до второго острова. Как же я сразу не догадалась? Пусть только попробуют меня остановить! Завтра я доберусь до второго острова. Там люди. Они мне помогут».

Внезапно она поняла причину своего странного сонливого состояния в вертолете и в первый день на острове.

– Сволочь! – громко сказала она, вспомнив Глеба, предлагавшего ей таблетки от укачивания. – Поганая сволочь! Зачем ты это сделал? Кто тебе заплатил за то, чтобы ты...

Ветер поднял несколько песчинок у ее ног и унес их, и, глядя им вслед, Вика замолчала. «Его здесь нет, – сказала она самой себе, стараясь быть убедительной и хладнокровной. – Не нужно с ним разговаривать, раз его здесь нет. Глупо, правда?»

Глупо. Конечно, глупо. Вика кивнула, соглашаясь сама с собой, чувствуя себя почти успокоившейся, потому что наконец-то приняла решение, которое прекратит ее бездействие – завтра же она доплывет до соседнего острова, как бы далеко он ни находился.

Она выберется отсюда.

На то, чтобы собрать информацию о молодом перспективном актере театра и кино Вениамине Рощине, у Макара ушло полтора дня. Хватило бы и одного, но две встречи пришлось перенести – собеседники Илюшина были людьми занятыми. Расспрашивая их о творческих и личных успехах и неудачах Рощина, Макар похвалил себя за то, что выбрал самый простой и незамысловатый способ из всех возможных. Он представился журналистом желтой прессы.

На встрече с представителем продажной газетенки, которая, конечно же, все переврет и добавит отсебятины, легко согласились пятеро из шести актеров, обработанных Макаром. Шестой с сожалением отказался лишь по той причине, что сейчас пребывал в Эдинбурге и не мог появиться в Москве ранее, чем через две недели. Такой срок Илюшина не устраивал, и он решил удовлетвориться пятью источниками – тем более что все они были людьми, более-менее близко общающимися с Рощиным.

Не мудрствуя лукаво, Макар сообщил по телефону каждому из них, что собирается написать большую статью о Вениамине, поэтому ему нужны рассказы осведомленных людей. Бабкин, слушая убедительную болтовню напарника, качал головой, а затем, произведя какие-то расчеты на бумажке, заявил Макару, что журналистская деятельность последнего выльется им в круглую сумму. Илюшин искренне удивился.

– Ты что же, полагаешь, они за здорово живешь станут выкладывать тайны мадридского двора? – усмехнулся Сергей. – Сообщаю тебе последние новости: люди хотят денег. Понимаешь? Ты сказал, что покупаешь информацию, им осталось только озвучить цену.

– Сообщаю тебе последние новости, – хладнокровно ответил Макар, придирчиво выбирая в шкафу самую замусоленную куртку. – Я не сказал,

что покупаю информацию. Я сказал, что хочу узнать как можно больше об актере Вениамине Рощине. Полагаю, минимум двое из тех, с кем я договорился, готовы сами мне приплатить, лишь бы я опубликовал их сведения.

Бабкин скептически покачал головой.

– Вот увидишь, – пообещал Илюшин. – Ты, Серега, ничего не понимаешь в актерской психологии.

– А ты, конечно, понимаешь, Евстигнеев нереализованный, – язвительно заметил Бабкин, глядя, как Макар облачается в задрипанную куртку и натягивает на макушку сильно растянутую вязаную шапочку.

– Я не Евстигнеев, – согласился тот. – Но я очень умный, поэтому и понимаю. Не теряй времени даром, мой скептически настроенный друг.

Он кивнул Сергею, отчего шапочка съехала ему на уши, и вышел из квартиры.

Расчет Макара оказался верным. Не то чтобы Рощина сильно не любили, но как минимум у пятерых из работавших с ним людей были свои причины на то, чтобы ославить Вениамина в желтой прессе.

– Всем все про него понятно, – рассказывал Илюшину первый собеседник – нервный мужчина с тонким шрамом на скуле, непрерывно куривший. – Смазливая мордашка, от которой, простите, девочки писают кипятком, – вот и вся формула успеха нашего Венечки. Кроме того... – мужчина понизил голос, – поговаривают еще, что Венечка очень близко общается с одним из продюсеров сериала «Отдать тебе все». Очень близко, вы меня понимаете? Но это, разумеется, только слухи, недоказанные слухи.

Он откинулся на спинку стула и с довольным видом выпустил из ноздрей голубоватый сигаретный дым.

– Хороший, хороший, очень хороший мальчик. – Маленькая высушенная женщина с заостренным бело-розовым личиком не произносила слова, а пропевала их на разные лады. – Только талантливый человек может себе позволить быть нехорошим, правда? Я вижу, вижу, вы согласны со мной. Кстати, в вашем диктофоне закончилась пленка. Нет, безусловно, есть кое-какие способности, иначе Тарасюк никогда не взял бы его – поверьте мне, уж я-то Тарасюка знаю, и отбор в его театре очень строгий... А вы знаете о его отношениях с той девочкой?... как ее... боже мой, никогда, ну вот никогда не могу запомнить имен бесцветных людей!

– Втюрился, как мы говорили раньше. – Сообщила девушка с белыми волосами «ежиком» и белыми же бровями над сине-голубыми глазами такого редкого оттенка, что Макар никак не мог разобрать: линзы у нее или

нет. – Венька у нас человек увлекающийся, для девушек он хорошая партия. И Маша Зарецкая пыталась, и Катюша Просвирина... Но Веньку, хоть это и смешно, зацепила никому не известная девица, которая о нем ничего не знала. Он, бедняжка, все на жизнь мне жаловался – правильно, мне все жалуются, я всеобщая жилетка. Стаканчик для слезок. Не смотрите так пристально, я не ношу линзы. Свой цвет, правда. Честное слово.

К середине второго дня Илюшин получил воз и маленькую тележку информации. Большую ее часть составляли сплетни, перевернутые подробности личной жизни Рощина, а также мнение знакомых Вениамина о его умственных, актерских, сексуальных и иных способностях. В сухом остатке имелось следующее.

Вениамин Рощин, двадцати семи лет, высокий голубоглазый шатен с прямым носом и по-детски припухлыми губами, был, как ни странно, неплохим актером. В театре. Девочки и вправду писали кипятком, как выразился первый собеседник Илюшина, но не только из-за смазливой физиономии актера и стройной пропорциональной фигуры, но и потому, что Веня хорошо смотрелся в трагических ролях отвергнутых любовников. На сцене он изображал страдания так убедительно, что девушкам хотелось погладить его по голове, приласкать, прижаться губами к его пухлым губам и в конце концов отдался страдальцу, лишь бы успокоить его.

Неглупый Венечка быстро сообразил, что и в реальной жизни можно пользоваться удачно найденным образом, и пошел завоевывать женские сердца. На Байрона он не тянул, а потому изображать разочарование от жизни и не пытался, понимая, что будет смешон. Но рассказать словно нехотя трагическую историю первой любви, намекнуть на безответное чувство к известной актрисе, проникновенно взглянуть, повернув красивое лицо в самом выгодном ракурсе, – все это Рощин освоил и успешно применял. Благодаря своему амплуа он попал и в сериал, где как раз имелась подходящая роль, на которую искали незасветившееся лицо.

И вот тут выяснилось, что хороший театральный актер Вениамин Рощин в кино оказался совершенно беспомощным. В сериалах Веня смотрелся истуканом с неуклюжими жестами и неестественным голосом. Он плохо двигался, он переигрывал, а чувства, изображаемые им, с большим успехом сыграла бы марионетка.

Однако привлекательная внешность Рощина и здесь помогла ему: невзыскательные зрители не придавали особого значения игре. Им нравилось смотреть на молодого красивого мальчика, который страдает от капризов очередной любимой женщины. Вениамину даже удалось сняться

в историческом сериале, где он произносил благородные фразы, бросал взгляды, полные горечи, и в конце концов был убит на дуэли. В этой роли Роцин был смехотворен и жалок, но, поскольку остальные актеры оказались не намного лучше, его неудача прошла незамеченной.

Со временем Веня самозабвенно уверовал в то, что он – талантливый актер из нового поколения, которое пришло на смену старому. И в жизни Вениамин Роцин, играющий роль одаренного актера, был очень убедителен – куда убедительнее, чем в сериальных ролях.

Впрочем, Вика Стрежина раскусила его довольно быстро. Она не любила театр.

Они познакомились в клубе, куда Вику затащила одна из ее коллег. В клубе коллега обнаружила знакомую компанию, ушла к друзьям, те повели девушек в еще одну компанию, и в конце концов Вика оказалась за столиком рядом с Вениамином, который уже собирался уходить. Их намерения совпали, и из клуба они вышли вместе. Но не разошлись по домам, а решили прогуляться по вечерней Москве. С той прогулки и начались их странные отношения – странные, потому что Роцин всегда встречался лишь с поклонницами своего таланта – с ними было легко, просто и предсказуемо. Кроме того, на них можно было оттачивать мастерство.

Но с Викой вышло иначе. Как только Веня попробовал разыграть стандартный сценарий под названием «Горечь жизни, или Трагедия актера Роцина», девушка подняла его на смех. Она даже не восприняла его попытку всерьез! От удивления и растерянности Роцин не сразу догадался перестроиться на ходу, а спустя полчаса было уже поздно: Вика видела перед собой не талантливого актера, а молодого парня, случайно затесавшегося в ряды актерской братии. И разговаривала она не с образом, который он привык эксплуатировать, а с самим Вениамином – смущенным и оттого беззащитным.

Вениамин, привыкший исполнять роль знаменитости, даже покупая рулон туалетной бумаги в супермаркете, с неожиданным удовольствием обнаружил, что быть самим собой хоть и не намного легче, чем играть, но куда приятнее. Особенно потому, что актер Роцин вызывал у Вики только насмешливое недоумение, а человек Веня Роцин ей понравился. Человек Веня Роцин, с которого быстро и довольно жестоко скинули почти присосущую маску, при ближайшем рассмотрении оказался неглупым, наблюдательным, остроумным парнем. К тому же незлым, а Вика ценила доброту в людях. Или хотя бы беззлобность.

Актер Роцин был зациклен на самом себе и улыбался каждой витрине,

отражавшей прекрасного молодого человека в черном пальто. Парень Вениамин, смеясь, показывал Вике баранки в витрине, из которых был сложен пузатый снеговичок, и она смеялась вместе с ним, потому что снеговичок и впрямь был забавный, а еще потому, что носом ему служила не морковь, а невесть откуда взявшаяся в хлебном магазине маленькая вытянутая свекла с тонким крысиным хвостиком. Актер Роцин любил японские рестораны и умно рассуждал об аутентичности истинной японской кухни и той, что предлагали в столице. Парень Вениамин рассказывал, как дома по вечерам он учился есть палочками, чтобы произвести впечатление на собеседников в ресторане. У актера Роцина были известные родители – талантливые, образованные, привившие ему вкус к прекрасному. Парень Вениамин с легкой иронией и насмешкой над самим собой вспоминал, что родители предложили ему поступать на театральное отделение, поскольку считали сына ни к чему не пригодным, кроме кривляния.

Сдержанная Вика больше слушала, чем рассказывала, но постепенно Вениамин заставил разговориться и ее, и выяснилось, что он умеет быть хорошим слушателем, что он внимателен к деталям и не ищет в рассказах собеседника лишь повода выступить самому. Его подкупала в Стрежиной искренность, правдивость и, как ни странно, полное равнодушие к тому кругу, в котором сам он вращался и без которого не представлял себе жизни. Вика не смотрела сериалы, не знала по именам знаменитых актеров, не любила ходить в кинотеатры, а лучшим фильмом считала «Собачье сердце». Если бы Вениамину Роцину описали подобную девушку, он расценил бы ее как невыносимо скучную особу, подчеркивающую собственную незаурядность весьма глупым способом. Но в том-то и дело, что ему не было скучно с Викторией, вовсе нет. С восхищавшимися им девушками, искавшими знакомства, искренне считавшими его большим талантом, было куда скучнее.

Они начали встречаться, и Вениамин открыл новое удовольствие – не ошеломлять собеседника перлами остроумия или зарисовками, заранее отрепетированными перед зеркалом вплоть до оттенка улыбки, а открывать человека для себя: постепенно, мало-помалу проникаясь его жизнью и удивляясь ей. Три месяца в их отношениях все было хорошо, пока однажды Вика не попросила сделать перерыв и некоторое время не общаться. Роцин был удивлен настолько, что даже не воспринял ее просьбу всерьез и начал настойчиво звонить, пытаться встретиться и выяснить причину охлаждения девушки. Вика возмущалась, стала разговаривать с ним все холоднее и холоднее, пока Вениамин окончательно не убедился, что ему предпочли

другого. Ему! Другого! Полный решимости узнать имя соперника, он стал подстерегать Вику у подъезда по утрам, звонить по ночам и допытываться, кого она ему предпочла. Пару раз он появлялся около офиса, где работала Стрежина, в надежде узнать что-нибудь новое о ее жизни. Однако все его усилия ничего не дали, и в конце концов Вениамин сообразил, что вместо того, чтобы следить за Викторией самому, лучше нанять профессионалов. Так он и сделал.

Однако первого же нанятого им сыщика Вика ухитрилась вычислить на второй день слежки и пришла в негодование. Человек, которому она доверяла, посягнул на самое важное в ее жизни – на возможность иметь свою тайну. Он хотел, чтобы она была как на ладони, а для Стрежиной не было ощущения отвратительнее, чем ощущение, что тебя пристально разглядывают под увеличительным стеклом и раздумывают, как использовать увиденное в своих целях. Сам того не желая, Вениамин Роцин поставил жирную точку в их отношениях.

Вика предложила ему встретиться. Она объяснила, чем была вызвана ее просьба о перерыве в отношениях. И очень спокойно сказала, что больше они никогда не будут видеться, – так спокойно, что Роцин сразу понял: она не изменит решения. Он расставался с пассиями неоднократно, и каждое расставание было чем-то похоже на предыдущее. Были девушки, пытавшиеся сохранять хладнокровие и казаться уравновешенными или даже веселыми. Вика не пыталась. Она *была* спокойной – вот что взбесило Роцина больше всего.

Он не поверил ни единому ее слову о причинах их расставания – точнее, убедил себя не верить: объяснения Стрежиной звучали бредом, обидным бредом. Она сказала, что актер в нем победил человека, и, что хуже всего, добавила: плохонький актер, актер одной роли. Что ему двадцать семь лет, а он все играет восемнадцатилетнего, и пора выходить из устаревшего, неподходящего ему образа. Что, пока он не разберется, какие его поступки продиктованы желанием актерствовать, а какие – нет, он так и будет неискренен, а для нее неискренность – качество, с которым тяжело мириться. В общем, несла полную ерунду, лишь бы уязвить, оскорбить Вениамина!

И Веня Роцин при трех свидетелях пообещал, что отомстит Стрежиной. Правда, пообещал спьяну, находясь в крайне невразумительном состоянии сразу после решающего разговора с ней, а потому никто не придавал особого значения его угрозам: подумаешь, девочка ушла – таких девочек на рупь мешок дают в любой подворотне. И приятели убедили Вениамина, что расстраиваться глупо, но, если ему так хочется –

пусть погорюет. Говорят, для игры полезно.

– Откуда ты разузнал такие подробности? – недоверчиво спросил Бабкин, когда Макар пересказал ему все, что выяснил о Рощине.

– Самые откровенные я не стал сообщать, чтобы не травмировать твою ранимую психику, – усмехнулся Макар. – За последние полтора дня у меня сложилось впечатление, что нет такой интимной вещи, которую один актер не мог бы рассказать другому. У них повышенная степень откровенности, что ли... В общем, Веня Роцин делился со многими коллегами подробностями своего романа. В деталях описывал, как они познакомились, что говорили, куда ходили...

Бабкин брезгливо поморщился:

– Трепло.

– Просто он устроен иначе. Как бы то ни было, нам с тобой предстоит с ним встретиться, и чем быстрее, тем лучше.

Поразмыслив, Макар и Сергей решили не притворяться и честно сообщить Рощину, что они – частные сыщики, нанятые для того, чтобы найти исчезнувшую Викторию Стрежину. Илюшин знал график Вениамина. По средам парень любил обедать в небольшом престижном ресторанчике в одном из переулочков неподалеку от Тверской; после обеда Макар и собирался «брать его тепленьким и сытым».

– Наша с тобой задача – притвориться дураками, – объяснял он Бабкину перед встречей. – Если Роцин замешан в Викином исчезновении, он сначала напряжется, затем расслабится. Пусть расслабляется по максимуму.

– Не учи ученого, без тебя соображу, – проворчал Сергей, выбирая не слишком поношенный свитер: выглядеть полным неудачником все же не стоило.

– Не нависай над ним... Знаю я тебя: плечи расправишь, воздуха в грудь наберешь и начнешь давить собеседника физической мощью. С Роциным так нельзя. Он у нас мальчик ранимый, самолюбивый, пусть чувствует себя комфортно.

– Тебя, что ли, подавляю? – прищурился Бабкин. – Макар, не занудствуй.

– Нет, буду занудствовать. У нас с тобой нет никаких рычагов давления на Рощина, так что придется действовать только хитростью и лаской. Осознал? Лаской! Никакой агрессии, быстрых реакций... Ты должен быть заторможенным и мягким.

– Мы его приголубим, – мрачно пообещал Сергей. – Поехали к нашему Ромео.

Толкаясь в забитом людьми метро, Бабкин косился на напарника, настоявшего на том, чтобы не брать машину, дабы не попасть в пробки, и ругался про себя. Он понимал, что опоздать к моменту, когда Роцин выйдет из кафе, нельзя, но ничего не мог с собой поделаться: метро Сергей не любил. Он с завистью посматривал на Макара, чувствовавшего себя в толпе, как рыба в воде, проворно лавирующего среди быстродвигающихся по переходу людей. Когда наконец эскалатор поднял их на станцию, Бабкин вздохнул с облегчением.

Кафе располагалось в пяти минутах ходьбы от метро. Макар с Сергеем встали под навес на той же стороне улицы, поглядывая на вычурную вывеску в двадцати метрах от них.

Вениамин Роцин отличался пунктуальностью. Ровно в четверть второго дверь кафе распахнулась, до Бабкина с Илюшиным долетел мелодичный звон колокольчика, и высокий красивый парень в черном пальто и щегольском синем шарфе спустился по ступенькам и огляделся по сторонам.

Макар направился к Роцину, Бабкин последовал за ним. Вениамин стоял, явно обдумывая, куда бы направиться. Приближаясь к нему, Сергей отметил краем глаза движущуюся параллельно с ними машину – черный «БМВ» с тонированными стеклами.

До актера оставалось пять шагов, и Роцин начал поворачиваться к детективам, еще не понимая, что эти двое идут к нему. Но улыбка на лице Макара, явно адресованная Вениамину, заставила его взглянуть на обоих пристальнее. Илюшин чуть замедлил шаг, машина обогнала его, и Бабкин увидел, как медленно и бесшумно едет вниз черное стекло, а за ним в глубине такого же черного салона, в котором еле угадывался силуэт человека, поблескивает что-то маленькое, напоминающее солнечного зайчика.

То же самое увидел и Макар. Он даже не успел внутренне собраться и только ощутил быстро нарастающий холод под сердцем, как будто его ткнули сосулькой. Видимо, лицо его изменилось, потому что в глазах Вениамина отразились удивление и растерянность. Дальнейшее произошло очень быстро.

Из салона машины раздалось негромкое жужжание, закончившееся щелчком, и в ту же секунду Илюшин почувствовал, что его с силой толкнуло сзади что-то огромное и повалило на тротуар. Падая, он сбил

Рощина, в глазах которого удивление сменилось испугом, провез ладонью по асфальту, ободрав ее в кровь, и больно ударился плечом. Над ним раздался негромкий вскрик, и, уже придавленный к асфальту всем весом Бабкина так, что даже головы не мог повернуть, Макар заметил высунувшуюся из окна притормозившей машины девочку с фотокамерой в руках, поспешно отщелкивающую один кадр за другим. Девочка изумленно взглянула на него, что-то сказала, обернувшись в глубь салона, и машина, стремительно набрав скорость, исчезла в конце переулка.

Макар выдохнул и попытался выбраться из-под Сергея. Ободранная ладонь болела сильнее, чем ушибленное плечо.

– Не возись, – услышал он раздраженный бас над ухом. – Ты мне ногу придавил.

Бабкин встал и помог подняться Макару. За ними встал и Вениамин Рощин, вид у которого был такой, что Илюшин чуть не фыркнул, хотя положение было отнюдь не смешное.

– Что... это... было? – выдавил актер, ошеломленно моргая, словно сова, которую вытащили из дупла.

– Кафе пользуется успехом, – объяснил Макар, достав платок и прижав его к окровавленной ладони. – Его фотографируют гости столицы.

– Я решил, что меня хотят убить, – проговорил Рощин без выражения и сел на нижнюю ступеньку у крыльца, теребя в пальцах край щегольского шарфа.

– Мы тоже так думали, – проворчал Бабкин, пытаясь стряхнуть с джинсов грязь и кусочки листьев. «Только не были уверены, что именно вас», – прибавил он про себя.

Илюшин пристально взглянул на напарника, вспомнил разговор перед выходом из дома и отчетливо понял, что если бы из машины и в самом деле собирались стрелять, то реакция Бабкина спасла бы ему жизнь. «Я даже подумать не успел, что нужно пригнуться. А он нас повалил и закрыл собой».

– Серега, – позвал Макар и сам удивился тому, что голос звучит глуховато. – Слышишь, Серега?

– Слышу, слышу. Черт, похоже, джинсы порвал.

– Серега...

Бабкин наконец взглянул на Макара и удивился выражению его лица. И еще тому, что Илюшин не находит, что сказать. Они молча смотрели друг на друга, пока Макар пытался лаконично и сдержанно сформулировать, что он был не прав утром, что он просит у Бабкина прощения за все высказанное им когда-либо превосходство и что он просит прощать его и

впредь.

– Мужики, что случилось-то? – жалобно протянул Рощин, нарушив их молчание. – Кто вы такие вообще, а?

– Мы – частные детективы, – сказал Макар с совершенно иной интонацией, обернувшись к нему. – Ищем Вику Стрежину, вашу бывшую подругу.

Бабкин подошел поближе и навис над Вениамином, по-прежнему нервно теребящим шарф.

– Между прочим, на пустом месте, – веско проговорил Сергей в пространство над Вениаминовой головой, – людям не кажется, что их хотят застрелить.

Веня дернулся.

– Где она? – жестко спросил Макар. – Куда вы ее отправили? Отвечайте, быстро!

Глава 7

Виктория Стрежина. Остров

Подготавливать было нечего, но Вика все равно составила коробки плотнее, проверила, застегнута ли «молния» на входе в палатку, и обошла кругом свой лагерь, как она привыкла его называть. У нее мелькнула мысль, что нужно налить в маленькую бутылочку питьевой воды, привязать ее к поясу и плыть с бутылкой, но, подумав, Вика отказалась от своей затеи.

– Надеюсь, на весь путь у меня уйдет не больше двух часов, – сказала она, обращаясь к коробкам. – Можно обойтись два часа без воды, правда?

Вика повязала на голову свой собственный топик, сняла шорты, чтобы не мешали плыть, и пошла к воде. Солнце начало припекать, и она опасалась солнечного удара.

В воздухе сегодня пахло отчего-то не морем, как обычно, а смолой. На секунду у Вики возникла жутковатая мысль, что начался пожар и она сгорит на острове, не успев выбраться с него, но она рассмеялась над собой: разве не собирается она уплыть отсюда туда, где ей помогут? И разве стоит бояться пожара, когда тебя окружают километры океана?

Спустя короткое время она стояла по колено в прозрачной воде, пристально вглядываясь туда, где второй остров поднимался из океана. Вика так и не могла разобрать, синий он или все-таки зеленый.

– Доплыву, а там будет видно, – подбодрила она себя. – Наверное, зеленый.

Оценить расстояние Вика не смогла и потому лишь пробежалась взглядом по поверхности воды, намечая путь, по которому предстояло плыть. Попытка была смешна, Вика и сама это понимала. Но от того, что она словно пунктиром проложила дорожку в волнах, ей стало спокойнее.

Внезапно взгляд ее выхватил крошечный белый островок на поверхности воды, которого она раньше не замечала, в нескольких метрах от него другой, чуть подальше – третий... Зайдя поглубже в воду и прищурившись, Вика разглядела, что целая цепь холмиков опоясывает остров по окружности примерно в ста метрах от нее.

– Интересно, интересно... – проговорила девушка вполголоса. – Пожалуй, пора!

Она глубоко втянула в себя воздух, но не бросилась плыть, а сделала

несколько шагов, заходя все дальше и дальше. Дно здесь понижалось постепенно, и Вика осмелела, хотя немного побаивалась океана, и пошла увереннее, раздвигая руками голубую воду. Волны не спеша накатывали на нее, поднимаясь все выше. Когда очередная волна толкнула ее в грудь, девушка легла на воду и поплыла.

Плыть было легко и приятно, хотя ее не оставляла мысль о том, как она будет смывать с себя соль. Попробовав спустя несколько минут встать, Вика с удивлением обнаружила, что может по-прежнему идти по дну – здесь было почти так же неглубоко, как и там, откуда она начала плыть. Вика обернулась на остров – он оказался неожиданно близко, словно она и не плыла вовсе. Присмотрелась к маленьким белым островкам, которые теперь были совсем недалеко, и ей показалось, что они похожи на камни.

– Может быть, скалы? – вслух подумала она.

И вдруг провалилась в яму.

Дно резко ушло вниз, Вика окунулась с головой, и в глазах сразу же защипало. Она чуть не глотнула воды, но вовремя вынырнула и забарахталась на поверхности, переводя дыхание. Дно, просматривавшееся сквозь прозрачную зеленую воду, то темнело, то светлело, и девушка поняла, что темные участки – ямы, в одну из которых она и провалилась. Над ближней ямой прямо под ней держалась стая серебристых рыбок, блестящих, как стеклянные; над следующей покачивался небольшой, почти квадратный силуэт, на одной стороне которого Вика явственно разглядела короткие наросты, разветвленные на концах. Ей стало не по себе, и она сделала несколько сильных гребков, чтобы отплыть подальше. Но ямы шли одна за другой, становясь все темнее и больше. В каждой из них что-то шевелилось, но Вика перестала присматриваться: белые островки были уже недалеко. Несколько сильных гребков – и девушка подплыла к первому.

К ее изумлению, островок и в самом деле оказался чем-то вроде скалы: пористый белый камень вырастал из моря. Он был куда больше, чем казалось ей с острова – около метра с небольшим в поперечнике. Поверхность его была ровная, обкатанная волнами, и Вика влезла на теплый камень и уселась, свесив ноги в воду, с удивлением разглядывая остальные островки. Ближний находился не более чем в двадцати метрах от нее, следующий – куда дальше, а третий примыкал к нему почти вплотную. Осененная внезапной догадкой, Вика наклонилась над водой и принялась вглядываться, но так и не смогла понять, песчаное под ней дно или же такое же, как и скала, на которой она сидела. Вика была уверена, что не песчаное, но проверить не стала. Пора было плыть дальше.

Она ободряюще кивнула самой себе, но перед тем, как спрыгнуть с камня, сама не зная зачем, заглянула в толщу воды под собой.

Две струящиеся тени стремительно приближались к камню – длинные, гибкие змеи, каждая толщиной со ствол дерева, как показалось Вике. Девушка вскрикнула, резко выдернула ноги из воды, чуть не свалившись спиной в воду, и лишь каким-то чудом удержалась на своем островке. Расширенными от ужаса глазами она смотрела, как змеи мягко оплывают вокруг камня, словно обвивают его – серые, с темно-синими и сиреневыми пятнами. На спине у каждой колыхался пятнистый гребешок; страшные заостренные морды с маленькими глазками были бы похожи на морды ящериц, если бы не их выражение. Вике всегда казалось, что ящерицы улыбаются. У этих же тварей с застывшими змеиными глазами пасть словно разрезала морду пополам, и в жутковатой щели у одной из них виднелись короткие острые зубы, изогнутые назад.

Затаив дыхание от отвращения и страха, Вика вцепилась руками в поверхность, моля бога о том, чтобы не соскользнуть. Одна из змей замерла в том месте, где несколько секунд назад были Викины ноги, и девушке показалось, что страшная тварь принюхивается. «Не смей паниковать, – приказала она себе, сцепив зубы. – Просто сиди неподвижно, и они скоро уплывут».

Змея повернулась к ней, словно услышав ее мысли, и Вика чуть не закричала. В метре от нее из воды смотрела мурена, то приоткрывая, то закрывая пасть.

Сейчас Вика видела, что мурены далеко не такие огромные, как ей показалось сначала, но это было неважно. Она читала о муренах, а если бы и не читала, ей хватило бы одного взгляда на их тупые морды с неживыми желтыми глазами, чтобы понять: спускаться в воду нельзя.

Она не знала, сколько прошло времени, прежде чем мурены стали постепенно отдаляться от камня, грациозно извиваясь в воде. Но солнце пекло так, что казалось, Викина самодельная панاما присохла к волосам, и с нее вот-вот начнут падать соляные хлопья. Пересохло во рту, невыносимо хотелось пить. В тот самый момент, когда девушка наконец решилась осторожно опустить ноги в воду, невдалеке появился еще один длинный силуэт, и другая мурена проплыла в нескольких метрах от Вики.

Девушка понимала, что дольше сидеть на камне нельзя – она потеряет сознание и упадет. Но и плыть, зная, что в воде рядом с тобой бесшумно скользят мурены, она не могла. С нарастающим отчаянием Вика всматривалась в свой остров, казавшийся таким близким, таким безопасным, и не могла заставить себя плыть к нему. На острове кивали

огромными листьями пальмы, словно маня под свою прохладу, и Вика ощутила, что в глазах начинает темнеть. На долю секунды океан перед ее глазами сменился полной темнотой, и из темноты на нее выплыло, как маска, лицо Антона Липатова – почему-то с закрытыми глазами и плотно сжатыми губами. Антон открыл глаза – серо-голубые глаза, Вике очень нравился их цвет, закрыл, и маска исчезла. Перед Викой снова был океан. И остров в ста метрах от нее.

Девушка резко распрямилась и замерла, балансируя на носках. Взмахнула руками, коротко вскрикнула и прыгнула в воду.

Спустя минуту она уже еле плыла, потому что сразу задала невозможный для себя темп. От страха силы не прибавлялись, а убывали, и вода казалась упругой и сопротивляющейся каждому ее движению. Вика боялась взглянуть вниз, потому что знала: при виде длинной пятнистой тени силы оставят ее совсем.

Один раз ей почудилось, будто скользкое тело коснулось ее бедра, и она закричала так, что в горло хлынула горькая вода. Вика нырнула в воду, нащупала ногами дно и, оттолкнувшись от него, вылетела на поверхность, ожидая, что в следующую секунду в ногу ей вцепятся хищные изогнутые челюсти. Задышавшись и кашляя, она большими прыжками начала приближаться к берегу, помогая себе руками и все равно ощущая, как замедленно ее движение. И лишь когда вода стала доходить ей до колен, через два шага – до щиколоток, а затем и вовсе осталась позади, Вика оглянулась.

Океан был тихим и безмятежным. Только две стайки крошечных красных рыбок озабоченно сновали туда-сюда возле рассеивающегося в воде песка, поднятого девушкой.

Вика медленно стащила с головы топик, бретельки которого, связанные узлом на затылке, запутались в волосах так, что ей пришлось вырвать целую прядь. Ноги дрожали, и она села на песок, руками прижав колени к себе. Потом отбросила в сторону ненужную теперь тряпку, отвела с лица прилипшие мокрые пряди, быстро дубеющие на солнце и ветру, и стала тихонько раскачиваться из стороны в сторону, глядя на очертания далекого острова – острова, путь на который был ей закрыт.

Страх пришел ночью. Вика, от усталости и горя уснувшая еще до захода солнца, проснулась оттого, что ей приснился кошмар. В кошмаре из моря, извиваясь, выползали мурены, оставляя за собой темный склизкий след. Они ползли медленно, сталкиваясь друг с другом, как слепые, и Вика, присмотревшись, поняла, что глаза у них выколоты, а из пустых глазниц

вытекает та же слизь, что оставалась за ними на песке. И вдруг во сне почувствовала, что тот, кто проделал такое с муренами, находится рядом, на острове. И сделает то же самое и с ней.

Вика дернулась, проснулась и резко села, ощущая, как пот стекает по лбу. Ей показалось, что ветер пахнет иначе, чем обычно; встав, она прошла несколько шагов по берегу, пригнувшись. И остановилась, прижав руки к губам.

Черная фигура, покачиваясь, выходила из леса. Контуры фигуры были четкими, но там, где заканчивалась шея и начиналась голова, контуры расплывались, словно голова была в воде. Человек приближался, идя ровно по тени, отбрасываемой под луной одной из пальм.

Вику пригвоздило к месту. Онемев от ужаса, она смотрела на подходившего к ней человека, понимая, что голову ему отъели мурены, и пытаюсь понять, как же он идет – без головы... Как только она подумала об этом, фигура замерла, покачнувшись и повалилась вперед, как бревно. В ту же секунду в двадцати шагах от нее из леса появилась другая. Еще дальше – третья. Затем – четвертая, пятая, шестая...

Они сползались к Вике со всех сторон: у некоторых не хватало рук, одна была объедена сбоку и шла, пошатываясь, то и дело теряя равновесие. Вика не могла закрыть глаза, не могла вдохнуть воздух, наполненный запахом разложения. Сзади раздался шорох, но она не стала оборачиваться, поскольку знала: мурены выползали из моря. Они объедают и ее: сначала правую руку, потом – левую, затем перекусят шею и лишь под конец примутся за голову.

Фигуры все шли и шли к Вике из леса, падая, не доходя до нее всего нескольких шагов. Она разглядела, что некоторые из них улыбаются, но жуткими улыбками мурен, и зубы их растут, изгибаясь внутрь. Кто-то ласково и осторожно прихватил ее за тонкую щиколотку, но Вика даже не пошевелилась. Бесполезно. Она лишь бросила взгляд вниз, ожидая увидеть длинное пятнистое тело, но вместо мурены увидела голову – безглазую голову без тела, впившуюся зубами ей в ногу. Из ошметков того, что когда-то было шеей, вытекала желтоватая слизь. Вика закричала от омерзения и проснулась.

Один из ящичков, служивших ограждением ее спального места, упал, прижав ей ногу. Дрожащими руками Вика поставила его ровно, убедилась, что он не упадет, и глубоко вдохнула и выдохнула несколько раз. «Сон во сне... Господи, это просто сон во сне... Как страшно...»

Она не выдержала и тихонько заплакала, утирая слезы рукой, перепачканной в песке. Господи, как жутко. Как хорошо, что это всего

лишь кошмар.

В лесу за ее спиной раздалось шуршание, Вика резко обернулась и вскочила. Одна из теней под пальмой начала сгущаться, и спустя минуту уже можно было различить вполне отчетливые контуры человеческого тела, у которого не было головы. Девушка пронзительно закричала и бросилась бежать прочь, не оглядываясь.

Макар, Сергей и Вениамин Роцин сидели в том самом кафе, из которого Веня вышел десять минут назад. Илюшин, первоначальный план которого сорвался, решил ковать железо, пока горячо, и вцепился в Роцина как клещ. Его натиск в сочетании с пережитым актером испугом сделали свое дело: если Веня и собирался что-то скрыть, противостоять моральному давлению противника он оказался не в силах.

– Я не знаю, где Вика, – повторял он, не глядя на двоих, сидящих напротив него. – Мы давно не общаемся, очень давно. Говорю вам, я понятия не имел, что она куда-то улетела.

Лицо у парня стало обиженным, а нижняя губа слегка выпятилась вперед, как у ребенка, собирающегося заплакать. «А уши-то у него и впрямь обвислые, – Илюшин внезапно вспомнил описание Михаила Каморкина. – Удивительно, до чего старик точно подметил. Недаром талантливый фотограф».

Веня Роцин производил впечатление красавчика только в первые секунды общения. Затем, приглядевшись, Макар отметил и круги под глазами, и чуть обвисшие щеки, и опущенные уголки рта, что вкупе с припухлостью губ создавало странное, противоречивое впечатление. «Не тянет на двадцать семь лет, или сколько ему там. Максимум – на двадцать четыре».

Задав первые вопросы и выслушав ответы Роцина, которому и в голову не пришло сопротивляться, Макар отстроился и отключил звук. Теперь Вениамина расспрашивал Сергей, а Илюшин контролировал мимику актера. У него сложилось двойственное впечатление: с одной стороны, Веня чувствовал себя не в своей тарелке, с другой – даже не пытался уйти, хотя ничто не держало его в кафе, в котором он пообедал двадцать минут назад. И колебания отражались на его лице, на чуть дерганных движениях, которые Роцин по привычке пытался сделать плавными и вальяжными, на манере теревить ручку чашки, из которой он не отпил ни глотка. «Пожалуй, не врет, – решил Макар не очень уверенно. – Но чего-то не договаривает. Впрочем, все зависит от того, насколько он хороший актер. Полагаю, все-таки не гениальный, чтобы так отслеживать

собственные движения».

– Вы угрожали ей, – бросил он реплику, улучив паузу в диалоге.

Рощин замялся и отпил наконец из своей чашки.

– Я не угрожал, – покачал он головой. – Я ругался, правда, но не угрожал. А вы не ругались бы на моем месте, если бы ваша девушка бросила вас без всякого объяснения?

– Объяснение имелось, – возразил Макар: сейчас ему было неважно, что говорить, лишь бы разговорить Рощина.

– Бросьте, какие там объяснения, – с горечью отмахнулся Вениамин. – Вика придумала отмазку, чтобы я чувствовал себя виноватым. Ну конечно, раз я актер, значит, играю в страсть! Убедительно, нечего сказать!

Он поднес пальцы к вискам и на пару секунд замер, прикрыв глаза.

– Не подходит, – заметил Илюшин.

– Что? Что, простите?

– Ваша поза не подходит к ситуации, – Макар был невозмутим и насмешлив. – Не говоря о том, что такой жест более характерен для женщин и вы при этом выглядите несколько нелепо.

Он нарочито медленным жестом поднес пальцы к вискам и закрыл глаза, передразнивая манеру Рощина. Бабкин усмехнулся.

– Идите к черту!

По щекам Вениамина разлилась краска. Сергею показалось, что парень сейчас встанет и уйдет, но, поколебавшись, Рощин рассмеялся, и Бабкин готов был поклясться, что смех его искренен.

– Прошу прощения, – с раскаявшимся видом произнес Вениамин. – Некоторые привычки, те, что я прочно усвоил в общении с прекрасным полом, вылезают в самый неподходящий момент.

Он открыто улыбнулся, и Макар оценил, как быстро парень взял себя в руки.

– Кто мог желать вашей смерти? – поинтересовался Илюшин, не давая Рощину времени сориентироваться.

– Супруг моей любовницы, – не задумываясь, ответил тот. – Южный человек, горячая кровь! – Вениамин убедительно изобразил акцент. – Я-то ждал, что он после спектакля захочет выяснить отношения кулаками, но, когда увидел машину, мне не по себе стало: мало ли что дурак придумал!

Он картинно провел рукой по лбу, стирая несуществующий пот, и снова лукаво улыбнулся, глядя на них и словно признаваясь: «Ну да, я такой: не могу удержаться от избитых жестов и привычных банальностей».

И Бабкин вдруг понял, отчего Вениамин Рощин не отказался разговаривать с ними, несмотря на провокации Макара. «Тебе нужны

зрители, мальчик. Тебе недостает людского внимания к собственной персоне. Любой повод годится, чтобы привлечь его, – например, непонятная история с твоей бывшей подружкой».

– Он ни при чем, – нехотя поделился своей мыслью Бабкин, когда они с Илюшиным возвращались домой в такси: Макар, к удивлению Сергея, не потащил его к метро, а поймал машину.

– Ни при чем, конечно. Был бы «при чем», инстинкт самосохранения не позволил бы ему разливаться перед нами соловьем. Он же не лишен интеллекта, да и вообще неглупый парнишка. Разве что...

Макар не договорил, но Сергей догадался, что имел в виду напарник: Рошин мог оказаться куда более способным актером, чем они предполагали. Тогда бы он полностью переиграл их.

– Пока все данные говорят против, – осторожно напомнил он.

– И мои ощущения тоже, – кивнул Илюшин. – Он играет, но на уровне павлина, распускающего перья. Ему все равно, кто будет им любоваться. Логика простая: раз играет – значит, чувствует себя в безопасности, а раз чувствует себя в безопасности – то он не тот, кто нам нужен.

Сидя в примерке, Вениамин разглядывал свое лицо в зеркале и вспоминал, не допустил ли он промахов.

«Все в порядке, кажется. Только один раз лоханулся, но вроде бы это прошло гладко, не заметили. „Супруг любовницы!“ Никогда не слышал, чтобы неженатые мужики называли своих девиц любовницами. Прокол, прокол... надо запомнить, чтобы больше не повторять».

Веня вспомнил одного из тех, кто расспрашивал его в кафе, – высокого, плотно сбитого, коротко стриженного, с ладонями-лопатами. Он слегка набылчился, копируя манеру мужика, чуть приподнял плечи и выпятил подбородок. Взглянул в зеркало и расхохотался – получилось комично и весьма похоже.

– Что случится с человеком, который окажется в полном одиночестве? – Сергей не спрашивал, а рассуждал вслух. – Не в иллюзорном одиночестве квартиры, когда стоит тебе подойти к окну, и ты увидишь людей, а в настоящем одиночестве?

Он сам подошел к окну и посмотрел вниз – на детской площадке гуляли малыши с мамами, и отчаянный скрип качелей доносился даже до двенадцатого этажа.

– Такие случаи в литературе описывались неоднократно, – голосом

старательного ученика отозвался Макар, одновременно подписывая в блокноте маленьких человечков, которых он нарисовал пять минут назад, и испещряя листок понятными лишь ему закорючками. – Не будем углубляться в неизвестные тебе дебри, упомянем лишь трудолюбивого Робинзона Крузо. Надеюсь, о нем ты читал?

– А если мы возьмем не гипотетического религиозного англичанина с устойчивой нервной системой, а современную молодую девушку? Верующую? Пожалуй, нет. Флегматичную? Тоже нет. Стрессоустойчивую? Только в той мере, в какой это нужно в современной фирме, то есть, по большому счету, тоже нет. Понимаешь, все ее навыки и приобретенные способности окажутся никуда не годными.

Макар отвлекся от схемы, удивленный тоном напарника, и испытующе посмотрел на него.

– Необитаемый остров... – проговорил Бабкин, глядя на схему Илюшина невидящими глазами. – Красивая мечта, очень. Знаешь, Макар, я никогда не хотел быть космонавтом. Ты только представь: абсолютное одиночество!

– Не абсолютное, – возразил Илюшин. – Есть связь с людьми.

– Да, пожалуй. Пожалуй...

Бабкин замолчал, и Макар вернулся к своим человечкам. Проведя пару линий, он с раздражением отодвинул блокнот в сторону и обернулся к Сергею.

– И к чему ты хочешь подвести? – поинтересовался он. – К вопросу, что сейчас происходит со Стрежиной? Этого ни ты, ни я знать не можем. Если наши умозрительные, ничем не подтвержденные построения справедливы, то сидит она на краю Тихого океана, под пальмой, и рыдает, глядя вдаль, на горизонт. А может, не рыдает, а поедает бананы и папайю. Или, чего тоже нельзя исключать, – продолжал он, распаяясь неожиданно для самого себя, – предается страсти в объятиях смуглого меланезийца! Почему бы и нет, а? Воплощенный рай, черт его возьми!

Макар замолчал и захлопнул блокнот с надоевшей бестолковой схемой, в которую ничего не вписывалось.

– Очень страшно ей, наверное, – тихо проговорил Бабкин в пространство комнаты. – Даже мне было бы страшно, а ведь я здоровый мужик, Макар. И посидеть одному пару недель на островке без людей не кажется мне чем-то невыносимым. Не война же, в конце концов.

– Ты зануда, а не здоровый мужик, а роль зануды у нас исполняю я. Да, наверное, ей страшно. Допустим. Ты прав – молодая женщина, не сталкивалась с серьезными испытаниями, не считая собственной семейки,

из цепких объятий которой она благополучно выбралась. И что? Посидит, побоится, потом мы ее найдем или кто-нибудь другой найдет. Если она не сойдет с ума раньше, – безнадежно закончил он, потому что все, что говорил Сергей, было лишь озвучиванием его собственных мыслей.

Бабкин бросил на него молниеносный взгляд.

– С чего бы ей сходить с ума?

– А... – Илюшин махнул рукой и взъерошил светлые волосы. – Сам все знаешь. От страха, от одиночества. При развитом воображении очень быстро начнет галлюцинировать. При неразвитом... В общем, для Вики Стрежиной будет лучше, если у нее неразвитое воображение. «В самом идеальном случае, – добавил он про себя. – Мы же не знаем, что в действительности происходит на острове. Может быть, Стрежина там не одна...» Серега, не занимайся пустыми рассуждениями.

– Они не совсем пустые, – неуверенно сказал Бабкин, и Макар насторожился. – Я тут кое-что вспомнил...

– Выкладывай.

– Как-то я прочел в одном журнале пару рассказов. Давно. О том, как несколько весьма состоятельных и безнравственных типов образовали нечто вроде клуба... и ставили дикие эксперименты... Например, вырастили мальчишку, никогда не видевшего солнца...

– Стоп! – Илюшин хлопнул ладонью по столу, словно ловя кого-то. Несколько секунд он молчал, потом прикрыл глаза и размеренно заговорил: – «Страшное употребление, которое дал своим бесчисленным богатствам Авель Хоггей, долго еще будет жить в памяти тех, кто знал этого человека без сердца». За точность не ручаюсь, но смысл передан верно. Как умрет Авель Хоггей?

– Как? – переспросил слегка ошеломленный Бабкин.

– Будет убит одним из гладиаторов, участником его очередного эксперимента. Гладиаторы должны были сразиться друг с другом, но вместо этого бросились на гостей, которые предвкушали веселое развлечение. «Из зрителей уцелело лишь трое». Никогда не знал, сколько зрителей было вначале, но вот это «уцелело лишь трое» всегда меня впечатляло. Александр Грин, сборник «Сердце пустыни», если я не ошибаюсь. Серега, ты молодец!

Макар вскочил и прошелся по комнате до напарника и обратно.

– Я подумал, – начал тот, – что если Роцин не подходит на роль карающего ангела возмездия...

– То вовсе не обязательно, что именно такая роль исполнялась тем, кто заманил Стрежину на остров, – закончил Илюшин. – Если допустить,

только допустить, что кто-то решил поставить занимательный эксперимент... скажем, посмотреть на поведение человека в идеальной камере одиночного заключения...

– И этот «кто-то» нашел подходящий объект для опыта, – подхватил Бабкин. – Объект, который сам мечтает о том, чтобы попасть в лабораторию...

– Или наоборот: сначала экспериментатор узнал о мечте девушки, а потом задумал ее использовать, – неважно, так или иначе, он привез девушку на остров, оставил там, и теперь...

– Теперь должен наблюдать за ней.

– Точно. Но можно ли установить камеры так, чтобы Стрежина их не увидела?

– Запросто, – уверенно ответил Сергей. – При возможностях современной-то техники... Камеры могут даже в море лежать, и Стрежина никогда не заметит их!

– Значит, камеры....

Макар остановился, схватил блокнот со стола и пролистал его.

– Тогда можно предположить, если фантазировать и дальше, что есть группа людей – богатых, пресыщенных жизнью и банальными развлечениями, – которые задумывают... скажем, пари. Как самый простой вариант – сколько времени продержится девушка в определенных условиях, прежде чем погибнет или сойдет с ума. Они знакомы со Стрежиной, и она, допустим, подходит им по многим параметрам: у нее нет влиятельных родственников, способных устроить большую бучу из-за исчезновения девушки, и она очень скрытна, а потому можно не опасаться преждевременного разглашения тайны. Но если найдется человек, который попытается поднять шум, то его быстро и легко уберут с дороги, как сделали это с Антоном Липатовым. Но из всех людей, которые знакомы со Стрежиной, под наше описание подходит только...

Он провел пальцем по линии, ведущей от человечка в подобии юбочки, небрежно нарисованного посередине листа, и остановился на квадрате, под которым было подписано: «Юго-запад». От квадрата шла корявая черточка, обрывавшаяся возле чего-то, слабо напоминавшего кусты. Кусты обозначались словом «Артемида», а слева был пририсован хвостик с двумя закорючками, в котором один лишь Макар смог бы опознать ружье.

– Пейнт-клуб, – медленно выговорил он.

Бабкин подошел к столу и сосредоточенно уставился на закорючки. В Интернете они с Макаром нашли много информации о фирме «Юго-запад».

Фирма была маленькой, но весьма богатой. Ей принадлежал небольшой старинный особнячок в центре Москвы, а глава «Юго-запада» входил в сотню самых состоятельных жителей столицы – разумеется, в неофициальном списке. В подземном гараже особнячка стояли машины – вернее было бы назвать их автомобилями, потому что именно это слово предпочитал Аслан Коцба, – около десятка раритетных «экипажей», которые их владелец использовал крайне редко. Но самым интересным для Илюшина и Бабкина оказалось другое: в каком-то блоге неизвестный автор упоминал, что вся верхушка компании проводит досуг в закрытом пейнт-клубе «Артемиды». По субботам Аслана Коцбу можно встретить только там, как и двух его заместителей. Сергей помнил об этом, но не сразу смог совместить корявый рисунок Макара и имеющуюся информацию.

Илюшин открыл файл, и на мониторе появилась фотография директора топливно-энергетической компании «Юго-запад». Аслан Коцба, снятый крупным планом на какой-то благотворительной акции вместе со своей молодой супругой, был коренаст, темноволос и напомнил Макару филина, виденного им однажды в зоопарке.

– Во рожу отъел, – сказал Бабкин, заглянув через плечо напарника. – Директор? Морда какая-то хищная. А жена ничего, красотка.

– Каморкин предполагал, что его племянница имела какие-то отношения с шефом, помимо рабочих, – начал перечислять Макар. – Верхушка «Юго-запада» – состоятельные люди. Тебе не кажется, что сейчас самое время навести о них серьезные справки, а не собирать информационный хлам в Паутине? Можешь не отвечать, вопрос риторический. Особенно меня интересует пейнт-клуб.

– Я пойду чаю заварю, – пробормотал Сергей, направляясь на кухню. – А потом позвоню одному парнишке, с которым мы вместе работали. Сдается мне, он может кое-что толковое подсказать по «Артемиде». – Кстати, – вспомнил он в дверях, – чем закончился рассказ про мальчика? По-моему, там оптимистичная концовка, да? Экспериментатор и его приспешники ожидали, что парнишка умрет от отчаяния ночью, когда решит, что солнце больше никогда не взойдет. Но он дождался до рассвета, увидел солнце и понял, что его обманули. Правильно?

– Правильно, – с секундной заминкой подтвердил Макар. – Серега, завари и мне чай, пожалуйста.

Когда из кухни раздался шум чайника, Илюшин сел за стол и дорисовал в блокноте в верхнем углу страницы маленький кружок солнца с лучиками-палочками. У него была редкостная память, и ему не пришлось напрягать ее, чтобы вспомнить последние строки рассказа Грина

«Пропавшее солнце». Два голоса зазвучали в его голове: детский, чуть дрожащий, и мрачный скрипучий голос взрослого человека.

– Я должен еще стоять или идти? – храбро спросил мальчик, которого Макар представлял похожим на худую пучеглазую рыбешку.

– Выгнать его, – ответил скрипучий голос. – Я вижу, что затея не удалась. Фергюсон, ликвидируйте этот материал. И уберите остатки прочь.

Когда Бабкин вернулся с двумя чашками, Макар хмуро заштриховывал солнце, отчего оно становилось похожим на тюремную решетку.

Глава 8

На выяснение подноготной пейнт-клуба «Артемиды» у Бабкина ушел вечер и две бутылки коллекционного коньяка из запаса Макара, подаренного тому благодарными клиентами. Илюшин, совершенно равнодушный к коньяку, а всем спиртным напиткам предпочитавший текилу, отдал коньяк без боя, лишь выразив легкое недоумение.

– Зачем тебе две бутылки? Твой приятель не упьется?

– Не жадничай, – кратко ответил Бабкин, аккуратно устанавливая бутылки в портфель. – Радуйся, что пойдут на пользу дела.

– Ну-ну... – неопределенно выразился Илюшин, в действительности ни капли не сомневавшийся в том, что напарник вернется с информацией: со времен работы оперативником у Бабкина сохранились связи и знакомства, позволявшие выуживать самые неожиданные и, казалось бы, недоступные сведения.

У самого Илюшина такого опыта никогда не было, а связи с бывшими клиентами в данном случае ничем помочь не могли. Или почти ничем, но Макар подобную возможность оставлял на крайний случай. То, что обошлось бы Бабкину в две бутылки коньяка, самому Илюшину могло стоить значительно дороже – Макар очень не любил быть обязанным.

На следующее утро, в субботу, слегка опухший после встречи с бывшим коллегой Сергей рассказывал Макару все, что узнал об «Артемиде» и ее клиентах.

Пейнт-клуб располагался неподалеку от Волоколамского шоссе и был совершенно закрытой структурой: даже разузнать о порядке вступления в него Бабкин не смог. Клуб насчитывал всего около сорока членов, для посещений каждому из них были выделены определенные дни недели: Илюшин с Бабкиным уже знали, что Аслан Коцба предпочитал субботу. Вместо того, чтобы проводить выходной с женой и тремя разновозрастными ребятами, глава «Юго-запада» еженедельно неукоснительно отправлялся в клуб. Сведения о том, что его сопровождают два заместителя, не подтвердились: Аслан приезжал и уезжал один.

– Фишка в том, что чуваки собираются впятером, – рассказывал Бабкин, потирая покрасневшие глаза.

– Откуда взялись остальные четверо?

– Некоторые утверждают, что они – друзья Аслана, но на самом деле, как я выяснил, их ничего не объединяет, кроме встреч в пейнт-клубе. А

также то, что все являются директорами вполне успешных контор – я бы сказал, очень успешных. Перечислить, каких?

– Пока не стоит. Давай дальше.

– Все – относительно молодые мужики, от тридцати пяти до сорока двух лет. Наш Аслан средний в компании – ему тридцать девять. Они приезжают в клуб утром и уезжают ближе к вечеру.

– Обстреляться можно, – пробормотал Макар себе под нос. – Что можно делать в клубе целый день?

– У «Артемиды» своя служба безопасности, как ты понимаешь, – продолжал Сергей. – И самое интересное заключается в том, что никто не знает, чем наша дружная пятерка там занимается.

– Так не бывает.

– Бывает. Сплетни ходят самые разные, но достоверных фактов нет. Вся обслуга молчит, как рыба, – думаю, не столько из-за денег, сколько из-за элементарного опасения за свою шкуру. Подожди, я тебе самого интересного не рассказал. Территория клуба – огромная, примерно пятьдесят гектаров. На ней имеется основное здание, разве что не бронированное, – с камерами, охранниками, овчарками, в общем, со всеми наворотами, пристройки, а вокруг несколько теплиц.

– Чего? – переспросил Макар.

– Теплиц, – терпеливо повторил Сергей. – Что мне сказали, то я и передаю. У клуба своя вертолетная площадка с тремя вертолетами в ангаре, нехилый парк автомашин, небольшая конюшня и, по непроверенным данным, коллекция раритетных «Харлеев». Тех самых, которые «Дэвидсоны».

– А танка у них не имеется? – поинтересовался Илюшин. – Или, для разнообразия, самоходной боевой установки?

– Ручаться не могу, – на полном серьезе ответил Бабкин. – Но я бы, честно говоря, не удивился. Все, что происходит в клубе, окутано завесой тайны.

– Так-таки окутано?

– Именно. И нечего язвить – выражение не мое, а того товарища, который утащил домой твои две бутылки. А он паренек, не склонный к красивым словесам, в отличие от тебя, и раз говорит – окутано, значит, и впрямь окутано. Члены клуба приезжают с утра по пять-шесть человек, проводят весь день за бетонной стеной с камерами по всему периметру и не распространяются потом о том, чем там занимались.

– И что в этом удивительного?

– Поговаривают, что пейнтболом в клубе и не пахнет.

– А если спрашивают членов клуба?

– Они утверждают, что тренировались в стрельбе, – усмехнулся Сергей. – Только скажу я тебе, Макар, за такую сумму, сколько стоит вступительный взнос, можно тренироваться в стрельбе где-нибудь... придумай какое-нибудь особенно пафосное, престижное и оригинальное место.

– Тибет.

– Тибет? Вот, на Тибете. Точно. Под руководством местных монахов. Фактически получается, что сорок человек содержат «Артемиду» целиком и полностью, начиная от собак и заканчивая вертолетами. Скажи, как умный человек, зачем нужен такой дорогущий пейнт-клуб? Чем они там стреляют? И в кого? Кстати, ходят нехорошие сплетни на эту тему, но задавать лишние вопросы никто не желает – себе дороже выйдет.

Илюшин обдумывал услышанное.

– Как давно образовался клуб? – спросил он.

– Два года назад.

– И наша пятерка нигде, кроме него, не пересекается?

– Нет. У них совершенно разные сферы бизнеса: компьютеры, переработка мусора, автомашины... Последнего не помню, могу посмотреть, но в одном я точно уверен: общих точек соприкосновения, помимо клуба, у них ничтожно мало. Объединяет наших «богатеньких буратин» лишь то, что они и в самом деле богатенькие. Более чем. Предпринимателей средней руки в клубе не водится.

– Интересно-интересно... – бормотал Илюшин, быстро дорисовывая в блокнотике вокруг кустиков с подписью «Артемида» пять фигурок с повязками на лбу.

– А это что? – Бабкин ткнул пальцем в повязку.

– Не мешай. Это – знак Рэмбо.

– Точно! Акулы крупного бизнеса в свободное от работы время практикуются в лишении человека жизни! Бегают за ними по кустам, преследуют с огнеметами, арбалетами и охотничьими ножами!

– Где-то я подобное уже читал, – скептически сообщил Макар, дорисовывая усы последней фигурке. – Заманчивая версия. Одно в ней плохо: она никоим образом не объясняет, при чем тут Вика Стрежина.

Сергей помрачнел и задумался.

– Но во всем остальном, согласись, Аслан Коцба и его приятели подходят под наши условия.

– Подходят, – кивнул Макар. – Два года назад... секретность деятельности... большие возможности по воплощению любых желаний.

Да, Серега, подходят. И все-таки что-то в твоём рассказе мне не нравится. Предлагаю наведаться в «Артемиду» в качестве... в общем, неважно, в каком качестве, потом придумаем, – и ознакомимся с обстановкой на месте.

Бабкин потер переносицу и виновато уставился на Макара.

– Что такое? – не понял тот. – Не говори, что ты там уже побывал и оставил мою бутылку коньяка.

– Нет, не побывал. Забыл тебе сказать: в клуб невозможно попасть. Он закрыт для посторонних лиц, в том числе журналистов, мойщиков окон и садовников. Весь штат – свой собственный, территория охраняется так тщательно, что таракан не проскочит. Парнишка, с которым я беседовал, посоветовал мне туда не лезть.

– Та-ак, – протянул Илюшин. – Положение становится все более интересным. В принципе, встретиться с Коцбой и его приятелями мы можем и без всякого клуба. Но Коцба, к сожалению, не Венечка Роцин, беседовать с нами и честно отвечать на вопрос «Что вы сделали со Стрежиной», я боюсь, не будет, и вообще не обрадуется нашему с тобой визиту. К тому же нам нужно разузнать, чем все-таки занимаются деятели крупного бизнеса в свободное от работы время, а узнать это возможно только при условии, что мы попадем в «Артемиду». Стоп. Здесь есть логическая ошибка. Подожди, дай пораскинуть мозгами.

Пока Макар раскидывал мозгами, Бабкин смотрел на запотевшее стекло и обдумывал ситуацию. Ему было совершенно очевидно, что посетители клуба занимаются либо противозаконной, либо безнравственной деятельностью, иначе пропал бы смысл конспирации. «Либо и той, и другой, – сказал он себе, – скорее всего, что именно так. Что они могут там делать? Убивать людей? Охотиться на них, как насмешливо предположил Макар?» Сергей покачал головой и протер стекло. Люди с жадной новизной, неизбежных развлечений и возможностью осуществить свои желания могут придумать все, что угодно, в том числе и такое, перед чем стрелялки из арбалета в живых людей покажутся детской шалостью. Тогда оправдана и конспирация, и несоразмерно высокие суммы, затрачиваемые членами клуба на поддержание его деятельности.

Возникал вопрос, связана ли деятельность клуба с пропажей Вики Стрежиной. Пока этого исключить было нельзя.

– Вот что, мой плохо осведомленный друг, – заговорил Илюшин, – поступим так. Крутиться возле клуба нельзя: там стоят камеры, и наверняка я добьюсь лишь того, что попаду в поле зрения безопасников «Артемиды». Идея подкупить обслуживающий персонал мне тоже не нравится: что-то

подсказывает, что и до нас пользовались сим нехитрым методом. А потому теперь наступила моя очередь искать хороших знакомых, которые могли бы нам подсказать, что происходит в клубе. Мне нужен список всех клиентов клуба – может, с кем-то из них мы пересекались раньше.

Он озабоченно потер пальцем переносицу. Черт, как плохо, что Липатов до сих пор в реанимации и попасть к нему невозможно: наверняка он куда осведомленнее о деятельности своего шефа, чем Лена Красько. Липатов, Липатов... Может, попробовать подобраться к Коцбе через других сотрудников? Нет, рискованно, да и вряд ли результативно.

– Скажи мне, Макар, – неторопливо начал Бабкин, – если бы ты был экспериментатором, решившим изучить поведение молодой женщины, ограничился бы ты одним наблюдением?

– Не понял? – покачал головой Илюшин, с ходу сообразив, к чему клонит напарник, и сделав слабую попытку оттянуть момент объяснения.

– Неужели тебя устроила бы позиция наблюдателя? А вдруг что-то пойдет не так? Если ты хочешь контролировать ситуацию, ты должен иметь возможность вмешаться в нее. А если ты можешь вмешаться, почему бы тебе это не сделать? Например, изменить условия пари? Включить дополнительные условия? Прибавить азарта? А?

– И что?

– Да то, – рывкнул потерявший терпение Сергей, – что, пока мы ждем сведений, со Стрежиной на острове проделывают черт знает что! Нет, даже черт не знает! На что способны уроды с большими бабками, знают только они одни! А мы с тобой просиживаем штаны, ничего не предпринимая, и в результате даже трупа Стрежиной нам не найти! А должен тебе сказать, Макар, что я очень хотел бы увидеть Стрежину живой, а не мертвой! Она мне, видишь ли, крайне симпатична!

– Не шуми, мой вспыльчивый друг, – предложил Макар. – И что же ты предлагаешь предпринять, раз не хочешь терять времени?

– Проникнуть в клуб, выяснить, чем занимается глава «Юго-запада», и, если они связаны с похищением – а я уверен, что связаны, – либо сдать их, либо вытащить девушку самим. Первое – сложно, – честно признал он. – Но второе можем попробовать осуществить.

– Авантюра, – пригвоздил Макар.

– Оправданная!

– Бессмысленная! А если то, что ты предполагаешь, правда, то вдобавок и вредная, потому что тебя вычислят и немедленно уберут Стрежину! Кстати, могут заодно и тебя. И, кстати, как ты себе представляешь осуществление своего плана? Думаешь, ты проникнешь

внутри подземным ходом, обнаружишь группу злобных личностей, сидящих перед мониторами и наслаждающихся видом страданий Стрежиной, сделаешь запись их забав и принесешь в прокуратуру на блюдечке? Так, что ли?! И следовательно немедленно вылетит на Соломоновы острова и лично обшарит каждый из девятистот штук, большая часть из которых, если я правильно помню, необитаема!

Макар редко выходил из себя, но предложение напарника было настолько детским, непродуманным и глупым, что он повысил голос. Что с Сергеем? Как может он, человек с опытом оперативной деятельности, взрослый мужик, нести подобную чушь?

Бабкин шумно вдохнул и выдохнул, чем напомнил Илюшину медведя, готовящегося к нападению, хотя на Макара медведи до сих пор не нападали. Но Сергей нападать не стал, а вместо этого плюхнулся в кресло.

– Не ломай мою мебель, – попросил Илюшин. – Хорошее кресло: новое, мягкое.

– Неудобное: маленькое, тесное, – огрызнулся тот. – Ладно, внесем корректировки: проникнуть в клуб, найти там данные о том, где находится Стрежина, и, не поднимая никакого шума, забрать ее с острова.

Макар взглянул на Бабкина, как на идиота.

– Сережа, ты насмотрелся тупых фильмов, – медленно, почти по складам произнес он. – Бродить по клубу и разыскивать комнатку с документами, на которых стоит гриф «Секретно! Эксперимент со Стрежиной!» тебе никто не позволит. Не говоря уже о том, что – я уверен – нет ни комнатки такой, ни документов, ни грифа!

– Не исключено, что и самой Стрежиной тоже уже нет!

– Тогда твоя затея тем более не имеет смысла, – жестко бросил Илюшин.

Бабкин стих и ссутулился в кресле.

– Сделаем так, – предложил после долгой паузы Макар. – Ты составишь список всех, кто имеет доступ в клуб в качестве клиентов, а я пока съезжу к Каморкину, постараюсь вытянуть из него все, что можно, об отношениях его племянницы и ее шефа. Нужно было раньше это сделать, но я понадеялся, что он вспомнит хоть что-то сам. Зря, видимо, поскольку он не звонит. Потом поговорю с Леной Красько – может быть, у нее найдется, что мне рассказать, хоть это и сомнительно. Но она все же долгое время работала со Стрежиной... А потом, исходя из имеющейся информации, решим, как действовать дальше.

– Ладно, – кивнул Бабкин через силу, – отправляйся к Каморкину, я составлю список клиентов клуба. Не беспокойся, я все сделаю.

– Отлично. Спасибо, Серега.

Макар пошел звонить Каморкину, чувствуя себя немного неуютно, сам не понимая, отчего. Подумав, он списал ощущения на злость от стычки с Бабкиным и переключился на работу.

Макар приехал к дяде Вики Стрежиной раньше, чем обещал, и застал у старика высокого загорелого парня с открытым простым лицом. Такое лицо, был убежден Илюшин, может принадлежать только хитрому человеку, из тех, о ком говорят: «себе на уме».

– Мой сосед, Андрей, – представил Каморкин визитера. – Я вам о нем говорил. Очень помогает мне, и не знаю, что бы я без него делал.

– Да бросьте, – махнул рукой сосед, подмигивая Макару. – Хлеба с молоком принести – чай, не переломлюсь. Ладно, побегу. Если что, Михал Олегович, звоните!

«Голову могу дать на отсечение, что соседу Михаил Олегович приплачивает за его небольшую помощь, – мелькнуло у Макара. – И сам же этого стыдится».

Дождаясь, пока старик проводит гостя, Илюшин снял с полки книжку и в очередной раз удивился разнообразию интересов Каморкина: на обложке был изображен солдат в полном обмундировании, за спиной которого поднималось синее солнце с протуберанцами вокруг. Книжка называлась «Собаки Тлена», рядом стоял точно такой же экземпляр. Илюшин не любил фантастику, но из любопытства открыл первую страницу, начал читать и незаметно для себя увлекся.

– Извините, Макар, что долго. – В дверях показался Каморкин.

Сегодня он был не в рубашке, подаренной племянницей, а в стареньком пуловере, на локтях которого виднелись следы штопки. Но воротник сорочки, видневшейся в вырезе свитера, был отглажен и даже, похоже, накрахмален.

– Чем вы опять заинтересовались? А, Риддером! Так себе книжица, хотя слог неплохой.

– Я смотрю, у вас их две, Михаил Олегович, – заметил Илюшин, кивнув на точно такой же корешок.

– Заказал купить соседу и знакомой, вот и привезли две сразу, – развел руками старик. – Мне наука: больше следует на людей полагаться. Я ведь, по совести-то говоря, перестраховаться хотел: думаю, кто-то из них обязательно забудет. И вот, пожалуйста!

Он посерьезнел, поправил воротничок рубашки.

– Я боюсь вас спрашивать, Макар... Что-то стало известно?

– Пока нельзя быть ни в чем уверенным, – осторожно ответил Илюшин, опасаясь дать старику ложную надежду. – Собственно, потому я и приехал. У меня к вам есть несколько вопросов...

Следующий час Макар работал с Каморкиным, пытаясь выжать из того все, что могло пригодиться в расследовании. Но, к его сожалению, разговор оказался практически безрезультатным: Михаил Олегович ничего не знал о досуге руководителя «Юго-запада», не мог припомнить ни одного намека Вики на отношения с шефом и после беседы с Илюшиным совершенно расстроился. Макар отметил про себя, что старик стал хуже соображать. Темп речи у Каморкина замедлился, движения стали дергаными. Он подолгу задумывался над самыми простыми вопросами, затем поднимал на Илюшина виноватые глаза и отрицательно качал головой: «не помню». В конце концов Михаил Олегович сам начал сомневаться в том, что в рассказах племянницы проскользнуло что-то, заставившее его сделать вывод о связи с Коцбой, и Макар понял, что пора заканчивать. Встреча с дядей Вики ничего нового не дала.

В недрах квартиры зазвонил телефон, и Каморкин, спохватившийся, что забыл трубку в прихожей, быстро выехал из зала. Негромкое восклицание, торопливая речь... Макар понял, что старику позвонил кто-то из хороших знакомых, а потому ближайшие пять минут ему придется провести в одиночестве. Он встал, прошелся по комнате и неожиданно заметил то, чего определенно не было тут раньше: на письменном столе стоял черно-белый портрет женщины – в простой металлической рамке, за поцарапанным стеклом.

Женщине было около сорока. Высокая, статная, с красивыми, хоть и грубоватыми чертами лица; темные волосы по старой моде были уложены двумя «валиками» по бокам головы. Женщина смеялась, показывая крупные ровные зубы, и чем-то напомнила Макару актрису Нонну Мордюкову.

Голос старика совсем утих, и Илюшин уже собрался выглянуть в прихожую, чтобы проверить, не случилось ли чего, когда Каморкин вернулся. Он извинился, объяснил, что позвонила хорошая знакомая.

– Да, собственно говоря, ее портрет вы держите в руках, – неожиданно произнес он.

– Кто она? – поинтересовался Илюшин, разглядывая соболиные брови дамы, почти сросшиеся на переносице.

– Трудно поверить, – грустно усмехнулся старик. – Но сия красавица – Мария Шпунтикова, вдова Гены. До чего забавной они были парой – и не передать! Генка маленький, лысенький, а супруга его – сами видите,

корпулентная дама. Генка все с нами мотался, вечно в разъездах, как и все мы... Маша, смешно сказать, ревновала его! Расспрашивала меня после каждой поездки. – Каморкин засмеялся, и Макар словно вживую увидел молодого Михаила Олеговича – невысокого, но представительного, его маленького приятеля и крупную женщину, сурово выговаривающую что-то им обоим. – А Генка ей письма писал. Отчитывался, значит. Маша поначалу читала письма, а потом рукой махнула: не пиши, говорит, целые простыни присылаешь, а читать-то и нечего. Она, поди, думала, что Генка начнет отчитываться, куда ходил, с кем пил-разговаривал, а он вместо этого философию разводил. Эх, хорошей они были парой. Из тех, что до глубокой старости дружно доживают, хоть и ругаются, как собака с кошкой.

Он снова засмеялся, но, бросив взгляд на снимок, оборвал смех, глубоко вздохнул, потер виски.

– Вы не будете возражать, если я предложу вам чайку? – спросил он Илюшина.

Макару следовало уходить – через час была назначена встреча с Леной Красько, но он согласно кивнул.

– Тогда – минуточку, ровно одну минуточку. Нет-нет, никакой помощи! Не беспокойтесь, я все сделаю сам!

Каморкин уже звенел посудой на кухне, а Илюшин никак не мог понять, почему в голове прочно засела последняя фраза старика. «Не беспокойтесь, я все сделаю... сам!» Илюшин поймал себя на том, что после его слов почувствовал себя... нет, не неловко, но определенно не в своей тарелке. Привыкнув анализировать свои ощущения и докапываться до первопричины, он быстро восстановил в памяти предыдущие визиты к Каморкину. «Ничего похожего. Значит, дело не в старике».

Внезапно перед глазами Макара возник Бабкин, потерянно сидевший в слишком маленьком для него кресле. «Отправляйся к Каморкину, я составлю список клиентов клуба. Не беспокойся, я все сделаю».

Илюшин подавил в себе желание выругаться, но не в адрес напарника, а в свой адрес. Надо же было не заметить! «Я все сделаю»! Не хватало только, чтобы Серега добавил «сам». Вот о чем напомнил ему дядя Стрежиной!

Оставалась небольшая надежда, что он ошибается, поэтому Макар поспешно вынул телефон и набрал номер. «Аппарат абонента не отвечает или временно недоступен», – сообщил ему непреклонный женский голос.

– Вот шкаф безмозглый! – не сдержался Макар, удостоверившись, что Бабкин не сидит за составлением списка, как собирался, иначе телефон был бы подключен.

– Простите?

Каморкин въехал в зал, толкая перед собой накрытый столик на колесиках, расслышал последние слова сыщика и недоуменно посмотрел на него.

– Это вы меня простите, мне придется уйти, – быстро проговорил Илюшин. – Срочные дела. Я вам позвоню, Михаил Олегович. – И он направился к выходу.

– Конечно, конечно... – пробормотал старик ему вслед, с огорчением глядя на печенье в вазочке. Затем вынул из кармашка телефон и позвонил соседу:

– Андрюша? Я, милый, я. Не хочешь чайку со мной попить? Вот спасибо тебе, уважишь старика! Есть печенье, есть, заходи просто так.

Он посидел немного, глядя на смеющуюся женщину на портрете, промокнул вдруг заслезившиеся глаза платком и спрятал фотографию в ящик стола.

Виктория Стрежина. Остров

Вика не могла сказать, сколько дней прошло с тех пор, как она убежала от палатки. Все происходящее слилось в ее сознании в одну кромешную ночь, в середине которой иногда вставало солнце. Один раз день был такой длинный, что ей стало казаться, будто он никогда не закончится, но его все же сменила ночь. А наступивший следом день продлился всего несколько часов, хотя она допускала, что уснула и не заметила, сколько прошло времени. Теперь Вика могла допустить все, что угодно.

За ней наблюдают. Она поняла это на следующее утро после той страшной ночи, когда видела безголовых мурен и зловонные тела, движущиеся к ней из леса. Утром, открыв глаза, Вика обнаружила себя лежащей на песке возле океана, и на ее ноги время от времени набегала особенно сильная волна, постепенно засыпая их песком. «Так и лежать... – думала Вика, безучастно наблюдая за переменчивой синевой воды. – Всю занесет песком... Пусть. Хорошо...»

Но новая волна принесла существ, которых она раньше не видела, – тонких рыб размером с ладонь, похожих на веретено. Их было пять – все красновато-рыжие, с желтым отливом на боках и отчетливыми синими полосами на голове и спине. Глазки у рыб были большие, как пуговицы на стареньком Викином пальто, и выпученные, и при взгляде на них девушке стало не по себе. Она резко выдернула ноги из песка, и рыбы, испуганные

поднятой ею песочной бурей, молниеносно исчезли в глубине.

Глядя на то место, где только что плавали полосатые с пуговичными глазами, Вика почувствовала, что спину ей жжет чей-то взгляд. Точнее, она ощутила его не спиной, а тем местом под затылком – где заканчивается линия волос. Она уняла дрожь в руках, вышла, пятась, из воды, и лишь затем резко обернулась к лесу.

Ветки чуть наискось от того места, где она стояла, подрагивали, словно кто-то только что отвел их рукой. Вика постояла молча, не сводя глаз с деревьев, но в лесу ничего не происходило.

– Галлюцинации, – прошептала она, вспомнив ночной кошмар.

Но это объяснение прозвучало неубедительно. Днем ей не чудились мурены, не скалились в страшной ухмылке головы, из которых вытекала не кровь, а нечто иное, а значит, и дрожание ветвей не было галлюцинацией. Поняв это, Вика стремительно бросилась в лес, совсем забыв про пауков, обитающих в нем.

Лес ошеломил ее звуками и запахами. Казалось, прошел год с тех пор, как она последний раз углублялась в него, и за это время лес изменился, стал живым, настороженным и враждебным по отношению к ней. Ветки били Вику по лицу и голым рукам, два раза она сильно обожгла ногу об узкие зазубренные листья, напомнившие ей об утренних пучеглазых рыбах. Но самое страшное заключалось в том, что она чувствовала – за ней постоянно следят. Кто-тодвигающийся быстро и проворно, бесшумный и очень хитрый шел за ней по пятам, посмеивался над ее падениями, страхом и выглядывал из-за зеленовато-коричневых стволов деревьев. Он был здесь своим, а не чужаком, как она – чужаком, не знающим, что делать и куда бежать.

В конце концов она закричала. Отчаяние взяло верх, и Вика явственно поняла, что не сможет выследить скрывшегося в лесу, пока он сам этого не захочет.

– Отпусти меня! – закричала она, но голос странным образом потерялся в листве, и девушка поразилась тому, как слабо и жалко он звучит.

– Кто ты? – спросила она, сглатывая слезы. – Кто-о-о ты-ы-ы?!

Ей показалось, что вокруг нее возникла плотная прозрачная стена, глотающая все звуки. Вика была уверена, что ее крик не слышен даже на берегу.

Она обернулась, пытаясь понять, где находится палатка с ящиками, но вокруг стояли одинаковые деревья и одинаковые кусты, повторяющиеся через равное расстояние, словно кто-то клонировал изображение в

компьютерной программе, воплотил его в жизнь, а затем поместил внутрь ее, Вику. «Меня сюда заманили, – мелькнула мысль, от которой голос и вовсе пропал, словно провалившись внутрь горла. – Зачем? Зачем?!»

Она бросилась бежать прочь из зеленой чащи в ту сторону, где, как ей казалось, должна была стоять палатка, но, выскочив из леса, с замиранием сердца увидела, что берег совершенно пуст. Вика потерянно бродила по песку, пытаясь найти хотя бы следы от ящиков, матраса, консервных банок, но не видела даже собственных следов.

– Сколько вас здесь? – выдохнула она, обернувшись к лесу, и почувствовала с ужасом, что теперь на нее смотрят со стороны океана. – Сколько? Трое? Пятеро? Больше?

Она подавила в себе порыв истерично рассмеяться и опустилась на песок. Интересно, что они придумают дальше? Пока ее оставили без еды и воды.

Что-то красное расплылось по песку возле нее, и Вика со странным ощущением полной нереальности происходящего заметила, что по расцарапанной руке тонким ручейком бежит кровь.

«Они придут на запах, – подумала она. – Нужно смыть».

Девушка подошла к океану, зачерпнула воды и плеснула на ранку. Защицало так, что она вскрикнула и принялась вытирать соленую воду, не понимая, что делает. Очнулась она от того, что заметила на дне в двух шагах от себя чью-то внимательную плоскую морду. Обитатель дна выдал себя, пошевелившись и нарушив рисунок, создаваемый его расцветкой и рельефом песчаного дна: волнообразные линии сместились, и Вика увидела контур тела – широкий, овальный, размером с большую тарелку, с одной стороны которой виднелись близко посаженные черные глаза. Она осторожно попятилась назад, внимательно глядя на затаившуюся рыбу, если только на дне лежала рыба, а не что-то иное, и перевела дыхание, только когда до границы волн осталось не меньше двух метров. «Господи, что я делаю? Зачем я полезла смывать кровь морской водой?»

Способность здраво рассуждать вернулась к ней, и Вика подняла голову и осмотрелась. Напротив нее в океане виднелись очертания неизвестной земли, до которой Вика пыталась доплыть. Она находилась на другой стороне острова – противоположной той, где должна была стоять ее палатка и лежать запасы, оставленные Глебом. «Заблудилась в лесу, – поняла Вика. – Пошла не в ту сторону. Здесь и не должно быть моих следов». Она зашагала сначала медленно, а затем все убыстряя шаги, с ужасом ожидая увидеть пустое пространство на «своем» берегу. В том месте, где берег резко изгибался, она остановилась на несколько секунд,

чувствуя, как бешено колотится сердце. Прошла десять шагов – и увидела палатку и ящики.

Она бросилась бежать, оступилась и упала. Песок забился в ноздри, уши, засыпал глаза, и она долго терла их, снова и снова пытаясь открыть, преодолевая режущую боль, потому что боялась, что, пока она ничего не видит, палатка исчезнет. В конце концов Вика добрела до ящиков и свалилась рядом с ними почти без сил. Невыносимо хотелось пить – у нее не было во рту питьевой воды со вчерашнего вечера, – но доползти до канистры сейчас Вика не могла.

Она будто слышала, как смеется тот, кто наблюдает за ней. Теперь Вика могла только удивляться тому, что не поняла этого сразу: конечно, ее оставили на острове не для того, чтобы она провела здесь две или три недели, поедая тушенку. Просто тот, кто забросил ее сюда, собирался повеселиться от души. Возможно, у него было что предложить ей, Вике, для того, чтобы поведение ее не стало слишком однообразным. «Уже предложил, – устало подумала Вика. – Я не могу отличить, где галлюцинации, а где реальность. Плоская рыбина, которую я видела на дне... Если бы я вернулась на прежнее место, она была бы там? Вряд ли. Мне почудилось, просто почудилось».

Она все-таки дошла до канистр с водой, напилась и умыла лицо. Ощущение, что на нее смотрят, стало постоянным, и у Вики вдруг мелькнула дикая мысль, испугавшая ее настолько, что она чуть не опрокинула незакрытую канистру.

«Почему я решила, что мурены мне привиделись? Если кто-то может спрятать меня на острове, то он может устроить здесь все по своему желанию. Тени... жуткие фигуры... Неужели они были *на самом деле*?!»

Она осмотрелась, чувствуя себя зверьком, загнанным в угол. Затем медленно, очень медленно сделала несколько шагов к океану и отчетливо разглядела на песке неглубокие широкие бороздки, тянувшиеся к воде. У нее потемнело в глазах, от океана вновь пахло гнилью, и Вика потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, солнце садилось и от пальм падали длинные тени, один взгляд на которые вызвал у нее приступ тошноты. «Уходить. Нужно уходить отсюда». Но сил не было.

Вика вызвала в памяти образ Антона Липатова – сильного, внимательного, готового защищать ее. Когда она только начала работать в «Юго-западе», ей казалось, что Липатов – типичный самовлюбленный красивый мужик, но постепенно она изменила свое мнение. То, что она приняла за самовлюбленность, было уверенностью в себе и окружающих

людях, происходившей из счастливого и благополучного детства, а также из готовности спокойно решать любые проблемы. Этого качества Вике не хватало. Ее пугали любые сложности, но она, сжав зубы, преодолевала их, стараясь выглядеть собранной. Антон же ничего не боялся, а то, что Вика принимала за сложности, считал обычными жизненными обстоятельствами. Поначалу ее это раздражало, но затем она обнаружила, что рядом с Антоном ей самой становится спокойнее. Он никогда ничего из себя не изображал, не играл на публику, не боялся показаться неосведомленным. Он был надежным, и, вспомнив об этом, Вика уцепилась за его надежность, как за спасительный канат. «Липатов что-нибудь придумает. Он обязательно что-нибудь придумает. Но мне нужно помочь самой себе и ему. Нужно уходить отсюда».

Собрав остатки воли в кулак и заставляя себя не оглядываться на потемневшие воды, из которых в любую секунду, она чувствовала, могло выбраться то, для чего у нее не было названия, Вика вытащила из ящика две банки консервов и маленькую пластиковую бутылку газированной воды, которую раньше не замечала. Затем пошла прочь, убеждая себя, что она спрячется, просто спрячется в лесу, и все будет хорошо, потому что в чаще ее не найдут. Закопается в землю, закроется ветками, по которым медленно передвигают жирные волосатые тела пауки, и не будет мурен, и тех, кто выходил из леса, и она избавится от страха...

Она уговаривала себя, уходя все дальше и дальше от палатки, а в голове колотилась одна-единственная мысль.

«Что он придумает в следующий раз?»

Глава 9

Сергей Бабкин перед любым относительно важным мероприятием продумывал план, и, как правило, времени на это уходило не меньше, а то и больше, чем на воплощение плана в жизнь. План был необходим, хотя бы в качестве психологической поддержки: осознание того, что на любой вариант развития событий у него выработана определенная тактика поведения, позволяло Сергею не волноваться, а значит, не допускать глупых ошибок. Поработав с Макаром, всю жизнь полагававшимся только на интуицию, Бабкин с интересом обнаружил, что не только его собственный опыт планирования может приносить хорошие плоды, но и совершенно противоположный подход к делу. Однако Сергею хватало скептицизма по отношению к себе, чтобы понимать: то, что годится для Илюшина, у него самого может вызвать непредсказуемый результат. Вероятнее всего – провал задуманного.

А потому когда Сергей поехал к клубу «Артемида», не имея ни малейшего представления, что он станет делать дальше, он испытывал двойственное ощущение. С одной стороны, такой поступок, тем более несогласованный с напарником, являлся очевидной глупостью: попасть в клуб Бабкин бы не смог, а шататься вокруг ограды для развлечения охранников он не собирался. С другой стороны, бездействовать в квартире Илюшина, ожидая, пока тот соберет необходимые сведения, из которых, как под прессом, сможет затем нацедить редкие капли действительно полезной информации, Сергей был не в состоянии.

Он жалел Вику Стрежину. Фотография осталась у него, и Бабкин с сочувствием вглядывался в серьезное лицо с внимательными карими глазами, чуть прищуренными от ветра. Не обладая скептицизмом Макара, он принял на веру то, что рассказывали о Виктории друзья и дядя, а они считали ее искренним, добрым и храбрым человечком.

– Человечек, – пробормотал Сергей, оставляя снимок на столе, – где ты сейчас, а?

Симпатия к Стрежиной усилилась у него под впечатлением от людей, среди которых выросла Вика, – ее матери, отца и сестры. Бабкин понимал: для того, чтобы вырваться из подобного плена в семнадцать лет и самой не стать такой же, нужно обладать сильным характером, а к женщинам с сильным и вместе с тем не стержовым характером он относился с уважением.

Ожидание было невыносимо, и Сергей, никогда прежде не отличавшийся импульсивностью, во время поездки к пейнт-клубу задавал себе вопрос: что он будет делать, когда его высадят у клуба? Как объяснит Макару свою нелепую выходку? И чем его поездка может помочь Стрежиной, если максимум, чего он добьется, – побродит перед клубом, пытаясь заглянуть внутрь?

– Где тебя высадить-то, мил-друг? – поинтересовался водила.

– Вот здесь и высади, – попросил Бабкин, заметив, что до клуба осталось несколько сотен метров.

Светиться, выползая из развалюхи-«жигуленка» перед входом в «Артемиду», ему, по понятным причинам, не хотелось. А потому, расплатившись с водителем, Сергей вылез за углом и осмотрел окрестности.

Сыпал мелкий мокрый снег, заставивший его поднять воротник тонкой куртки. Сергей представил Макара, поедающего крекеры и запивающего их сладким горячим чаем, наверняка предложенным ему Михаилом Олеговичем, и пожалел о том, что сам съел с утра лишь пару бутербродов с ветчиной.

Улица перед ним была почти пустынной, если не считать двух собак, с деловитым видом семенящих по обочине. Технические строения, заброшенное кафе без вывески, сквозь грязные окна которого виднелась барная стойка, застывшие вдалеке краны... Пейзаж, открывшийся глазам Сергея, был далек от ожидаемого им.

– Кто догадался открыть клуб в таком месте? – буркнул он негромко, хотя знал ответ на свой вопрос. Отсутствие жилых домов поблизости – вот что, вероятнее всего, послужило тому причиной. И еще – относительная дешевизна земли. В общем, решил Бабкин, место было выбрано довольно удачно, несмотря на первое впечатление.

Он потоптался немного и неторопливо пошел в сторону клуба, на ходу доставая из кармана пачку сигарет. Сергей не курил, но предполагал, что у входа в «Артемиду» стоят камеры, а потому придется закрывать лицо. «Проведем рекогносцировку местности», – сказал он сам себе, довольный, что придумал правильное название для своей бесполезной вылазки. «Будет чем оправдаться перед Макаром», – добавил внутренний голос, и Бабкин вздохнул: у него были серьезные сомнения, что слово «рекогносцировка» произведет на Илюшина надлежащее впечатление.

Он завернул за угол длинного кирпичного забора и сразу понял, где въезд в клуб. В сорока шагах впереди на его стороне улицы притормаживала машина – грязный «Соболь». «Соболь» развернулся боком

к Сергею и остановился. Бабкин, сунув пачку обратно в карман, видел сквозь боковое стекло, что водитель спокойно сидит в машине, видимо, ожидая открытия ворот. Охранники пока были скрыты от Сергея забором – уже не кирпичным, а высокой бетонной стеной, на которой болтались обрывки объявлений. «Кому нужны объявления в таком районе, – некстати пришло Бабкину в голову, – где нет жилых домов?» Он прошел еще пять шагов и с удивлением заметил, как водитель «Соболя» начинает жестикулировать, махать телефоном, явно объясняя что-то невидимым Бабкину охранникам. «Не пускают, – понял Сергей. – Не попасть тебе, товарищ, в пейнт-клуб. Мордой не вышел».

До не вышедшего мордой водителя оставалось не больше двадцати шагов, когда мужик, чертыхаясь и матерясь себе под нос, открыл дверцу и вылез из машины.

– Чего не открываешь-то, а? – громко крикнул он.

В ответ что-то неразборчиво крикнули.

– Да какие тебе документы, елы-палы?! Фиг с тобой, посмотри мои документы!

Водитель вытащил из машины сумку, порылся в ней, достал что-то и, забросив сумку обратно, быстро засеменял к воротам.

Почти поравнявшись с машиной, Сергей бросил взгляд вправо и оценил ситуацию.

Въезд в клуб был закрыт воротами, по обеим сторонам которых стояли застекленные будки охранников. Водитель подошел к охраннику с левой стороны и что-то горячо доказывал, размахивая бумажкой. Охранник, высокий плечистый мужик, покачал головой и позвал второго, с интересом наблюдавшего за ними из будки.

«Не может быть, – мелькнуло у Бабкина. – Они же не полные раздолбаи!» В ту же секунду правый охранник вышел из дверей, обошел будочку и неторопливо направился к товарищу, который не мог разобраться с водителем.

«Полные, – осознал Сергей. – Везде одинаковый бардак». Тем временем второй охранник вынул рацию и что-то проговорил в нее; первый по-прежнему разговаривал с мужиком, тыкавшим пальцем в бумажку. Ни водитель, ни охранники не видели Бабкина, остановившегося справа от машины. Бабкин, ни на что не надеясь, присел на корточки, потянул за ручку, и дверь мягко отъехала в сторону, открыв что-то темно-зеленое в глубине салона, похожее на свернутые ковры.

Сергей лихорадочно соображал. Конечно, если бы второй охранник остался на своем месте, что он и должен был сделать по инструкции, ему

были бы прекрасно видны манипуляции Бабкина с машиной. Но из-за идиотизма и разгильдяйства охраны и водителя открытый «Соболь» остался без присмотра. Вопрос заключался в том, досматривают ли салон машины на въезде и как установлены камеры. Если досматривают, то шансов у Сергея не было. Если нет...

– Вот так бы сразу, – донеслось до Бабкина, и он понял, что водитель сейчас вернется. Не раздумывая больше, Сергей запрыгнул в салон, задвинул дверь и упал на пол, дернув на себя какое-то мохнатое холодное покрывало, свернутое в рулон. Раздался звук открываемой двери, водитель плюхнулся на свое место и завел машину.

– Идиоты, мать их, – пробормотал он так близко от Бабкина, что тому на секунду показалось, будто мужик сел не на водительское место, а внутрь салона. – Да открывайте, открывайте! Опоздаю везде, чтоб вам черти кишки драли...

«Соболь» дернулся и поехал.

Сергей ощущал на лице влажное тяжелое «покрывало», пахнущее свежей землей. Земля сыпалась ему в глаза, нос щекотали тонкие корешки, похожие на белые волосинки. «Угораздило меня спрятаться подо мхом, – прикрыв глаза и морщась, чтобы не чихнуть, думал Бабкин. – Зачем клубу столько мха? Укрывать свежие могилы?»

Мысль о том, что часть мха вполне может пойти на покрытие для него, Бабкина, если его обнаружат в машине, заставила Сергея осторожно высунуться из-под мохового одеяла. Машина ехала очень медленно, в окне поначалу мелькали окна одноэтажного белого строения, а затем пошла яркая, почти тропическая зелень. «Теплицы, – понял Сергей, рассматривая высокие стеклянные конструкции высотой в три, а то и четыре этажа. – Ничего себе!»

«Соболь» затормозил и встал. Некоторое время стояла тишина, в которой Бабкин гадал, что сейчас происходит.

– Блин, да где они? – наконец нервно произнес водитель. – Эй, мужики! – крикнул он, высунувшись в окно. – Принимайте мох, мне ехать пора! Черт, уроды глухие.

Хлопнула дверь, водитель выматерился снаружи машины. «Вышел. Значит, пойдет искать кого-то», – подумал было Сергей, но тут вдалеке раздался голос, коротко сказавший что-то.

– Так у вас нету никого, а мне ехать... – извиняющимся тоном проговорил шофер.

– Сядь в кабину, сказано тебе, – приказал голос. – Сейчас ребята

подойдут.

«Сейчас ребята подойдут, – повторил Бабкин про себя. – Вот тут-то мне и...»

Что «и...», он не стал додумывать. Не дожидаясь, пока водитель вернется в машину, он выполз из-под мха, толкнул дверцу в сторону, сполз на корточках на мокрый снег, тут же промочив джинсы, и осторожно задвинул дверь обратно. Раздались шаги, кто-то крикнул издали, и Бабкин, обернувшись, обнаружил, что водитель подогнал машину к небольшому складу, стоявшему почти вплотную к теплицам. До приоткрытой двери склада оставалось несколько шагов, и Сергей метнулся к ней, соображая на ходу, что его непременно выдадут следы. Нырнув внутрь, он замер за дверью, вжавшись в стену, и спустя несколько секунд попробовал выглянуть из своего укрытия.

Рядом с «Сободем» ходили двое высоких парней в непромокаемых плащах, а водитель подтаскивал ко входу ближний рулон – тот самый, под которым прятался Бабкин. Сергей с облегчением увидел, что оставленные им следы затоптали.

Предположив, что парни затащат рулоны именно в склад, он торопливо пересек помещение, уставленное тележками и ведрами, и оказался у противоположного выхода. Приоткрытая дверь вела прямо в теплицу, и, поколебавшись секунду, Сергей нырнул в нее. Его окатила волна теплого воздуха, в нос ударил густой запах травы, листьев и земли, и остолбеневший сыщик остановился, пытаясь охватить взглядом открывшуюся ему картину.

В огромном стеклянном здании рос настоящий тропический лес. Из земли поднимались стволы, по которым вились толстые коричневые побеги неизвестных Бабкину растений, сверху свисали лианы. Под потолком ветки переплетались так плотно, что закрывали небо, хотя света в лесу было достаточно.

Сделав несколько шагов, Сергей остановился у небольшого холмика, поросшего густой травой, из которой торчало несколько ярко-оранжевых цветков.

– Трава, – оторопело выговорил он, не замечая, что разговаривает вслух.

Присел на корточки и провел рукой по холмику, словно хотел убедиться, что трава настоящая. Для верности Бабкин сорвал травинку, растер в пальцах и понюхал. Трава была настоящая.

Сергей смутно помнил, что в тропическом лесу не бывает густой травы, потому что для нее не хватает света, но здесь, куда ни брось взгляд,

под ногами лежал зеленый ковер. Рельеф земли был неровный: то тут, то там вырастали пригорки, а в двадцати шагах от Бабкина поднималась возвышенность высотой с него самого, заросшая кустами.

Бесшумно ступая по мягкой траве и пригнувшись, Бабкин пошел в глубь леса. Ему стало жарко, и он стащил куртку, оставшись в рубашке. «Свет... тепло... деревья вырастили... Неужели все только для того, чтобы в этих джунглях бомжей убивать?»

Он остановился, оглянулся назад. Помещения, из которого он попал в теплицу, уже не было видно, оно скрылось за деревьями. «Стрелять здесь нельзя – пули разобьют стекло». Впрочем, он не исключал того, что стекло – пуленепробиваемое.

Впереди послышалось журчание, и, обогнув пригорок, Сергей обнаружил неширокий ручей с прозрачной водой, бегущей по камешкам. Он не удивился бы, если б в ручье оказалась рыба, но рыбы не было. Зато на другом берегу росли цветы – небольшая полянка белых нарциссов, пахнущих нежно и горьковато.

– Прокол у вас, братцы, – пробурчал Бабкин. – Какие в джунглях нарциссы?

Раздалось хлопанье, и над его головой пролетел крупный белый попугай, чуть не коснувшись Бабкина крыльями. «Только мартышек не хватает для полной иллюзии», – подумал ошарашенный Сергей, отшатнувшись назад, и в тот же миг сбоку раздалось пронзительное повизгивание.

С ощущением, что над ним изощренно издеваются, Бабкин отпрыгнул в сторону и затаился за стволом дерева, где очень кстати рос куст, усыпанный мелкими белыми цветами. Визг повторился ближе, и неожиданно на поляну с нарциссами выбежал почти голый человек лет сорока. Сквозь заросли веток Сергей смог его рассмотреть. Высокий, смуглый, с широкими плечами... Картину несколько портил животик, нависающий над набедренной повязкой. Покрутившись на одном месте, голый снова издал звук, который Бабкин принял за крик мартышки, – высокое повизгивание, несколько секунд тянущееся на одной ноте.

– И-и-и! И-и-и! И-и-и! – визжал человек, подпрыгивая и молотя руками воздух.

«Клиника, – понял Бабкин. – Клиника для душевнобольных».

Кусты с той стороны ручья раздвинулись, и на поляну грациозно выскользнула стройная загорелая темноволосая женщина. Как и мужчина, она была почти обнажена, и ее полная грудь с выпуклыми сосками покачивалась при каждом шаге. В руках темноволосая держала кожаный

колчан, из которого торчали стрелы; на плече у нее висел маленький круто изогнутый лук.

При появлении женщины смуглый перестал повизгивать и замер на месте. То же самое сделал за деревом и Бабкин, ни секунды не сомневавшийся, что стрелы в колчане боевые и женщина умеет ими пользоваться. Крепко ухватив мужчину за руку, темноволосая поволокла его за собой, а тот подгибал ноги и норовил упасть в траву. После очередного его падения женщина гортанно вскрикнула, сорвала с жертвы набедренную повязку, стащив с руки сыромятный ремешок, сделала петлю, набросила ее на мошонку жертвы и потянула. Взвизгнув, мужчина поднялся на ноги и послушно пошел за ней. «По улицам слона водили... – завертелось в голове у Бабкина, – как видно, напоказ...»

Женщина и мужчина прошли мимо дерева, за которым он стоял. Пленник не заметил Сергея, но темноволосая обернулась, безразлично скользнула по нему взглядом и прошла дальше как ни в чем не бывало. Спустя полминуты они скрылись за деревьями. Бабкин сглотнул и присел на траву, борясь с идиотским желанием проверить, на месте ли его гениталии.

«Сумасшедший дом, ей-богу, а не пейнт-клуб! Голый мужик, баба с луком... Может, медсестра? Ну да, конечно, испробовала альтернативные методы лечения. А лук – для усмирения буйных. Почему тогда она на меня не отреагировала?»

Куда идти дальше, Бабкин представлял с трудом: увиденное выбило его из колеи. Впрочем, не настолько, чтобы он забыл о цели своего визита, и, поразмыслив, Сергей решил проверить, что находится в двух других теплицах. Легкость, с которой он проник в первую, подсказывала, что территория охраняется только снаружи, а внутри охрана, скорее всего, сидит в одноэтажном здании.

Обвязав куртку вокруг пояса, Бабкин поднялся и направился вдоль ручья. «Так, глядишь, и к людям выйдем».

У него ушло почти десять минут на то, чтобы пересечь лес, где он, к большому своему облегчению, никого не встретил. Сергей уже начал думать, что все окажется легче, чем он предполагал, когда навстречу ему из-за пригорка вышел невысокий пухленький человечек в футболке и шортах. Голову человечка обтягивала синяя лента, из которой торчали разноцветные перья.

Сергей приостановился, изучил мужичка и решил, что с этим сумасшедшим он при необходимости справится.

– И тебя вылечим, – успокаивающе пообещал Бабкин, собираясь

обойти убогого. – И меня вылечим...

– Насчет тебя – не уверен, – неожиданно басовитым голосом высказался человек, на которого не подействовала цитата из культового советского фильма.

Насторожившийся Сергей заметил краем глаза мелькнувшую тень, но не успел даже обернуться – в плечо ему воткнули иглу, и он почувствовал острую боль. Последнее, что он видел, падая в зеленую траву, был пухленький, задумчиво выдирающий перо из головы.

Вернувшись домой, Макар обнаружил на столе фотографию Вики Стрежиной, оставленную напарником, и понял, что худшие его предположения подтвердились. Он бросил взгляд на будильник: прошло почти три часа с тех пор, как он уехал на встречу с Каморкиным. Сергей до сих пор не вернулся.

Илюшин откинул голову на спинку кресла и прикрыл глаза. Любой, увидевший его в эту секунду, предположил бы, что уставший от бессонной ночи студент заснул перед семинаром. Но в действительности Макар обдумывал, как, не имея почти никакой информации, извлечь выгоду из создавшегося положения и заодно вытащить Бабкина. В том, что напарника придется вытаскивать, он был уверен на девяносто процентов.

«Кто возглавляет клуб – неизвестно. Кто, кроме Коцбы, присутствует там сегодня – неизвестно. Как проникнуть внутрь – неизвестно. Чем на них давить?..»

Повторять очередное «неизвестно» Макар не стал, потому что ему надоело. И без повторений ясно, что сведениями о том, что находится внутри клуба, его знания исчерпываются. «Три теплицы... вертолетная площадка... что там еще? М-да, не густо».

– Если не знаешь, что делать, действуй наобум: что-нибудь да получится, – поведал Илюшин будильнику и набрал номер вызова такси.

Звонок в кабинете Игоря Перигорского, коммерческого директора клуба «Артемида», раздался в самый неподходящий момент – Перигорский вплотную приблизился к решению возникшей два часа назад проблемы, но отчаянная трель телефона вышибла у него из головы все мысли, кроме одной: нужно сделать звук на аппарате потише – он звенит так, что стены дрожат.

– Да? – раздраженно рявкнул он в трубку.

– Игорь Васильевич? – Начальник службы безопасности был очень корректен и почтителен. – К вам посетитель, просит его принять по

срочному вопросу.

Перигорский пять секунд молчал, наливаясь краской. Именно сию секунду ему крайне не хватало посетителей! И особенно – по срочным вопросам! Уж кому-кому, а Трюхину должно быть об этом прекрасно известно!

– Что такое? – прошелестел в трубку Игорь Васильевич, но его шелест не мог ввести в заблуждение начальника службы безопасности: Трюхин понимал, что Перигорский на взводе и с трудом сдерживается. – Кому мы понадобились, Ванюша?

– Посетителя зовут Макар Андреевич Илюшин, – стараясь говорить спокойно, доложил Трюхин. – Он – частный детектив и просит принять его по вопросу, связанному с его помощником, неким Сергеем Бабкиным.

– Почему я должен выслушивать эти фамилии? – сухо осведомился Перигорский.

– Илюшин утверждает, что его помощник проник в клуб и находится в данную секунду на нашей территории, – аккуратно объяснил безопасник.

В трубке опять повисло молчание.

– Проводи его ко мне, – сказал наконец директор и очень мягко положил трубку на аппарат. «Звук. Не забыть приглушить звук».

На вошедшего спустя три минуты посетителя Перигорский уставился с удивлением, быстро сменившимся злостью: он ожидал увидеть серьезного человека, а увидел мальчишку. Если бы в кабинете остался Трюхин, Игорь Васильевич поинтересовался бы у него, по чьему скудоумию сюда пустили этого типа. Но начальник службы безопасности знал, когда можно остаться в кабинете, а когда лучше держаться от директора подальше. Сегодня был как раз второй вариант.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – с отвращением в голосе предложил Перигорский, держа под рукой кнопку вызова охраны – на всякий случай.

Худощавый парнишка лет двадцати четырех, с симпатичным лицом, светловолосый, улыбчивый и сероглазый бодро прошел по директорскому кабинету, оставляя за собой мокрые следы, и уселся в кресло.

– Вы сообщили охране... – начал Перигорский.

– Как вас зовут? – перебил его парень, глядя на директора «Артемиды» спокойно и благожелательно.

Игорь Васильевич замолчал, с удивлением воззрившись на наглеца.

– Моя фамилия Перигорский, – произнес он после полуминутного молчания, убедившись, что парень по-прежнему спокоен, как удав. – Зовут – Игорь Васильевич.

– Начальник охраны сказал, что вы возглавляете клуб. Это правда?

– Я – директор «Артемиды». Что значит...

– Ваша охрана, Игорь Васильевич, – сборище некомпетентных идиотов, – светски улыбаясь, перебил его посетитель. – Мало того, что мой напарник прошел мимо них без всяких сложностей, так они еще пятнадцать минут не могли разобраться, пускать меня или нет, и если пускать, то к кому. А ведь пятнадцать минут – это время, Игорь Васильевич, время...

Он покачал головой с сокрушенным видом.

– Кто вы такой? – резко спросил директор.

– Меня зовут Макар Андреевич Илюшин, но отчество необязательно, можете называть меня просто – Макар. Я занимаюсь частными расследованиями, в основном – розыском пропавших людей.

– Продолжайте, – подумав, попросил Перигорский.

– Прежде чем я продолжу, хочу у вас спросить. Где сейчас мой помощник и в каком он состоянии?

Игорь Васильевич Перигорский очень быстро подобрал выражения, которыми он хотел объяснить посетителю, куда тот может отправляться со своими вопросами, но тут парнишка чуть наклонился вперед и сцепил перед собой руки, пристально глядя на Перигорского.

И директор пейнт-клуба «Артемиды» вдруг увидел, как на глазах меняется сидящий перед ним человек. Доброжелательность и открытость куда-то исчезли, ничего не значащая улыбка стерлась с лица посетителя, и он повзрослел на добрый десяток лет. Парень подобрался и стал похож на не очень крупную, но очень опасную собаку – Игорю Васильевичу отчего-то пришли на ум сухощавые поджарые доберманы, которых он не любил и побаивался. В глазах посетителя Перигорский прочитал... угрозу? Игорь Васильевич не очень хорошо разбирался в людях, но обладал чутьем, подсказывавшим ему, что уместно говорить и какую интонацию выбрать в беседе с тем или иным человеком. Перигорский понял, что секунду назад выбрал неправильную интонацию.

– Ваш помощник, – после паузы сказал без выражения Игорь Васильевич, – был задержан на одной из «сцен». Поскольку специалисты внутренней охраны предварительно оценили его как человека физически подготовленного и способного оказать сопротивление, то для общей безопасности его усыпили. Укол совершенно безвреден, – неожиданно для самого себя заторопился он, хотя Илюшин даже не пошевелился на стуле. – Легкая головная боль... сухость во рту... Ничего страшного. Он сейчас находится в одном из помещений, ждет...

Перигорский не стал добавлять, что пойманный, проснувшись раньше

ожидаемого времени, вырубил охранника, караулившего его в комнате, и почти добрался до второго, за дверь, прежде чем его нейтрализовали новым уколом. Как ни странно, но вторая доза подействовала не сразу, и здоровенный помощник посетителя успел разрушить все, находящееся в комнате в пределах его досягаемости, в том числе кровать – как считалось, надежно привинченную к полу. И только точный и сильный удар одного из прибежавших охранников положил конец буйству. Документов при нарушителе покоя не оказалось. Охрана сняла его отпечатки пальцев, но пробить их по базе до понедельника не было никакой возможности, и Перигорский мучительно размышлял, кем же может оказаться идиот, пробравшийся в его владения. А самое главное – что с ним делать дальше.

Игорь Васильевич поначалу не сомневался, что буйан – журналист, получивший заказ на горячий материалчик: секретность вокруг «Артемиды» многим не давала покоя. Но его навыки рукопашного боя заставляли предполагать куда худшие варианты – например, проникновение в клуб наемного убийцы. Впрочем, маршрут визитера отследили по камерам, и сложилось впечатление, что в клуб он попал, в общем-то, случайно, да и по первой «сцене» шатался беспорядочно, что никак не соответствовало версии с наемником.

– Ага, – кивнул Илюшин, всматриваясь в непроницаемое лицо хозяина кабинета – немолодого, тощего, совершенно лысого. – Что ж, так я и предполагал. В таком случае могу сообщить вам следующее: в настоящее время мы ведем поиски молодой женщины, Виктории Сергеевны Стрежиной. По имеющимся данным, она вылетела три недели назад на Соломоновы острова, но в назначенное время не вернулась к обратному рейсу. Не вдаваясь в подробности, могу сказать: мы пришли к выводу, что Стрежину удерживают на одном из островов в изоляции и за ней наблюдают. Скорее всего, ставят нечто вроде эксперимента по выживанию человека в экстремальных для него условиях, в первую очередь – экстремальных с психологической точки зрения. Подчеркиваю, все изложенное – лишь гипотезы.

– При чем здесь мой клуб? – пожал плечами Перигорский, стараясь не показывать, что рассказ его заинтересовал.

– Стрежина долгое время работала секретарем у одного из ваших клиентов, Аслана Коцбы. – Илюшин отметил, что нижнее правое веко собеседника едва заметно дернулось при упоминании имени директора фирмы «Юго-запад». – Мы навели справки о Коцбе и, разумеется, вышли на ваш клуб.

– И решили, что мы имеем отношение к похищению, – понял Игорь

Васильевич.

– Предположили, – поправил его Макар. – Только предположили. К сожалению, мой помощник начал действовать без предварительного согласования со мной, и вот результат.... – Он с виноватым видом развел руками. – Если вам был причинен ущерб, мы, конечно же, компенсируем его. Что вы скажете?

Глава 10

Бабкин очнулся от боли под ребрами: его неделикатно пихнули в бок.

– Подъем! Отдых закончен, – грубо проговорил кто-то над ухом.

Сергей разлепил глаза и обнаружил наклонившегося над ним пухлого мужика, которого встретил на выходе из теплицы. Сейчас перьев на голове у того не было, хотя повязка осталась. Бабкин приподнялся, потер виски, в которых что-то беспрерывно гудело, и хрипло спросил:

– А перья куда дел? Индейцам вернул?

– Воткнул тебе в зад, – отрезал мужик. – Вставай, любопытный.

«Любопытный»... Проклиная себя за глупость и неосторожность, Сергей спустил ноги с кровати на пол, одновременно обдумывая, не попробовать ли нейтрализовать бывшего индейца. Но тотчас осознал, что в лучшем случае его попытка ничего не даст, а в худшем приведет к большим неприятностям, поскольку за пухлым возвышались два «шкафа» с невыразительными славянскими лицами. Бабкину смутно помнилось, как один из «шкафов» ткнул его шприцом второй раз, и он догадывался, что при очередной попытке сопротивления одним усыпляющим средством дело не ограничится.

Его вывели в коридор и повели светлыми переходами. «Руки не связали – и на том спасибо, – размышлял Бабкин. – Значит, не боятся, что начну драться». Он попробовал сжать пальцы в кулак и сразу понял, почему его оставили свободным: тело было расслабленное, словно ватное. Наверняка тюремщики знают о действии средства, усыпившего его, и считают излишними дополнительные меры предосторожности. «Правильно считают, – с тоской думал Сергей, ощущавший, что каждый шаг дается ему с трудом, словно к подошвам привязаны кирпичи, – некуда мне деться. Черт, что же они дальше будут делать?»

Спустя пять минут шатаний по длинным коридорам скептически настроенный Бабкин, совершенно не веривший в законопослушность хозяев и персонала клуба «Артемиды», начал предполагать худшее. Но тут провожатые остановились перед очередной дверью, и пухленький постучал.

– Можно к вам? – спросил он, просунув голову внутрь. – Да, оклемался.

«Вот сейчас мне и предстоит встреча с главным злодеем», – понял Бабкин.

Его несильно толкнули в спину, он ввалился в кабинет, и первым, кого он увидел, был Макар Илюшин, сидящий на стуле, небрежно закинув ногу на ногу.

– Он, – кивнул Макар, сделав скорбное лицо и поворачиваясь к высокому, похожему на богомола, человеку, восседавшему за столом с хмурой физиономией. – Можно забирать?

– Упаковать или так довезете? – В голове богомола звучал неприкрытый сарказм, и обращен он был, как показалось Сергею, не к Илюшину, а к нему самому.

В углу раздался смешок, и, повернув голову, Бабкин, полностью потеряв ориентацию в происходящем, увидел лицо, знакомое ему по интернетовским фотографиям. Мужик был смугл, чисто выбрит и поглядывал на Бабкина с чуть презрительной насмешкой. «Аслан Коцба, руководитель „Юго-запада“. Что происходит?!»

– Довезу, – махнул рукой Илюшин. – Спасибо, Игорь Васильевич, и вам, Аслан Сардович. – Он кивнул головой Коцбе. – Приятно было с вами пообщаться.

– Надеюсь, не в последний раз, – учтиво ответил хозяин кабинета. – Хоть повод для знакомства и не самый приятный.

– Еще раз спасибо за то, что пошли мне навстречу, – повторил Макар с совершенно искренними интонациями.

– Если бы это помогло, – хмыкнул Коцба, косясь на застывшего Бабкина.

– Помогло, не сомневайтесь. Всего хорошего, прошу простить нас за беспокойство.

Два человека одновременно кивнули, и Макар, подхватив куртку со спинки стула, шагнул навстречу напарнику.

– До свиданья, – пробормотал тот, чувствуя себя полным идиотом, и вышел вслед за Илюшиным.

– До свиданья, – кивнул он у дверей пухленькому и двум его помощникам.

– До свиданья, – повторил он, проходя мимо охраны на выходе, очень подозрительно изучающей и его, и Макара.

– Заело пластинку? – усмехнулся Илюшин. – Можешь для разнообразия использовать другие выражения. «До скорой встречи», например. Или – «искренне рад был повидаться». Или... Ага, вот и машина.

Они уселись в подъехавшее такси и спустя полчаса входили в квартиру Макара, где все было точно так же, как утром, за исключением фотографии

Вики Стрежиной, лежавшей на столе. Только она напоминала все еще плохо соображавшему Сергею о поездке в пейнт-клуб.

Залпом выпив полграфина воды, Бабкин протопал из кухни в зал и свалился на диван. Илюшин, задумчиво изучавший рисунок в блокноте, взял карандаш и решительно заштриховал кустики с подписью «Артемиды».

– В твоей безумной вылазке есть один большой плюс, – заявил он. – Мы узнали, что Перигорский со своим клубом не имеет никакого отношения к похищению Стрежиной.

– Что значит – узнали? – встрепнулся Сергей. – Макар, что произошло?! Как ты попал в клуб?

– Начнем по порядку. Узнали – значит, получили достоверное представление о чем-либо. Что произошло – почти ничего, не считая того, что я побеседовал с Коцбой и Перигорским, рассказал им честно и без утайки о наших сложностях и получил адекватный ответ. Как я попал в клуб – ножками-ножками, мимо охраны. Еще вопросы? Я готов ответить на них исчерпывающе, поскольку мое первоначальное намерение хорошо прочистить тебе остатки мозгов, мой импульсивный друг, сменилось чувством удовлетворения от результативной работы.

– Ты рассказал им правду? – не поверил Бабкин, с трудом поворачивая шею, которая, казалось, сейчас начнет скрипеть. «Черт, что они мне вкололи?!» – С ума сошел?! Они убьют девчонку сегодня же, если уже не убили.

– Сильнодействующее средство, – вполголоса заметил Илюшин самому себе. – И физическую активность парализует, и умственную. Впрочем, для второго большой дозы не понадобилось бы. «Хватит и половины дозы», – голосом рекламного персонажа объявил он.

– Да ты прекратишь издеваться?! – не выдержал Бабкин и чуть не охнул от боли в шее. – Макар, скажи, что ты пошутил! Ты не мог ему выдать все, как на духу!

Илюшин укоризненно покачал головой:

– В конце концов, твоя поездка обернулась нам во благо, и это единственная причина, почему я готов делиться с тобой своими очень, очень умными мыслями. Основная умная мысль какая?

– Какая? – автоматически повторил Сергей, морщась от боли в висках.

– «Честность – лучшая политика». Как только я понял, что ты каким-то образом забрался в клуб...

– А как ты понял? – перебил его Сергей.

– Во-первых, ты пропал на три часа и выключил телефон. Вряд ли ты

стал бы метаться вокруг ограды, нарезая круги, – такое даже для тебя чересчур. Значит, ты все-таки проник внутрь. Во-вторых, я всегда полагал, что к народным мудростям стоит прислушиваться. Прислушался – и оказался прав.

– Каким народным мудростям?

– «Дуракам везет», – с удовольствием огласил Макар. – Правильная мудрость, работающая. Тебе должно было повезти – и повезло. Что ты застыл?

Бабкин задумчиво смотрел в потолок, вспоминая, как его угораздило связаться с Илюшиным и каким местом он в то время думал. Не вспомнив ничего конкретного, он прикрыл глаза и медленно выдохнул.

– Давай вернемся к вопросу о честности, – попросил он. – Как только ты понял, что я – на территории клуба...

– Нет, я понял другое: что ты был на территории клуба, а затем тебя, естественно, схватили. Я мог допустить, что внешний периметр охраняют недоумки, но внутренняя охрана должна быть профессиональнее. Так и оказалось. Заметь, тебя даже не избили, – в голосе Макара прозвучало легкое сожаление. – Чисто взяли, грамотно. Так вот, затем я просчитал два варианта: первый предполагал, что Аслан Коцба и есть наш экспериментатор (или один из них), а «Артемиды» – своего рода полигон для испытаний. В таком случае директор клуба не мог не быть в курсе происходящего, а скорее всего – принимал бы в эксперименте активное участие. В зависимости от того, что удалось тебе узнать, тебя бы либо немедленно убрали, как Липатова, либо задержали и постарались выкачать все, что ты знал.

– А второй вариант?

– Второй вариант заключался в том, что все наши предположения ошибочны, и клуб не имеет отношения к Стрежиной. Тогда тебя бы не убили сразу, а оставили до прихода в сознание, чтобы выяснить, кто ты есть таков, добрый молодец, и зачем полез в «Артемиду».

– И что из этого следует?

– То, что нужно встретиться с человеком, принимающим решения, – удивленно ответил Илюшин. – То есть с одним из руководителей клуба.

– Зачем? – по-прежнему не понимал Сергей.

– Чтобы выяснить, имеет ли он отношение к исчезновению Стрежиной.

Бабкин перекатился на живот и поднял на напарника округлившиеся глаза.

– Прости за нескромный вопрос: а как ты собирался это выяснить? У

тебя заваялся дефицитный детектор лжи, дающий стопроцентную гарантию?

– Зачем же? – невозмутимо отозвался Илюшин. – Есть не менее действенные способы. Я слегка вывел директора клуба из себя, дезориентировал и затем рассказал о нашем деле, отслеживая его реакцию. Собственно, по реакции я и убедился, что Перигорский ни при чем. А допустить, что в клубе происходят вещи, о которых Игорь Васильевич не в курсе, я не мог, ибо он, как я успел узнать до поездки в клуб, держит в руках все управление «Артемидой», одновременно являясь ее учредителем. Так вот, я честно изложил ему причины, которые привели меня к нему в гости. Рассказал о пропавшей девушке, о наших подозрениях по поводу одного из его клиентов, а также о том, что ты решил самостоятельно проверить причастность Коцбы к исчезновению Стрежиной. В ходе рассказа я практически убедился, что Перигорский впервые слышит фамилию Стрежиной, и в качестве пробного камня попросил разрешить мне поговорить с Коцбой.

Бабкин моргнул.

– И он разрешил? – спросил Сергей, устав удивляться.

– Разумеется. Все дело в честности, говорю тебе. Стоило уважаемому Игорю Васильевичу убедиться, что мы с тобой не журналисты, а наши поиски совершенно не опасны для его заведения, как он открыл мне все тайны своего клуба и предложил пообщаться с любым из клиентов.

Сергей перевернулся на спину и постарался трезво обдумать рассказ Макара. По прошествии пяти минут он пришел к одному, совершенно определенному выводу, который не замедлил озвучить.

– Илюшин, ты врешь, как сивый мерин, – уверенно сказал Бабкин, считая трещинки на потолке.

– Что, неужто действие лекарства заканчивается? – расхохотался тот. – Вру, конечно. Но не во всем...

После объяснения странного посетителя, оставившего у Перигорского ощущение готовящейся ловушки, Игорь Васильевич вышел из кабинета, приказав охране находиться рядом с визитером и не допускать тех ошибок, что были допущены с предыдущим гостем. Конечно, на первый взгляд Илюшин явно уступал своему помощнику в физической силе, но Перигорский решил перестраховаться.

Полчаса Макар провел в кабинете, дремля под бдительными взорами двух охранников. Он понимал, что директор попыбует связаться с людьми, знающими, кто такой Макар Илюшин, а потому от него, Макара, больше

ничего не зависит. Он сделал все, что мог: продемонстрировал свои честные намерения, очень насторожил директора, но насторожил – *правильно*. В нем не должны были заподозрить проходимца, совсем наоборот. И когда Перигорский вернулся в кабинет, Илюшину хватило одного взгляда на его лицо, чтобы понять – он провел партию в нужном ключе. В то, что честность – лучшая политика, Макар не верил, но в том, что создание иллюзии честности необходимо, никогда не сомневался. И совершенно неважно было, что стояло за этой иллюзией: выдумка или же – редкий случай – действительно правда.

Илюшину повезло: Перигорский связался с людьми, один из которых два года назад лично работал с Макаром. На первый взгляд это была чистая случайность, но Илюшин знал: настоящие случайности бывают очень редко. Хорошая, добротная случайность должна быть тщательно подготовлена – возможно, не за один год. Два года назад встречаясь и беседуя с человеком, ныне давшим информацию о Макаре директору «Артемиды», Илюшин предчувствовал, что подобная ситуация может возникнуть, и приложил максимум усилий, чтобы составить о себе нужное впечатление. Он не ошибся.

– Очень толковый мужик, – сказал собеседник Перигорскому. – Если будет у тебя в союзниках, много приобретешь.

– На хрен он мне в союзниках сдался. Мне нужно узнать, чего ему у меня понадобилось.

На том конце провода послышался короткий смешок.

– Тут я тебе помочь не могу, Игорь, извини. Да ты мне и не затем звонишь. Ты спросил – я ответил: работать с ним можно и нужно, человек он незаурядный. К работе с «Регатой» тогда именно его подключали.

Ключевое слово было произнесено: Перигорский знал об упомянутом случае и знал, к чему привело неофициальное расследование. Фраза о «Регате» приравнивалась к рекомендации, а рекомендация собеседника Игоря Васильевича высоко ценилась.

– Весьма себе на уме, – добавил человек, работавший с Макаром. – Но я бы ему доверял. Насчет тебя не знаю.

Специфика деятельности «Артемиды» была такова, что доверять Перигорский не собирался никому. Но для Илюшина и его напарника, проникшего на охраняемую территорию, видимо, предстояло сделать исключение.

Однако после того, как Игорь Васильевич вернулся, его ожидал еще один сюрприз.

– Я попросил его объяснить, чем занимается «Артемиды», – невинно сказал Илюшин, поглядывая на напряженно слушающего Бабкина.

– Так он тебе и рассказал!

– Зря ты так скептически относишься к людям, мой недоверчивый друг. Большинство искренне готово делиться с тобой знаниями, особенно если показать им минусы их таинственности. Перигорский решил, что в его интересах будет от меня ничего не скрывать, тем более что в происходящем в клубе нет криминала. Ну просто совершенно. И не смотри на меня так недоверчиво. Более того, господин Коцба – умный человек, и весьма, – подтвердил его рассказ, поскольку понимал, что без ответов на вопросы мы все равно не уйдем, раз уж благодаря тебе влезли в это дело. Проще было откупиться от меня информацией. Все очень просто. Приятно иметь дело с понимающими людьми.

– Ну хорошо, – сдался Бабкин, чувствуя, как боль уменьшается, – ты побеседовал с Коцбой и Перигорским, каким-то неммыслимым образом убедил их рассказать о клубе и заодно сам убедился, что они не участвовали в исчезновении Стрежиной. Тогда объясни мне, ради бога, пока у меня не поехала крыша, что там на самом деле происходит?!

– Да ничего из ряда вон выходящего, – пожал плечами Макар. – Хотя продумано все на совесть...

– Все, что мы делаем, – это помогаем нашим клиентам расслабиться. – Голос Перигорского был мягок и убедителен, как у хорошего психотерапевта. – Вы сами понимаете, насколько важно полное расслабление для трудооголиков, уход от реальности, хотя бы на время. А ведь наши клиенты просто помешаны на своей работе, иначе они не добились бы таких успехов. Им важно восстановиться не за две недели, потому что им катастрофически не хватает времени на полноценный отдых, а за очень короткий срок. Например, за полдня. Или за день. Вы скажете, что для этого существуют различные способы релаксации, обкатанные в течение многих лет, не так ли? Но уверяю вас, в том, чтобы создать элитный бордель, нет ничего интересного, к тому же бордель вовсе не решает проблему. Даже если вы наймете прекрасных массажистов, превосходных врачей, построите бани-сауны и добавите прочие составляющие, все, что вы получите в результате, – очередное ублажение тела. И не более, господин Илюшин, не более того. Банально, старо и, к сожалению, неэффективно.

Нет, мы изначально ставили перед собой совершенно иную задачу. Раскрепостить мозг, успокоить душу, удовлетворить самые сокровенные

желания – неосознанные, заметьте! А для этого клуб должен быть ориентирован на индивидуальность – вот потому в нем так мало членов. Но зато под каждого подобрана индивидуальная программа с учетом всех, даже, казалось бы, самых незначительных его особенностей. С нашими клиентами работают – могут сказать без малейшего преувеличения – лучшие психологи. Они составляют профиль, в который, кстати, со временем вносятся коррективы, подбирают подходящую программу, а наша цель – осуществить ее максимально реалистично. Конечно, наши клиенты знают, что все происходящее – только иллюзия, игра. Но во время игры они должны полностью погрузиться в нее, поверить...

Да, в основе всего, разумеется, секс. Но не только он. Если клиент неосознанно жаждет испытать страх, он его испытает. Если мечтает перевоплотиться в индейца, мы предоставим ему такую возможность. Секс-игра? Да, конечно, но у нее есть одна принципиальная особенность – это секс-игра с полным отрывом от реальности, убедительная настолько, насколько может быть убедительной фантазия, воплощенная другими людьми. Если бы вы были нашим клиентом и мечтали стать нимфой, за которой гонится фавн, вы бы ею стали.

Ну конечно, именно потому первая «сцена», как мы называем наиболее часто используемые декорации, изображает лес. Подумайте сами, сколько заманчивых сюжетов происходит в лесу! Вы могли бы стать Адамом или Евой, либо – змеем-искусителем; вам доступно превращение в любого из героев Жюль Верна. Между прочим, один из наших клиентов предпочитает именно героические сюжеты для подростков: он видит себя покорителем джунглей, освобождающим прекрасную англичанку из плена индейцев. А Маугли! А Тарзан! А Питер Пэн! Вы даже не можете представить, Макар, какие любопытнейшие мечты, возникшие на основе этих сказок, таятся в душах наших клиентов. Нужно лишь помочь им раскрыться, и для этого есть группа психологов.

Что на двух других сценах? По периметру оранжерей – деревья, а внутри... Откровенно говоря, мне не хотелось бы раскрывать вам всю нашу кухню. Вторая и третья сцены сконструированы таким образом, чтобы их можно было легко менять. Не исключено, что у вас будет возможность увидеть их декорации. Они тоже очень интересны, как и первая, хотя на них затрачено меньше сил и средств.

Теперь вы понимаете, почему вторжение вашего помощника было... э-э-э... мягко говоря, нежелательным. Разумеется, репутация клиентов для нас превыше всего. Представьте, если бы вы узнали о том, что по средам ваш деловой партнер ловит Робин Гуда, а затем получает награду от

шерифа и его юных подданных? Или по четвергам попадает в плен к яростным амазонкам, которые подвергают его плоть мучениям? И все убедительно, без малейшей фальши, без сбоев... А потому наши клиенты должны быть уверены в полной защите – иначе они просто-напросто не смогут раствориться в игре, а, значит, она потеряет смысл.

У нас работают профессионалы. Имитация реальности, причем сказочной реальности, обходится недешево, но никто из клиентов не ушел за все время существования клуба. Представьте: раз в неделю у вас была бы возможность попасть в другой мир, где вы сами выбираете себе роль. Неужели вы бы отказались?

Признаюсь вам, мы боимся утечки информации. Кто ее не боится, скажите? В определенном смысле мне следует быть благодарным вашему помощнику и вам, поскольку вы показали, насколько несерьезна защита, в которой я был так легкомысленно уверен. Это будет исправлено, конечно. В ближайшее время.

Что, простите? Граница дозволенного? Хороший вопрос... Нет, господин Илюшин, я вижу сомнение на вашем лице, но оно необоснованно, уверяю вас. Граница проходит по Уголовному кодексу. Поймите, я должен заботиться не только о клиентах, но и о команде, поскольку именно от команды зависит уровень нашего индивидуального перформанса. Повторяю вам снова: никаких истязаний плетью, удушений, избиений младенцев. Да, такие клиенты были, не скрою. Точнее, они не стали клиентами, а остались лишь гостями на один раз: пришли, высказали свои желания – явно или скрыто – и покинули клуб. А поскольку никто из них в точности не знал, что его может ждать, мой отказ они восприняли как признание неспособности удовлетворить их желания. Пусть, пусть... Такого рода клиенты легко найдут то, что ищут, в десятке других мест. Но не у меня.

Знаете, господин Илюшин, есть особый смак для хорошего повара кормить именно привередливых и разборчивых гостей, которые понимают толк в его кухне. Мое сравнение понятно? Само собой, гость ни в коем случае не должен чувствовать, что его отсеяли – отбраковали, так сказать... Но одноразовые убогие затеи меня не интересуют. Такому клиенту быстро прискучит наше развлечение, а для нового его фантазия не подготовлена.

Конечно, сюжеты варьируются. Я же объяснил вам: профиль, составляемый психологами, меняется со временем, и игра должна следовать за изменившимися потребностями клиента. Ваш помощник? Да, именно так – стал свидетелем одного из сюжетов: не самого любопытного, но неизменно популярного.

Вот и все, господин Илюшин. Как видите, ничего, имеющего отношение к вашему делу, здесь нет. И уверяю вас, что ни одному из наших клиентов не пришло бы в голову воплотить тот сумасбродный план, о котором вы мне рассказали, потому что, если бы им захотелось чего-то подобного, они воплотили бы это здесь, у нас, без малейшей опасности и реальных угроз для жизни. Я бы даже сказал, что наш клуб – лучшее алиби, какое может быть: не в банальном смысле, а в глобальном, мотивационном. Вы искали не там, господин Илюшин.

Игорь Васильевич замолчал и откинулся в кресле, созерцая собеседника из-под прищуренных век. Жаль, что даже этот неглупый сыщик не сможет в полной мере оценить то, что придумал и воплотил в реальность он, Перигорский. Большинство людей не в состоянии осуществить даже свои собственные мечты; немногим все же удается реализовать их. Но таких, которые могли бы осуществлять мечты других людей, – единицы! И он – один из них!

Маленький Игорь считал себя серостью, ничем не выделявшейся среди сверстников – ни умом, ни чувством юмора, ни храбростью, и в глазах сверстников он и был серостью. Подростком он придумывал планы, как выделиться, завоевать всеобщее внимание, – и отбрасывал их один за другим. Его планы, он чувствовал, были банальны до пошлости: разбросать одной левой пятерых хулиганов, защищая Машку Ямпольскую, на глазах у всей школы забить десять голов подряд, отбрить записного остряка Вальку так, чтобы потом вся школа цитировала перлы Игоря... Убого, убого, да к тому же обеспечивает лишь однодневный успех и внимание. Не этого хотелось подростку Игорю Перигорскому. И он продолжал придумывать фантастические идеи, и чем ярче и красочнее они были, тем менее заметным становился Игорь в реальной жизни.

На правильный путь его натолкнула случайность. Красавица Машка Ямпольская как-то пожаловалась подружке, что потеряла пустячок, подаренный ей дедушкой много лет назад, – стеклянный золотистый шарик, похожий на янтарный. Игорь слышал разговор краем уха. Он знал, о чем идет речь: Машка при нем несколько раз вынимала шарик из портфеля и крутила его в пальцах – эта привычка помогала ей успокоиться. Знал он также, что дедушка Ямпольской умер несколько лет назад. Но дура Лапкина вместо того, чтобы посочувствовать, отмахнулась от подруги, посоветовав «наплевать и спустить проблемки в унитаз». Машка покивала, разговор о шарике прекратила и, казалось, снова повеселела.

Игорь выкинул подслушанную беседу из головы и вспомнил о ней только вечером, когда мать зажгла настенный светильник, и он увидел, как

покачиваются вокруг лампочки стеклянные желтые шарики. Минуту он смотрел на них застывшим взглядом, а затем, дождавшись, пока мать выйдет из комнаты, подошел к светильнику, осторожно отцепил один, самый дальний, висевший у стены. Шарик был гладкий и горячий на ощупь и посверкивал, когда Игорь поворачивал его.

А на следующее утро Перигорский подошел к Машкиной парте и выложил свой трофей на раскрытый учебник. Несколько секунд Ямпольская смотрела на шарик, и лицо ее не выражало ровным счетом ничего. Затем оно изменилось. Она взяла шарик двумя пальцами, осторожно, словно он был драгоценностью, и поднесла к глазам. Перевела взгляд на Игоря и тихо спросила:

– Откуда?

– Какая разница? – Перигорский пожал плечами. – Главное – где он сейчас. Не теряй.

Кивнул независимо и пошел к своей парте.

Ямпольская с тех пор прониклась к Игорю благодарностью, но у того и в мыслях не было использовать удачу в корыстных интересах. Он упивался чувством, которое испытал, глядя на ошеломленное, а затем счастливое лицо Машки, когда на несколько секунд для нее не было никого вокруг, кроме него, Игоря Перигорского! Он ощущал себя одновременно и немножко волшебником, и благодетелем, и покровителем, а бескорыстие возвеличивало его в собственных глазах. Вот она, возможность не только привлечь внимание, но и вызвать уважение вкуче с восхищением!

Небольшое происшествие, как ни странно, изменило Игоря: теперь он чувствовал себя куда увереннее, чем раньше, а теплое отношение самой красивой девочки класса заставило остальных одноклассников смотреть на него другими глазами.

Закончив институт, Перигорский пошел работать по специальности и к тому времени, разумеется, давно уже не думал о том, чтобы выделиться таким экстравагантным способом, как исполнение чужих желаний. Но когда подвернулся на редкость удачный случай и нашлись люди, готовые дать деньги под проект, в голове Игоря Васильевича сама собой сложилась полная картина, в центре которой вращался золотистый шарик, подаренный маленькой Маше Ямпольской любящим дедушкой.

– Ты ему веришь? – спросил Бабкин, выслушав Макара.

Сам он буквально с первых слов Илюшина понял, что в объяснение Перигорского вписывается все: и дикая сцена, которую он наблюдал, и странный лес в оранжерее, и обращение с ним, Бабкиным... Но оставался

шанс, что более проницательный Макар найдет зацепку, которая поможет разрушить историю директора «Артемиды».

– Перигорскому – да. Что-то он, безусловно, утаивает. Кстати, я не верю в то, что на территории клуба не происходит ничего криминального – нет, наверняка происходит, но никакого отношения к Стрежиной это не имеет. Наверняка у них бывают мелочи: какой-нибудь наркотик, вводящий игроков в легкий транс и эйфорию, возможно – случаи срыва клиентов на актерах... Ерунда, одним словом.

– А Коцбе веришь?

Макар отрицательно покачал головой:

– Он из тех людей, которые всей правды не говорят никому и никогда. К тому же пока он – основной подозреваемый, имевший и средства и, возможно, мотив. Но если «Артемиды» не имеет отношения к случившемуся со Стрежиной, то как мог Аслан осуществить такой замысел? Кто ему помогал? Что-то мы с тобой проворонили, Серега. Что-то проворонили...

Бабкин молча кивнул и закрыл глаза. После слов напарника о том, что тот верит рассказу Перигорского, его начало неумолимо клонить в сон. Уже проваливаясь в дремоту, Сергей протянул руку и нащупал на столе фотографию Вики Стрежиной.

– Может, дельного экстрасенса найти? – услышал он голос Илюшина.

Бабкин хотел огрызнуться, что ему не до шуток, но внезапно понял, что Макар не шутит, и это окончательно убедило его в том, что дела их плохи. Если скептик Илюшин предложил найти человека, который решит за них проблему, значит, шансы отыскать Стрежину очень невелики.

* * *

Последние четыре дня Антон больше не проваливался в черную яму. Он находился в каком-то тяжелом гнетущем полусне, и, хотя боли в затылке постепенно уменьшались, Липатов, пожалуй, предпочел бы боль своему теперешнему состоянию. Он ощущал огромное равнодушие ко всему, что с ним происходило, и визиты врача и медсестер не выводили его из полусна, а вплетались в него. Реальностью было другое – увиденный им остров, по которому брела маленькая фигурка, но, как Антон ни старался, больше остров перед ним не появлялся. Липатов чувствовал, что исчезновение острова и уменьшение боли странным образом связаны между собой, но поделать ничего не мог.

Люди на соседних койках менялись, но, что происходило с ними, Антона не интересовало. Он не понимал, почему к нему не приходят два сыщика, которых он нанял, чтобы найти Вику, но спрашивать медсестру было бесполезно, не говоря уже о том, что у Липатова не было на это сил. Даже шепот давался ему с трудом – хотелось заткнуть уши, закрыть самому себе рот, зажмурить глаза и не видеть над собой профессионально внимательного лица. Немота становилась спасением.

«Спи, спи», – заставлял он себя, сам точно не понимая, зачем, но ощущая, что нужно заснуть – заснуть по-настоящему, а не так, как он спал все это время. Про себя он напевал старые колыбельные, всплывшие в памяти из тех времен, когда жива была бабушка, укладывавшая внука спать с напевными песнями. Он делал это серьезно, ответственно, мысленно воспроизводя бабушкины интонации, убаюкивая самого себя. Сны не приходили, но Липатов не сдавался, часами бормоча одни и те же строчки, чувствуя, что в них скрыто то, что ему поможет.

К концу третьего дня бормотания он уснул. Сон опустился на него быстро, словно накрыв цветастым пледом, и Липатов без малейшего удивления увидел себя сидящим на поваленном стволе дерева. За спиной его шелестел лес, перед ним открывалось море, с которого дул свежий пронзительный ветер. Не оборачиваясь, Антон почувствовал, что сзади подходит Вика – маленькая испуганная Вика, за которой по-прежнему, не отставая, двигалось нечто черное, большое, приближалось к ней все ближе и ближе. Антон хотел обернуться, но не смог. Вика остановилась за его спиной, постояла и стала уходить назад. Липатов пытался крикнуть, пытался взмахнуть рукой, чтобы остановить ее, – бесполезно. Черное дохнуло ему в шею, и холод, поднявшись вверх, снова вызвал к жизни боль, угнездившуюся в затылке. Антон застонал и проснулся.

Виктория Стрежина. Остров

Ссадины не заживали. К царапинам на руках Вика более-менее привыкла и лишь морщилась, когда ветки задевали о них. Но на ступнях тоже образовались ранки – она никак не могла вспомнить, откуда они взялись, – и они беспокоили ее все сильнее и сильнее. Маленькие поначалу, постепенно они превратились в трещины, и больше всего девушку тревожило, что вокруг одной из них, над большим пальцем правой ноги, вздувается темно-желтый пузырь, к которому было больно прикасаться.

На ступнях появились волдыри. Вика передвигалась босиком, потому

что давно забыла, где потеряла сандалии, и в последний раз, когда она отсиживалась в лесу, под ноги ей попало жгучее растение. Утром Вика выбралась к морю – ночью она панически боялась подходить к нему – и промыла ноги в морской воде, терпя боль. Но вода не помогла. Волдыри не проходили.

«Я сгнию здесь заживо. Может быть, он именно этого и хочет?»

Она понимала, что неумолимо приближается к сумасшествию, что дикие образы завладевают ее сознанием. Два дня назад Вика очнулась в лесу – она уже давно не думала – «проснулась», лишь «очнулась», потому что сон ее был не сон, а страшное полузабытье, – оттого, что рядом раздавался негромкий скрип. Так скрипят сосны, но на острове не было сосен. Пару секунд она лежала, прислушиваясь, и в следующее мгновение шестое чувство заставило ее вскочить и отпрыгнуть в сторону. Вовремя.

На то место, где лежала Вика, медленно накрываясь, падало дерево. Оно скрипело, отчаянно пытаясь уцепиться корнями за землю, но что-то сильное толкало его, и дерево со стоном поддавалось. Широко раскрыв глаза, девушка смотрела на наклоняющийся все ниже ствол, а затем бросилась прочь, петляя между деревьями. Смешно. Весь лес можно было обежать за двадцать минут, а она пыталась запутать следы. Вика ощутила себя тараканом, бегающим по блюдечку.

Все было ненастоящее – ненастоящий лес, ненастоящие падающие деревья, искусственный песок, желто-белый и твердый, как манная крупа. Только страх был настоящим – выгрызающим ее изнутри, словно голодная крыса. И еще настоящей была боль.

Воспоминания о городе, о прежней жизни растворялись в происходящем вокруг нее. Как-то раз днем Вика отправилась за консервами – она совершала короткие набеги к своей палатке, забирая с собой две-три банки с тушенкой, которых хватало до вечера, и наполняя пластиковую бутылку водой из канистры, – но на выходе из леса упала, споткнувшись о корень, и ударилась головой о ствол поваленной пальмы. Придя в себя, Вика увидела Антона Липатова, сидящего на стволе спиной к ней. Что-то странное творилось с его затылком, как будто волосы на нем чуть шевелились, и Вика почувствовала холод, поднимающийся от коленей к шее. В центре затылка у Липатова темнело углубление, и ей показалось, что шевелящееся вползает туда с негромким хлюпающим звуком. В глазах ее плыли темные пятна – она не знала, сколько пролежала на солнце, – и, часто моргая, чтобы пятна пропали, Вика стала отползать назад, забыв про еду и питье. «Только бы он не повернулся. Только бы не повернулся».

Вика не знала, что увидит, если Липатов повернется к ней лицом, но ей

достаточно было того шевелящегося, что жило на его затылке, чтобы холод добрался до кончиков пальцев, заморозив их, как зимой. «Только бы он не повернулся».

Прижимая к себе пустую бутылку ледяными руками, девушка отползала все дальше и дальше в лес, пока, в очередной раз, сморгнув черную пелену, не увидела, что Липатов пропал. На поваленном стволе никого не было. Но она все равно пересекла лес и дошла до запасов окружным путем по песку, чтобы вновь не наткнуться на мертвого Антона. Возле палатки ее стошнило.

Постепенно панический страх, в котором она все время пребывала, начал сменяться апатией. Вика перестала замечать боль, и лишь распухающий гнойник на ноге заставлял ее постанывать при ходьбе. Она по-прежнему чувствовала, что за ней следят, а однажды на рассвете услышала мужские голоса – высокий и низкий, спорившие о чем-то. Вика понимала, что спорят о ней, но ей стало почти все равно.

Все-таки она поднялась с остывшего за ночь песка, который теперь был повсюду: в ранках, во рту, во всех щелочках и ямках ее тела, – и прошла несколько шагов, хотя знала, что никого не увидит. Они хорошо умели прятаться, в отличие от нее.

Внезапно в ней проснулась злость. Пусть они решат наконец, что с ней делать! Любые издевательства, побои – все, что угодно, но только не выматывающее одиночество! Господи, какой идиоткой она была жизнь назад, когда мечтала попасть на необитаемый остров! Ей ничего не нужно, кроме людей вокруг – любых людей: жестоких, злых, смеющихся... Любых!

Почему ее никто не убивает?!

Чего они ждут?!

ЧТО ОНА ДОЛЖНА СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ ОНИ ПОЯВИЛИСЬ?!

Вика ощутила голод – первый раз с тех пор, как приходили мурены. При мысли о консервах к горлу подкатывала тошнота, но она вспомнила, что в ящиках была и другая еда. Хлеб. Шоколад. Что-то еще, о чем она забыла, хотя осматривала содержимое ящиков очень внимательно. Что-то важное... Решительно мотнув головой, чтобы прогнать остатки мутного, больного сна, девушка пошла вдоль берега, не думая ни о чем, кроме еды. Ей надо поесть. Она очень плохо ела все эти дни, отсюда головокружение, тошнота, постоянная слабость и обмороки. Надо поесть.

Поднимающееся солнце подсвечивало океан так, что он казался розовато-золотым. Вика бросила короткий взгляд на белые камни, на одном

из которых она сидела, спасаясь от мурен, и поймала себя на мысли, что не может вспомнить, как давно это было. Она потеряла счет времени, а ведь ее должны были забрать с острова через две недели после прибытия сюда. Две недели, наверное, уже прошли. Вика начала негромко смеяться и так, смеясь, и дошла до палатки.

Она наклонилась над той коробкой, в которой лежали консервы, и смех ее оборвался. На дне коробки осталось пять банок.

Не веря своим глазам, она метнулась к другим ящикам, пошарила в них руками, подтащила их туда, где было светлее... Достала надорванный пакет и долго смотрела на хлебцы, по которым расползалась яркая синезеленая плесень, похожая на разноцветные снежинки.

Разворачивая обертку шоколада, Вика уже знала, что увидит. Плитка вытекла у нее из пальцев – не шоколад, а сплошной белый налет, под которым еле можно было различить коричнево-кофейное, плохо пахнущее. Она подошла к канистрам с водой. Вода на дне одной канистры... Когда она успела выпить столько воды? Почему она пила, не задумываясь о том, что вода быстро закончится?! Зачем она смывала морскую воду пресной?!

Вика представила, как будет умирать на острове от голода и жажды, и со звериным рычанием бросилась к коробкам. Ей было безразлично, что увидят те, кто наблюдает за ней, – она хотела найти еду, кроме тех пяти банок с тушенкой, которых хватило бы на пять дней! Должна быть еще еда! Может быть, в других коробках, но она найдет продукт!

Яростно вытряхивая все из ящиков на песок, Вика убеждалась с каждым новым опустошенным ящиком, что еды нет. Нет. Она все съела. Пять банок с тушенкой и немного воды – вот весь ее запас. Она вывалила на песок содержимое небольшого ящика, помеченного красным крестом, и замерла перед последним – тем, в котором оставалось пять банок. Заглядывать в него было бессмысленно, но она все-таки вынула консервы, обреченно раскладывая их на песке.

И увидела на дне то, чего не замечала раньше, – тонкий пакет, в котором находилось что-то, почти сливавшееся по цвету с ящиком.

Вика с недоумением достала пакет, повертела его в руках.

Поначалу она не сразу осознала, что в нем, и лишь разорвав одну сторону и вытащив из него странную вещь, все поняла.

В руках у нее была веревка, на одном конце которой болталась петля.

Никаких сомнений быть не могло: Вика держала веревку, предназначенную для того, чтобы она могла повеситься. Петля хорошо скользила, веревка была длинной, и кольца мотка, упав ей под ноги, легли

друг на друга, образуя неглубокий колодец с белым песком на дне. Остолбеневшая Вика потянула веревку, и кольца послушно поползли к ней. Один взгляд на лес убедил ее в том, что там найдется достаточно веток, к которым можно привязать конец веревки, и они не сломаются. Ящики, поставленные друга на друга, выдержат ее вес, и они достаточно легкие, чтобы Вика сама смогла дотащить их до нужного дерева.

Кто-то хорошо все продумал, облегчил Вике путь к смерти, избавляющей ее от ада Острова.

Он не просчитал лишь одного.

Стрежина была из тех людей, на которых можно давить, и они будут подчиняться чужой воле, но лишь до определенного предела. Дойдя до последней границы, после которой человек ломается, они становятся нестигаемыми – неожиданно для окружающих и зачастую для самих себя. Словно одной чертой подводится итог всему, сделанному раньше, но итог этот ровно противоположен ожидаемому: как если бы последний натиск противника не разбивал жалкие остатки армии в клочья, а наталкивался на глухую оборонительную стену там, где еще вчера не было ничего, кроме вырытых наспех окопов.

Сестра Нина, любящая доводить Вику до слез больше от скуки, чем по злобе, несколько раз на себе испытала, к чему приводят ее нападки, если не остановиться вовремя. Как-то раз она развлекалась тем, что в отсутствие родителей отбирала у Вики игрушки – одну за другой. Шестилетняя Вика бралась за кубики – и Нинка тотчас подвигала кубики к себе. Книжка бесцеремонно выхватывалась из рук и отправлялась в шкаф, который Вика не могла открыть сама. Так же последовательно скучающей Нинкой были отобраны у сестры мозаика, деревянный поезд и пластмассовый пони с обгрызленным хвостом.

Нине доставляло удовольствие наблюдать за сестрой, которая сначала надулась, затем губы ее задрожали, и Вика покраснела, как помидор. Следующим этапом должен был стать громкий рев, на который Нинка собиралась ответить брезгливым: «Да подавись ты своими игрушками, рева-корова!» Но до рева не дошло. Когда Нинка, подкравшись, выхватила у Вики старого вязаного щенка Тяпу, подаренного соседкой, – игрушку, горячо любимую Викой, – та вскочила и пошла на сестру с таким выражением, что Нинке стало не по себе. Лицо у Вики стало совсем красным, губы крепко сжались, а в глазах читалась ненависть. Она легко вытолкала оторопевшую Нинку из комнаты, закрыла дверь, собрала все игрушки, которые у нее отобрали, и спокойно играла до тех пор, пока изрядно струхнувшая Нинка не заглянула в комнату – убедиться, что Вика

успокоилась. Девочка и в самом деле успокоилась, однако несколько дней старшая сестра вела себя тихо, опасаясь повторения инцидента.

Пару раз совершив одну и ту же ошибку, Нинка в дальнейшем стала осторожной и никогда в своей травле не доводила младшую сестру до последней степени отчаяния. Она знала, что для нее самой это может плохо закончиться.

В ту секунду, когда Вика Стрежина поняла, для чего в коробку с консервами положили веревку, кошмар, возведенный ее собственным сознанием, рухнул раз и навсегда. Словно кто-то провел чистой тряпкой по мутному стеклу, на котором фантазия подсказывала облики чудовищ, вырванных из ее снов, и стекло осталось лишь стеклом – чистым, прозрачным, за которым можно рассмотреть другой мир. Вернулись в океан мурены, по ночам заполняющие песок под Викиными ногами, растворились в небытии безголовые призраки; люди, преследовавшие девушку, ушли в песок, и только тихое шуршание осталось после них – слабый голос ветра, перекатывающего песчинки. Ушел самый главный страх – страх смерти в одиночестве, наполненном призраками. Петля на конце длинной веревки сделала Викторину Стрежину свободной. Она ясно ощутила, что одна на острове – совершенно одна, и никого не было рядом с ней все прошедшее время, и некого было умолять, чтобы ее отпустили, пощадили, избавили от мучений. В первый раз ее одиночество обернулось свободой.

– Он хотел, чтобы все закончилось именно так, – проговорила она, обращаясь не к неведомому «кому-то», не к пальмам, не к океану, а к самой себе. – Я повешусь, и приключение завершится.

Она подняла голову и посмотрела в ту сторону, где за пальмами и кустами скрывался второй остров. Сходящая с ума, почти сломленная девушка со спутавшимися светлыми волосами, слезящимися от солнца и ветра глазами, обгоревшей кожей стала прежней Викторией Стрежиной – сдержанной, упорной, искренней с другими и собой. Она больше не боялась.

Вика скрутила веревку в моток, надела на руку. Теперь она знала, что нужно делать.

Глава 11

Аслан Коцба вышел из цветочного салона, держа в руках небольшой, со вкусом подобранный букет ирисов и желтых роз, и быстрыми шагами вошел в подъезд старого пятиэтажного дома номер двадцать пять. Стоявший за углом Бабкин в очередной раз возблагодарил судьбу за то, что глава «Юго-запада», несмотря на свой статус, редко пользуется охраной, иначе наблюдение за ним превратилось бы в большую проблему. Оно и так осложнялось тем, что Коцба видел в лицо и Макара, и Сергея, а привлекать посторонних людей к расследованию Илюшин не захотел. Однако отследив все маршруты Коцбы, напарники выяснили, что есть только один непроверенный маршрут, по которому шеф Стрежиной не ездит без шофера. Если по субботам Коцба отправлялся в пейнт-клуб, то во второй половине среды он уезжал из офиса в соседний район и проводил в одной из квартир панельного дома номер двадцать пять около часа. Затем возвращался обратно в офис, а вечером, уже на другой машине, шофер отвозил его домой – к жене и детям.

Бабкин потоптался на месте, дождался, пока за Коцбой захлопнется дверь в подъезд, и направился к цветочному магазину, из которого Аслан вышел две минуты назад.

Спустя час с небольшим шеф «Юго-запада» спустился по вонючей лестнице, раздумывая, не купить ли еще цветов – просто так, чтобы поставить в своем кабинете. Аслан любил сам составлять букеты, не доверяя продавщицам и консультантам в салонах. Ему доставляло удовольствие чувствовать взгляды женщин – сначала чуть удивленные, затем восхищенные. Если удивление продавщицы могли скрыть, то восхищение – никогда: букеты у Коцбы получались необычные, красивые, как говорили сами консультанты – «авторские». На вопрос, где он научился так составлять композиции, Аслан лишь усмехался: этому не нужно учиться. Если любишь цветы и чувствуешь их, букет сложится сам.

Он решил все же не заходить в салон второй раз, тем более что на хороший букет уходило много времени, а на шесть вечера у него была назначена встреча. Сергею Бабкину, разговаривавшему с консультантами в цветочном салоне, повезло.

Ему повезло второй раз, когда из подъезда выбежала молодая девушка, помахала рукой в сторону витрины салона и пробежала к соседнему продуктовому магазину.

– А вот и Катя, – заметила женщина, с которой беседовал Сергей. – Она завтра с утра будет, вы подойдите и сами с ней поговорите.

Бабкин поблагодарил собеседницу, взял купленный для отвода глаз букет и вышел из салона, доставая на ходу миниатюрный фотоаппарат и пристраивая его между стеблей роз. Спустя сорок минут у него имелась отличная фотография любовницы Аслана Коцбы. Рассмотрев ее, Бабкин присвистнул и задумался.

Девушка на снимке была темноволосой копией Виктории Стрежиной.

Привезя снимок Илюшину, Бабкин с удовлетворением наблюдал за удивленным лицом друга.

– Впечатляет, – признал Макар. – Слушай, может, они родные сестры? Как в индийском кино?

– Насчет сестер не знаю. Девушку зовут Катя, последние два года она работает в цветочном салоне рядом с домом. По рассказам ее коллег Коцба навещает ее раз в неделю в течение последнего года, всегда с цветами – или у них покупает, или привозит с собой. Девушка про него ничего им не рассказывает. Они, понятное дело, спрашивают, злятся, но она только отшучивается.

– Занятно, занятно... – пробормотал Илюшин. – Милая цветочница, значит. Про любовника не распространяется, похожа на Стрежину внешне... Ну что же, займемся цветочницей.

Квартира Илюшина давно использовалась им и Бабкиным в качестве офиса, а потому Сергей, съездив домой и переодевшись, вернулся обратно, захватив в ближайшем супермаркете пакет картошки и большой кусок мяса. Макар, лентяй, покупал себе готовую замороженную пиццу, либо заказывал ее по телефону и готов был есть ее три раза в день всю неделю, но у Бабкина при взгляде на яркие квадратные коробки вставал ком в горле. «Хватит жрать суррогаты, – решил он. – Тоже мне, жизнь двух холостяков».

– Девушка, мне вон тот кусок свинины, пожалуйста. Да-да, ближний к вам.

Женившись в двадцать четыре года, Бабкин вытерпел в браке пять лет, а затем попытался сбежать от жены, вцепившейся в него, как клещ. Молодая супруга Ольга на протяжении всей совместной жизни пилила его за то, что он зарабатывает недостаточно денег, выбрал себе непрестижную собачью профессию опера, не уделяет своей жене достаточно внимания и вообще проехался танком по ее молодой жизни. Однако, как только супруг-неудачник попытался положить конец ее страданиям, разведясь с ней, Ольга пошла на беспрецедентные, как говорил Макар, меры по

возвращению строптивного супруга в семейное стойло. Иногда, оглядываясь назад, Сергей сам изумлялся, как он мог вытерпеть столько лет в браке с нелюбимой женщиной, и на что оказалась способна его бывшая жена в попытке защитить свои интересы.

Но за одно Бабкин был искренне благодарен супруге: она так упорно кормила его дешевыми полуфабрикатами, что в конце концов чуть не заработавший язву Сергей освоил самую примитивную кулинарию. Он не любил ресторанов и кафе, в отличие от Илюшина, предпочитавшего не тратить время у плиты, и готовка доставляла ему удовольствие. Было для Бабкина нечто шаманское в разделке мяса, натирании его вкусно пахнущими травками из пакетиков со специями, которые он называл не иначе как «опилки», раскладывании кусков по противню, обливании их вытопившимся золотистым жиром...

– А-а, еда! – обрадовался Макар при виде друга с пакетом. – У меня пицца закончилась.

– И слава богу! Что там у тебя?

В руке Илюшин сжимал маленькую книжку в мятой обложке.

– «Встреча с мечтой»? – хмыкнул Сергей. – Ну-ну...

– Не нунакой. Пока мы с тобой находимся в творческом простое, я вполне могу уделить время знакомству с интересами Вики Стрежиной. Каморкин говорит, племянница эту книжку ему очень советовала. Кстати, неплохо написано. Даже увлекательно.

– Женский роман не может быть увлекательным! – крикнул Сергей уже из кухни. – Я как-то читал один. Очень смеялся. Все мужики там были подонками, но один оказался замаскировавшимся порядочным. Я, правда, так и не въехал, на фига он маскировался. Наверное, чтобы героине угодить. Женщины любят мерзавцев.

– Об этом ты тоже в женском романе прочитал, знаток женщин? – съязвил Макар, заходя на кухню.

Бабкин, загораживая собой весь стол, обваливал мясные куски в какой-то зеленой сыпучей смеси.

– Что за стружки? Чем ты собираешься меня кормить?

– Нас, а не тебя. И не стружки, а опилки.

– А здесь что? – Макар сунул нос в плоску, из которой пахло соевым соусом. – Почему коричневое? Лучше бы пиццу заказали...

– Слушай, ты книжку читаешь? – обернулся к нему Сергей, взмахнув разделочным ножом, к лезвию которого прилип кусочек мяса. – Вот и читай!

Илюшин, сделав обиженное лицо, а в действительности очень

довольный, вернулся на диван и свалился с книжкой. Он любил стряпню Бабкина, хотя искренне не понимал, зачем нужно производить столько ненужных телодвижений, если такого же и даже лучшего результата можно достичь куда менее затратным способом, а именно – поехать в ресторан. Впрочем, объяснение Сергея, что ему нравится под настроение «кашеварить», было для Макара убедительным.

Спустя час из кухни потянуло запахом запеченного мяса. Изрядно проголодавшийся Макар не выдержал и прокрался на кухню, где Бабкин сосредоточенно кромсал свежий укроп.

– Не готово, – сурово встретил он Илюшина. – Картошка должна настояться с укропом.

– Пусть не настаивается, – разрешил Макар. – Я и такую съем. Мясо упрело?

Сергей ссыпал укроп в кастрюльку, из которой выглядывала белая рассыпчатая картошка, быстро очистил дольку чеснока и закинул следом за укропом.

– Вот поедем летом к тетушке в деревню, – бормотал он себе под нос, – она тебя там раскормит, как молочного поросенка. Кстати, их раскармливают? А, неважно. Познакомишься с тетушкой, отъешься, перестанешь пиццу свою поганую лопать, сам научишься готовить[События отпуска Сергея и Макара см. в романе «Темная сторона души».]... В общем, надо до лета дожить – а там устроим себе отпуск! Пять минут! – рявкнул он, отгоняя Макара, пытающегося заглянуть под крышку. – Можешь ты подождать пять минут, а? Или тебе «Встреча с мечтой» так быстро надоела?

– Между прочим, зря ты возводишь поклеп на встречу с мечтой, – возразил Макар. – Автор отличается наблюдательностью, не свойственной писателям женских романов. Сюжетец, правда, слабенький, но зато слог неплохой. Характеристики меткие...

– Ты сейчас звучишь как рекламный агент, – заметил Бабкин, доставая из духовки противень с мясом, вокруг которого пузырилась подливка. – Автор тебе не приплачивает случаев?

– Нет, ты послушай! На чем я остановился? Ага, вот. «Мужчина, появившийся в комнате, на первый взгляд имел вид самый обычный – высокий, крепкого телосложения, с ничем не примечательным лицом. Однако при повторном взгляде становилась заметна некоторая странность его облика: казалось, что у вошедшего нет позвоночника, настолько он был сутул и словно даже бескостен. Все в нем было обвислым: и руки, и подбородок, и даже уши, чудилось, были обвислые».

– Мне не нравится, как написано, – покачал головой Сергей. – Типичный бабский текст.

Илюшин неожиданно рассмеялся.

– Ты что?

– В который раз убедился, как много слабостей у стариков. Михаил Олегович упорно отпирался, что он читал книжку, несмотря на то, что ее подарила ему племянница. Он, видите ли, не читает женских романов!

– Ну и что?

– А когда мы с ним говорили о Рощине, старикан описал его в точности такими же словами. Про обвислость. Мол, и уши у него обвислые, и сам он весь какой-то обвислый. Понимаешь? Он прочитал роман, голову даю на отсечение! Но признаться постеснялся, потому как это несерьезно: такой пожилой человек – и увлекается бульварным чтивом.

Сергей взял книжку, повертел в руках.

– Грустно это все, а не смешно, – неожиданно серьезно проговорил он. – Скажи сам: вот какая, казалось бы, разница Каморкину, что мы с тобой о нем подумаем? Он свое имя уже вписал... не в историю, конечно, но, в общем, куда-то вписал. А точнее, в историю фотографии.

– Хочешь сказать, что он должен быть независим от мнения окружающих? И не пытаться казаться лучше, чем он есть.

– Ну да. Старик побоялся, что ты над ним в душе посмеешься – вроде как совсем старый дурак из ума выжил, романчики дамские почитывает, а не Толстого с Достоевским. А мне бы и в голову не пришло над ним смеяться, да и тебе тоже. После того, как я его фотографии увидел, он мог бы передо мной нагишом расхаживать и подштанниками махать, понимаешь?

– Не совсем, – отозвался Макар, плотоядно облизываясь над противнем. – Наверное, это у меня от голода. Давай уже поедим, а?

– Слушай-ка.... – Спустя пять минут Бабкин отодвинул мясо и теперь макал картошку в соус. – Кого, говоришь, Каморкин описал таким образом?

– Рощина. Кстати, действительно метко – тот и впрямь слегка обвислый.

Картошка, зажата в лапе Сергея, зависла над скатертью, и с нее закапали коричневые капли.

– Серега, проснись, – позвал Макар. – Что тебя вогнало в такие глубокие размышления, мой кулинарно одаренный друг? Мясо отличное, кстати.

– Да, я заметил, что тебе понравилось. – Сергей покосился на

противень, из которого Илюшин вытащил очередной кусок. – Просто вспомнил юного Вениамина. Точно, он обвислый. Хорошее сравнение. Макар, почему у меня такое чувство, будто в общей картине чего-то не хватает?

– Потому что ты картошку недосолил? – предположил тот. – Шучу-шучу, все в порядке с картошкой. Что, предлагаешь копнуть Рощина поглубже? Честно говоря, у меня после встречи с ним тоже осталось ощущение недоговоренности.

Илюшин вспомнил испуг Рощина после «покушения», его объяснение о любовнице и ревнивом муже. Рассказ Вениамина, казавшийся гладким поначалу, в памяти Макара всплыл чрезмерно гладким, лишенным неровностей, крошечных несостыковок, свойственных рассказам о реальной жизни. *Продуманным.*

«Откуда могла взяться продуманность, если Рощин не ожидал нашего появления. Или – ожидал? Или – готовился не для нас?»

Макар понял наконец, что царапнуло его во время беседы с актером. Парень был слишком убедителен.

– Серега, – сказал Илюшин, нахмурившись, – у меня есть простое предложение...

Аслан Коцба бросил на себя короткий взгляд в зеркало. Лицо скуластое, загорелое, хмурое; темные глаза глубоко посажены, на щеке бледный, но все же заметный шрам – так и должен выглядеть настоящий мужчина. Он вспомнил жену, пару раз предпринимавшую робкие попытки облагородить его облик, и усмехнулся краешком губ. Выдвинул ящик рабочего стола, достал оттуда фотографию и долго смотрел на нее.

– Прости меня.

Вернул снимок на место и запер ящик на ключ.

Фотографии они попросили у Каморкина, и тот если и удивился, то ничем не выдал удивления. Молча принес альбом, пролистал, отобрал то немногое, что требовалось сыщикам. Снимки были не самые удачные, и старик, оправдываясь, объяснил, что от него ничего не зависело: что Стрежины ему выдали – то выдали. Впрочем, для целей Илюшина и Бабкина даже фотографий посредственного качества было вполне достаточно.

В кафе они уселись у окна, ожидая официанта. К ним подлетел молоденький вежливый мальчик, Макар быстро перечислил блюда, но, прежде чем довольный крупным заказом официант ушел, выложил на стол

фотографию. Со снимка улыбался красивый парень с правильными чертами лица.

– Знаю, конечно, – кивнул мальчик. – Почти каждый день у нас обедает. Любит, когда я его обслуживаю. Очень известный актер, хочу вам сказать! Во всех фильмах снимается. – На лице официанта была написана явная гордость от того, что он обслуживает человека, снимающегося «во всех фильмах».

– А эту даму вы когда-нибудь видели? Или, может быть, эту?

Официант несколько секунд вглядывался в снимки, затем решительно отложил в сторону первый.

– Эту тетеньку никогда не видел. Да и по одежде это не наш клиент. А ее – видел. Она с ним обедала. – Он кивнул на фотографию Вениамина Рощина. – Пару раз.

Мальчик окинул взглядом любопытных посетителей, и в глазах его появилась настороженность.

– Простите, у меня заказы, – извинился он и отошел в сторону, спрашивая себя, не сболтнул ли лишнего.

На столе между Сергеем и Макаром осталась лежать фотография, на которой сестра Виктории Стрежиной неестественно улыбалась над тарелкой, выложенной кусочками селедки вперемешку с луком.

Вениамин возвращался в свою квартиру, подаренную ему родителями. Рощин всем рассказывал, что роскошный подарок он получил в честь спектакля, в котором его игра до слез растрогала обычно несентиментальную маменьку, но на самом деле родители просто устали от взрослого сына, ведущего беспорядочную жизнь, и решили отделить его. Конечно, квартирка не соответствовала представлениям Рощина о том, каким должно быть жилище талантливого актера, и он надеялся со временем обменять ее на нечто более подходящее его статусу, но пока, увы, Венечке не хватало денег. «Пошлость, вечная пошлость жизни», – размышлял Рощин, поднимаясь по лестнице на пятый этаж, потому что лифт в очередной раз сломался. Впрочем, подъезд был чистый, потому что в доме имелись кодовый замок и консьержка, сидящая при входе как раздобревший сторожевой пес, взмахивающий кудлатой головой на каждый скрип входной двери.

Перешагивая через ступеньки, Вениамин погрузился в мечтания о том, где он купит квартиру, разбогатеет, а потому пропустил момент, когда от стены отделились две тени, из которых одна была в полтора раза шире второй. К чести Рощина следует признать, что отреагировал он быстро:

– А, парни, это вы... – обрадованно начал Веня, попутно надевая на лицо выражение удивления пополам с радостью от неожиданной встречи. – Что ж вы...

Договорить ему не дали, поскольку Бабкин одной рукой прижал актера к стене, а другой зажал ему рот.

– Не вздумай орать, – тихо сказал он, наклонившись к лицу Рощина, и тот увидел ярость в его глазах.

Вениамину доводилось играть с хорошими актерами, и он наблюдал, как правдоподобно они могут изобразить любую эмоцию, «разогреться» за секунды. До этого мгновения он полагал, что нет ни одного чувства, которое актеры не смогли бы подать убедительнее, чем в жизни. Но, глядя в глаза взбешенного здоровяка, Рощин осознал, что никогда не видел, чтобы актеры играли – *так*. Так, чтобы ему стало по-настоящему страшно: не из-за того, что его прижимали к стене, как котенка, а из-за того, *что* он увидел в глазах мужика, при первой встрече показавшегося ему увальнем.

Он перевел умоляющий взгляд на Илюшина. Макар изучал Рощина с холодным любопытством.

– С ума сошли? – спросил Веня, ощущая, как жалко звучит его голос. – Тут везде камеры, идиоты.

– Ты был прав, – заметил Макар напарнику, игнорируя реплику актера. – Он соврал.

– В чем я соврал? – возмутился Веня. – Я ничего не знаю о Вике!

– Зато знаете о ее сестре, – невозмутимо ответил Илюшин. – Рассказывайте, зачем вы встречались с Ниной Стрежиной. Быстро, коротко и по делу.

После категорического отказа Вики продолжать с ним отношения Рощин впал в настоящую депрессию. Не потому, что был сильно влюблен, и даже не потому, что по его самолюбию нанесли сильнейший удар. Причина заключалась в том, как именно нанесли удар – оскорбив его, ткнув в больное место. Вениамин и сам знал за собой привычку к лицедейству в повседневной жизни, но услышать об этом от подруги в столь уничижительных выражениях оказался не готов. Вениамин Рощин терпеть не мог правду, особенно если она касалась его самого. Депрессия продолжалась две недели, а затем Рощин взял себя в руки.

Уход Вики он воспринял как вызов. Поначалу пытался скандалить, потом, осознав абсурдность и ничтожность собственных действий, обдумал план по возвращению бывшей подруги. Стрежина больше не нужна была Вениамину сама по себе – нет, своими словами она убила в нем теплоту и

нежность, которые он к ней испытывал. Но Рощина грела мысль о мести – самой банальной мести, которая обелила бы его перед самим собой, убедила в том, что он – значим. Что он не посредственный актер кино со смазливой физиономией, а талант, способный не только сыграть, но и срежиссировать спектакль по своему вкусу.

Вениамин неторопливо обдумал свои действия. Он намеревался вернуть Стрежину, уговорив ее любыми способами дать ему еще один шанс проявить себя. Этот шанс Рощин не собирался упускать. Он хотел не просто показать Вике, что он изменился ради нее, но и влюбить ее в себя, влюбить крепко, используя для этого все подходящие методы. В мыслях Веня представлял женщину, готовую ради него на все, как героини Джека Лондона, которым он зачитывался в детстве. Вика и в самом деле отчасти напоминала девушек из приключенческих рассказов – открытых, честных, верных. Им можно делать пакости, зная, что они никогда не ответят тем же, а Вениамин не собирался ограничивать себя в средствах.

«Итак, влюбить. Не просто влюбить, а заставить ее полюбить! Пусть на это уйдет много времени, главное – не сорваться раньше срока. Убедиться в том, что она прочно сидит на крючке. А затем можно дергать леску сколько угодно».

По поводу «дергать сколько угодно» Вениамин в действительности не обольщался – он понимал, что Вика Стрежина не из тех девушек, которые будут покорно сносить все выкрутасы любимого мужчины, боясь потерять его. Следовательно, нужен один яркий поступок, который заставил бы Стрежину страдать так же, как страдал сам Вениамин. Перебрав несколько вариантов, Рощин остановился на самом банальном и действенном решении – уход к другой женщине. Когда-то Вика призналась ему, что не считает себя красивой, а в детстве переживала из-за того, что ее дразнили одноклассники: девочка выглядела беднее и неухоженнее всех в классе. Веня был уверен, что детские комплексы обостряются, если создать соответствующую обстановку.

Он продумал все до мелочей, прочитал несколько книг с подходящими советами и подготовился к самому длительному представлению в своей жизни. Оставалась лишь одна проблема – следовало убедить Вику вернуться к нему. Дальше – Рощин не сомневался – все пойдет как по писаному. Он репетировал перед зеркалом выражение лица, фразы, продумывал молчание... Но все было бессмысленно до тех пор, пока Стрежина отказывалась даже разговаривать с ним по телефону, не говоря уже о свидании.

Общих друзей, способных повлиять на девушку, у них не было.

Оставалась семья Вики. Тогда Вениамин и встретился с Ниной Стрежиной.

Свидание в кафе он назначил не без умысла: заведение было известное, а цены в меню производили впечатление на неподготовленных людей. К тому же ему психологически комфортнее было проводить встречу на «своей» территории. Он не знал, что представляет собой Нина, но предполагал, что, если они с сестрой хоть немного похожи по характеру, ему стоит основательно подготовиться.

Как он и ожидал, старшая Стрежина, не привыкшая обедать в маленьких уютных кафе в центре Москвы, поначалу стусевалась. Она осторожно осматривалась, поминутно поправляя воротник серой мохеровой кофты, удивленно взглянула на официанта, принесшего меню, но заказывать что-либо отказалась. И только после уговоров Рощина согласилась на чай и пирожное.

Внешнее сходство между ней и Викой было очень сильным. Вениамин с интересом разглядывал женщину, выглядевшую лет на тридцать пять, отмечая общее в сестрах. Нос, брови, привычка выпячивать вперед подбородок... Но при этом манеры их были совершенно различными, даже противоположными. В отличие от привычки Вики открыто, прямо смотреть на собеседника, Нина поглядывала чуть искоса, хитро, словно говоря: «Я знаю, что вы подготовили для меня подвох, но так просто не дамся. Не на ту попали».

Выслушав Рощина, она долго молчала, снимая ложечкой крем с пирожного. Нина Стрежина не была проницательной, но она хорошо чувала свою выгоду. То, что предлагал этот богатенький красивый мальчик, похожий на героев мелодрам, было совершенно невыполнимо, особенно после ее недавнего разговора с сестрой. Убедить стервозину Вику в чем-либо! Ха! Если она штуку баксов на шубу сестре пожалела, то на ее уговоры встретиться и выслушать Рощина и подавно не согласится. Дура, и всегда была такой. Видно же, что человек – не дешевка, а на лицо и вовсе красавчик, так все равно Вика кобенится, нос воротит. Эх, ей бы, Нинке, такой шанс, а не вонючего Генку Забельского, норовящего затащить ее в угол потемнее. Ну да не судьба. Зато можно, если постараться...

– Я на Вику могу повлиять, – заявила наконец Нина, слизав весь крем. – Только сразу скажу: придется потрудиться, а даром трудиться, уж извините, я не буду. Я, конечно, Вику люблю и все такое, но и вы меня поймите.

– Вполне понимаю. Даром никто и не предлагает, – широко улыбнулся Веня, и от его обаятельной улыбки Нина почти растаяла. – Я думаю, мы с вами договоримся.

Рощин, конечно же, знал от Вики о ее отношениях с семьей. Но о том, что она несколько месяцев не разговаривала с сестрой, Вика ему не рассказывала, как не рассказывала и многих тягостных подробностей из своей прежней жизни, которую она постаралась забыть. К тому же в ее редких историях о семье обычно фигурировали отец с матерью, но не сестра. Рощин, единственный ребенок в семье, считал, что у сестер обычно бывают крепкие, близкие отношения, а все ссоры носят временный характер. Именно поэтому он сделал ставку на Нину Стрежину. Но сумма, которую потребовала Викина сестра за «посредничество», неприятно поразила Вениамина.

– Сколько вы хотите? – переспросил он, думая, что ослышался. – За что?! Вы с ума сошли?

Он презрительно окинул взглядом Нинину кофту, надеясь сбить с девицы гонор и существенно понизить ее аппетиты, показав, что представляет себе ее материальное положение. Но просчитался. Нина поджала губы и встала из-за стола.

– Дело ваше, – холодно сказала она. – Не хотите, как хотите. Дешево вы Вику-то оценили, – не удержалась она напоследок.

Выйдя из кафе, Нина Стрежина быстро пошла к метро. Если бы Вениамин мог прочесть ее мысли, то очень удивился бы: Нина про себя ухмылялась, решая, как скоро красавчик снова перезвонит ей с предложением встретиться. В том, что он перезвонит и в конце концов согласится на ее условия, Нина не сомневалась. «Видно, что втюрился по уши, как дурак. Вот уж точно: два дурака – пара. Ничего, голубчик, хочешь вернуть любимую – заплати денежку». В мотивах Рощина Нина ошибалась, но ошибка не помешала ей верно просчитать результат.

Глядя в ее серую сутулую спину Вениамин физически ощущал, как все его планы терпят крах. Он не привык терпеть поражение, и мысль о том, что из-за непомерных аппетитов Викиной сестры его месть не удастся, казалась ему нелепой. В конце концов, дело всего лишь в деньгах! Как многие люди, зацикленные на одной идее, Рощин не мог оценить, насколько оправданы затраты на ее реализацию. Он хотел вернуть Вику, чтобы потом бросить ее, и это желание было превыше всего.

Однако денег у Рощина не было. Во всяком случае, не было той суммы, которую требовала Нина Стрежина, несмотря на его относительно неплохие гонорары. Вениамин привык жить на широкую ногу, спуская все, что получал. Когда деньги заканчивались, он обращался к родительскому кошельку, но не так давно мать намекнула ему, что пора бы сыну обеспечивать себя самостоятельно. Идти к матери на поклон Вениамину

запрещало самолюбие.

Перестроиться на более экономный режим, урезав свои потребности, Веня пока не успел, мысль же о том, чтобы отказаться от ежедневных обедов в привычном кафе, Рощину даже в голову не пришла. Он не знал, что значит жертвовать своими потребностями.

Поразмыслив, Вениамин решил обратиться к одному из многочисленных приятелей, легко ссужавшему актеров деньгами. В мыслях он уже видел себя победителем, которого Стрежина униженно умоляет остаться с ней, а потому вопрос о том, каким образом он будет возвращать долг, Веню не волновал.

Дождавшись звонка от красавчика-актера (Рощин позвонил вечером два дня спустя), Нина Стрежина удовлетворенно рассмеялась, а затем изобразила на лице привычное тоскливое выражение: родители не должны ничего заподозрить, иначе они тут же отберут все деньги в свою копилку. Нет, такого она не допустит! Наконец-то у нее появится собственная заначка – и какая! – и можно будет потратить ее так, как захочется ей самой. Дожив до тридцати лет, Нина так и не научилась противостоять матери и отцу в их жажде накопления, а потому ее зарплатой, за исключением мизерной суммы, распоряжались родители. «Каждый трудится во благо семьи» – этот лозунг был вбит в голову Нины с детства, но с возрастом ей все больше хотелось выйти из-под жесткого контроля. Сбежать, как Вика, она не осмеливалась, а потому оставалось действовать потихоньку, украдкой.

– Кто звонил? – настороженно спросила мать.

– Ленка. Юбку мою просила – говорит, на свадьбу пригласили.

– Какую юбку – красную, что ли? Не давай. Обошьет, испачкает – и пропала вещь! Шибко умная твоя Ленка: своего пожалела, у тебя решила занять. Ты, Нинка, больно к людям доверчива. Нельзя так жить.

Нина не собиралась встречаться с сестрой и ее о чем-то просить. Нет, конечно, она бы позвонила Вике, но и только. А доказать, что она не выполнила просьбу красавчика, никак нельзя. «Скажу, сделала все, что могла, – обдумывала Нина вариант своего поведения на крайний случай. – А что с меня взять? Скажу, что поговорить-то поговорила, плакала, просила, а она ни в какую. Не хочу, говорит, и все. Что, неужели он с меня деньги назад стребует? Да никогда! У самого, дурачка, их куры не клюют, так что будет ему на будущее наука. Еще благодарить меня станет за то, что жить научила, и за то, что от Вики отвязался. Не такая ему девушка нужна, Вика для него простовата».

Встретившись с Роциным второй раз, Нина провела свою партию так безукоризненно, что дала бы фору многим переговорщикам крупных фирм. Она была в меру жадной, глуповатой и нахрапистой, но в то же время оставила у Вениамина ощущение, что за деньги она родную сестру из шкуры вытряхнет, заботясь при этом о Викиных интересах. Она дала понять Роцину, что, будь на его месте другой человек, она и слушать бы ничего не стала о воздействии на сестру, и только ради него согласна на такой шаг, потому что видит, какой он хороший парень и как искренне любит Вику. Да и денег-то она, Нина, просит столько лишь затем, чтобы убедиться в серьезности намерений Вениамина.

Роцин был переигран вчистую. Он пытался получить от Нины гарантии, но она здраво возразила, что никаких гарантий в таком личном деле быть не может, а если он ей не доверяет, пусть и не начинает свою затею. Выбрав подходящий момент, Нина Стрежина даже попыталась уйти, что в очередной раз убедило Вениамина, что Викина сестра нужна ему куда больше, чем он ей. В конце концов Роцин согласился со всеми ее требованиями, отдал приготовленные деньги и стал ждать результата.

Получив сумму, какую она раньше в руках не держала, Стрежина немного растерялась. Жадность в ней спорила со страхом: возвращаться домой на общественном транспорте Нина боялась, а на такси денег было жалко. В конце концов здравый смысл, по Нининому разумению, возобладал, и она спустилась в метро, крепко прижимая к себе сумку и так косясь на окружающих, что те отвечали ей недоуменными взглядами. В каждом пассажире Стрежина видела вора, а потому два раза сменила вагон, чтобы не дать шанса себя выследить.

С осторожностью крысы она добралась до дома, убедилась, проверив все комнаты, что отец с матерью не вернулись из гостей, закрылась на все замки и лишь затем достала конверт. Деньги на банковском счете были ей ни к чему: крестьянские корни подсказывали, что вес имеет только то, что можно подержать в руках, да и не было у Нины банковского счета. Поэтому она настояла на том, чтобы Роцин заплатил наличными. Перебирая купюры, она три раза пересчитала их и во второй раз нарочно ошиблась, чтобы испугаться, пересчитать и снова обрадоваться, убедившись, что сумма правильная.

Положив деньги в конверт, она прошлась по квартире, представляя, что теперь можно купить. Повесила на вешалку призрачную куртку с богатой меховой оторочкой, какую носила начальница их отдела. Мысленно расставила на полке с косметикой новые духи, три помады, тени

и тушь, которая удлиняла ресницы в восемь с половиной раз. На кухне принялась, не пахнет ли из холодильника креветками – Нина никогда не ела креветки, но знала, что это пища богатых людей. В тумбочку мысленно убрала новые полусапожки «под леопарда», а за ними, подумав, и замшевые сапоги на высоком каблуке – непрактичные, конечно, но красивые.

«Куда собралась по слякоти в замше-то? Крыша поехала? Замшу один раз наденешь – и выкидывай!» – услышала Нина будто наяву скептический голос матери и словно вживую увидела, как та насмешливо поджимает губы, разглядывая сапоги. Все мечты ее растаяли, поскольку Нина и сама понимала: глупо тратить деньги на такую ерунду, как сапоги, помада и куртка с мехом. Нужно купить что-то серьезное. Но, поскольку ничего серьезного не придумывалось, Нина Стрежина вернулась в комнату, приклеила конверт с деньгами скотчем к внутренней поверхности столешницы и улеглась спать, совершенно довольная. Теперь у нее была своя заначка в хитром тайничке.

Рощин так и не понял, что его обманули. Он был настолько убежден в успехе своей затеи, что две недели находился в состоянии спокойной уверенности, что Вика вот-вот позвонит ему сама, как будто от договоренности с Ниной его план уже осуществился. Время от времени Веня одергивал себя, напоминая, что все только начинается, но спустя минуту улыбка победителя снова возвращалась на его лицо. Такое состояние пошло ему на пользу: Рощин стал лучше играть в театре и заслужил похвалу от режиссера, который уже начал думать, что сделал ошибку, взяв к себе актера.

Через две недели Вениамин забеспокоился, однако на все его вопросы Нина отвечала, что ждет подходящего момента. Через три он начал звонить ей каждый день. Когда он наконец услышал, что все Нинины попытки оказались тщетными, Рощин решил, что она шутит, и долго убеждал сказать ему правду. После разговора он впал в недоумение: разве так бывает? Разве Вика могла отказать сестре? Не может быть... Неужели весь его план сорвался?!

Из туповатой задумчивости его вывел звонок знакомого, спросившего, когда Рощин вернет деньги. О долге Веня совершенно забыл и от растерянности попросил еще две недели на его возврат, хотя мог бы без особых сложностей перезанять у приятелей. Собеседник в ответ выругался, и это стало последней каплей, которая довела Рощина до белого каления. За три минуты он разыграл сцену «Великий актер Вениамин Рощин в гневе»,

выплеснув на кредитора и раздражение, и разочарование, и злобу на Викторию и ее никчемную сестру. Не сдерживаясь в выражениях, он хорошо поставленным голосом объяснил мужику, когда можно тревожить его, Вениамина, по мелким денежным вопросам, а когда нельзя. Облегчив душу набором ругательств, Роцин бросил трубку и выдохнул. Ему стало немного легче.

Мужик так и не перезвонил, однако вечером вместо него позвонила их общая знакомая, симпатизирующая актеру, и предупредила Веню, что кредитор всем рассказывает, будто Роцин занял у него огромную сумму, а возвращать не собирается.

– Какую огромную сумму?! – поразился Веня. – Пусть лапшу на уши не вешает.

– Насчет лапши сам разбирайся, – посоветовала знакомая. – Кстати, Коля грозит тебя пристрелить, потому что ты его оскорбил. Говорит, что у него на родине принято за такие слова, какие ты ему сказал, живот врагу вспарывать. Он у нас южный человек, дикий, сам понимаешь...

Кредитор по имени Коля последние двадцать лет обитал в Москве и свою родину видел только в телевизоре. Южной горячности в нем не наблюдалось, и даже имя свое он изменил, чтобы звучало привычно для русского уха. Однако заволновавшийся Веня вспомнил, что пару раз и впрямь слышал что-то о том, что у Коли бывает помрачение рассудка и один раз он чуть было не изувечил человека. Тогда Роцин пропустил сплетню мимо ушей – каких только баек не расскажут на нетрезвую голову! – но сейчас она всплыла у него в памяти. «Черт. Чем я раньше думал? Зачем у него занял, а не у кого-то другого?»

Обдумав положение, он позвонил вспыльчивому Коле и корректно пообещал вернуть деньги. Встретившись с кредитором на другой день, Вениамин отдал ему все, что был должен, извинился за свою вспышку, но Коля только коротко мотнул головой в ответ на его извинения и даже не улыбнулся, когда Роцин сострил что-то в собственный адрес. «Да и пошел ты! – сердито подумал Вениамин. – Деньги я тебе отдал, вот и катись на все четыре стороны».

Но на душе у него было тревожно. Сам не зная зачем, он позвонил старой знакомой, предупреждавшей его о Коле, и с неприятным изумлением услышал от нее, что кредитор по-прежнему выражается о Вениамине нецензурно и грозит расправой.

– Я ему все вернул! – воззвал Роцин к мировой справедливости.

– Венька, я в твои финансовые дела лезть не хочу, – невинно сообщила женщина. – Но Коля у нас на голову слаб, ты сам знаешь. В общем,

держись-ка ты от него подальше.

Не на шутку испугавшийся Роцин даже не подумал о том, что если бы Коля собирался ему за что-то мстить, то смог бы сделать это при встрече, когда Веня возвращал долг. Ему стало казаться, что он и в самом деле, ругаясь, задел чувства мужика, выбрал такие выражения, какие ни в коем случае нельзя было употреблять. Полоса Вениаминовых неудач продолжалась. Идти к родителям ему не позволяло самолюбие, настоящих друзей у него не было, своим бывшим девушкам он не доверял, да они и не могли ему ничем помочь. А в завершение всего пропала Вика. Сообразив, что его обязательно будут спрашивать об их отношениях, Роцин выбрал для себя линию поведения: «Встречался, расстались, переживал» – и точка. Ни о кредиторе, ни о сестре Стрежиной он не собирался никому рассказывать.

Вениамину Роцину было попросту стыдно.

– У него мозги подростка, – недоуменно сказал Бабкин, когда они с Макаром вернулись в машину Сергея. – В голове не укладывается...

– Ошибаешься. Мозги у него вполне взрослые. Расчетливые такие мозги. Просто он плохо разбирается в людях, поскольку привык, что весь мир вертится вокруг него.

– Получается, что в первый раз он нас все-таки обманул.

– Да нет, не обманул. Нас с тобой интересовало исчезновение Вики, и здесь он не соврал. Умолчал о Нине Стрежиной, но и только.

– Будем с ней встречаться?

– Зачем? Дамочка облапошила Вениамина, а о сестре она наверняка знает не больше, чем Роцин. Конечно, нужно отработать эту версию для очистки совести, но не было у Нины возможности осуществить такой громоздкий план. А главное – зачем? Она дама сугубо практичная, во всем ищет выгоду. Какой ей прок от того, что сестра пропала? Нет, Серега, это все-таки тупик. Нам с тобой нужно быстро разработать Аслана с его цветочницей. Ты занимайся девушкой, я возьму на себя Коцбу. Идеи о причинах сходства девушек есть?

Идеи у Бабкина имелись, и ни одна не пришлась ему по душе.

– Может, поговорить с ней? – предположил он.

– Рано. Если она подругам ничего не рассказывает, то тебе и подавно не скажет. Подкупать ее бессмысленно – Аслана мы все равно не переплюнем, а убеждать девицу в том, что мы пришли с лучшими намерениями, бесполезно. Мы ничего о ней не знаем. А должны знать.

Оба замолчали. Сергей завел машину, выехал со двора.

– Забрось меня в книжный, – попросил Макар. – Хочу книжку купить, которую Каморкин рекомендовал к прочтению.

– Очередной любовный роман? – усмехнулся Бабкин.

– На этот раз фантастика. Или фэнтези... Не помню точно: скажу, когда книжку увижу.

– А чем они отличаются?

– Как чем? В фантастике пришельцы, другие планеты – иные миры, в общем. А в фэнтези гномы, феи, драконы...

– В моем детстве подобное называлось сказкой, – заметил Сергей.

– Сказкой называется, когда у гномов есть золото, у фей волшебная палочка, а у драконов три головы. А если у гномов бластеры, у феи жезл всевластия, и дракон – не дракон, а генно-модифицированный мутант, то это фэнтези.

– Ясно.

Бабкин припарковался у магазина, откинулся на спинку кресла, без выражения глядя на светящуюся витрину. Снова посыпал дождик, и огни витрины за мокрым стеклом казались размытыми пятнами. Сергей прищурился, и пятна расплылись окончательно.

– Завтра подъезжай к десяти, будем думать, – сказал Макар, бросив на напарника короткий взгляд. – Серега, мы ее найдем.

Удивленный столь неожиданным для Илюшина обещанием, Бабкин собрался спросить, откуда такая уверенность, но не успел.

– Когда-нибудь, – прибавил Илюшин. – Наверное. То, что от нее осталось. Косточка там, косточка тут... Так, глядишь, и соберем.

– Поганец ты! – Бабкин хотел рассердиться, но почувствовал, что ему против воли хочется рассмеяться. – Не шутят такими вещами, Макар!

– Шутят любыми вещами, мой трепетный друг. А такими – особенно. До завтра.

Глава 12

Виктория Стрежина. Остров

Обвязать пустые канистры веревкой получилось лишь с восьмого раза. Экспериментальным путем Вика выяснила, что трех канистр – мало, а на пять не хватит длины веревки. В результате она остановилась на четырех, хотя и боялась, что ноги будут болтаться в воде. Но при необходимости можно было вытащить их наверх: общая длина получившегося плота позволяла поместиться Вике целиком, если прижать колени к животу.

Оставался вопрос устойчивости «судна» и его прочности.

С устойчивостью решилось легко: небольшое количество воды, залитое внутрь канистр, позволяло им ровно держаться на поверхности океана даже под тяжестью Вики и не слишком глубоко уходить вниз. Но с прочностью девушке пришлось помучиться.

Сначала она обмотала каждую канистру, завязывая веревку вокруг нее узлом, но обнаружила, что веревки еле-еле хватает на три канистры. К тому же получившуюся конструкцию нельзя было назвать плотом, поскольку бутылки болтались в воде отдельно друг от друга. Вике же нужно было связать их плотно. Тогда она выложила составные части своего будущего плота на песке и протянула веревку сверху и снизу канистр, но на воде они попросту выскользывали из веревки, как только плот ударяла волна посильнее. Оказаться в середине пути барахтающейся в море без плота Вика не собиралась: она предполагала, что, и кроме мурен, найдутся существа, встреча с которыми будет для нее смертельной.

В конце концов после долгих попыток она нашла решение. Веревку пришлось разрезать на две части, но лишь после того, как Вика убедилась, что этот способ действительно позволяет связать канистры друг с другом прочно, чтобы они не болтались в веревочном кольце.

По каждой канистре шли глубокие желобки сверху, снизу и посередине. Вика сразу поняла, что желобки не дадут веревке съехать с канистры, а, значит, плот не развалится. Не завязывая узлов, она протянула две веревки по верхнему и нижнему желобку, описывая восьмерку вокруг двух канистр. В места, где должны были быть узлы, Вика подсунула под веревки куски ткани от разорванной футболки. А там, где ткани не хватило – измочаленные пальмовые листья, которые она старательно растирала

камнем до состояния тряпки. Теперь веревка не скользила по мокрому пластику, а вдавливалась в мякоть листьев или хлопковую ткань.

– Надеюсь, канат не перетрется, – хрипло проговорила Вика, разглядывая свой плот.

Со вчерашнего вечера ей было больно глотать, а голос сел, словно она простудилась. Миндалины опухли. В «лекарственном» ящике Вика нашла нужные таблетки, но, рассмотрев внимательно коробку, заметила, что упаковка надорвана. Она положила таблетки обратно и начала каждые полчаса полоскать горло морской водой, морщась и отплевываясь. Поначалу боль усилилась, так что Вика чуть не расплакалась от жжения в гортани, но постепенно утихла. К вечеру резкая боль ушла, и осталось только ощущение, что в глотку напихали колючек, которые разбухли от воды.

«Таблетки из лекарственного ящика пить не буду, – решила Вика. – Что здесь еще? Бинты, пластырь... Все нужно взять с собой». Она деловито обдумывала то, что предстоит сделать, рассчитывала время, вспоминала о мелочах, записывая их прутиком на песке под деревом, отгородив место с записями коробками. Голова ее была ясной, и даже осознание того, что весь ее план может провалиться, не мешало Вике помечать, что нужно сделать в первую очередь, что – в последнюю. «Вода, нож, закрыть голову и спину, сделать весла»... Она хотела справиться за сутки, но опасалась, что не успеет. Осталось всего три банки с тушенкой, одну следовало взять с собой. Плыть голодной Вика боялась – она помнила, что постоянно теряла сознание на берегу, и допускала, что одной из причин мог быть голод. «В океане нельзя падать в обморок. В океане нужно только плыть, плыть и плыть».

Проблема, из чего сделать весла, решила неожиданно просто: Вика разломала тонкий фанерный ящик из-под тушенки и получила две широкие лопасти. Весла, конечно, были коротковаты, но выбирать не приходилось.

– Я – молодец, – сказала себе Вика, пытаясь улыбнуться распухшими губами. – У меня все получится.

Одно беспокоило ее сильнее, чем плот, весла и даже частые обмороки: гнойник на пальце правой ноги болел все сильнее – настолько сильно, что больно было даже опускать ногу в воду, не говоря уж о том, чтобы наступать на нее.

– Гангрены мне не нужно, – пробормотала Вика вполголоса, разглядывая отвратительный желтый пузырь, раздувшийся до размеров шарика для пинг-понга.

Внутри пузыря виднелся какой-то коричневатый сгусток с красным

отливом.

Снова перебрав содержимое лекарственного ящика, основное место в котором занимала ненужная ей вата, Вика отыскала йод. Поколебавшись, она раскрыла нож, положила рядом йод и вату, уселась в тени пальмы и посмотрела на желтый шарик.

– Тыкай, – прошептала она, поднимая лезвие.

«А вдруг случится что-нибудь непоправимое?»

– Взрежь его. С гнойником плыть нельзя.

«Может быть, его нельзя взрезать! В конце концов, я же не буду грести ногами – у меня есть весло!»

Девушка закрыла глаза, вдохнула, выдохнула, открыла – и коротко ударила лезвием в центр пузыря.

Тотчас ногу пронзила острая боль, и желтая густая жидкость с омерзительным запахом хлынула из увеличивающегося на глазах надреза. Пузырь сдувался, как воздушный шарик, и с каждым новым выплеском гноя Вика ощущала, что боль уменьшается. Морщась, она попробовала осторожно нажать пальцами на края раны: последние капли гноя упали на песок, и перед глазами Вики осталась открытая ранка, похожая на кратер. Сморщившаяся опавшая кожа окружала ее по краям, в середине, как застывшее озеро, краснело что-то густое и липкое.

Переведя дыхание, девушка откупорила йод и приготовилась лить на рану, но в последний момент передумала и просто промокнула ее ватой, пропитанной йодом. Жечь начало с такой силой, что она вскрикнула и изо всех сил замахала руками на больное место, подгоняя к нему воздух. От напряжения и боли она снова расплакалась, но сейчас ее слезы были больше слезами облегчения.

Полить рану она так и не решилась и час просидела под пальмой, время от времени протирая рану ватой, политой йодом. Она понимала, что, вероятнее всего, поступает неправильно, но махнула на это рукой.

– Если на то пошло, мне нужен был не йод, а зеленка, – объясняла Вика своей ноге. – Но зеленки-то нам и не оставили, так что придется довольствоваться тем, что есть. В другой раз напишем петицию.

Она усмехнулась, представив письмо, адресованное неизвестной личности в черной маске, забросившей ее на остров. «Уважаемый экспериментатор! Прошу вас в другой раз оставить мне не только йод, но и зеленку, а также другие необходимые средства первой медицинской помощи».

Сегодня мысль о том, кто стал причиной ее заточения на острове, не вогнала девушку в состояние ступора и страха, как раньше. Вика приняла

как данность, что есть человек, желавший ей зла и сделавший все, чтобы причинить ей, Виктории Стрежиной, как можно больше страданий. И стоило ей принять это, как человек тут же исчез из ее мыслей, и его место заняла *цель*. «Я доберусь до второго острова».

Вика заклеила палец пластырем и убедилась, что он размокает от воды и отваливается. «Плохо. Нужно будет что-то придумать». Но во всяком случае, от попадания в ранку песка и пыли пластырь защищал. Чувствуя себя куда лучше, чем до «операции», девушка начала приводить в действие вторую часть плана.

Она опробовала свой плот на мелководье и убедилась, что он вполне устойчив и хорошо выдерживает ее вес. Крайне неудобным было то, что, лежа на животе, Вика макала ступни в воду: длины плота все равно не хватало на то, чтобы она поместилась на нем целиком. Она представила, как ее ноги обкусывают акулы, и некоторое время обдумывала всерьез, не привязать ли собственные ступни к бедрам одним из двух имевшихся у нее бинтов, но вовремя поняла, что от этой идеи будет скорее вред, чем польза.

«Буду менять положение, переворачиваться с живота на спину и сгибать ноги в коленях».

Она тренировалась переворачиваться и грести до самого вечера, пока не определила основные ошибки и опасности, которые могли подстергать ее на пути. Сложнее всего оказалось с веслом и питьевой водой: сначала Вика хотела просунуть бутылку внутрь одной из канистр через широкое горлышко, но не приняла во внимание, что при погружении плота горлышко канистры оказывается ниже уровня воды. Следовательно, при необходимости достать бутылку Вике пришлось бы отвинчивать крышку под водой, и канистру залило бы. Помимо этого очевидного препятствия, имелось и еще одно: девушка постаралась сделать все, чтобы на протяжении плавания не опускаться в воду. «Мурены, акулы, скаты... Кто еще может обитать в этих водах? Нет, мне нельзя прыгивать с плота».

Кроме воды, у нее оставались две последние банки с тушенкой, которые тоже нужно было как-то разместить на мизерном плотике. Вика перепробовала и последовательно отказалась от всех вариантов, начиная от привязывания банок и бутылки с водой к себе и заканчивая вырезанием отверстия в канистре сверху, чтобы лежа закрывать его своим телом. «А если волны перевернут меня вместе с плотом? Тогда в отверстие зальется вода, и что станет с канистрами? Не хочется проверять это посреди океана».

В конце концов она остановилась на промежуточном варианте. Одежды у нее больше не осталось, а потому Вика отрезала кусок от одеяла,

которым накрывалась по ночам – раньше, когда только попала на остров. Проделав в куске дырки по периметру и продев в них наконец-то пригодившийся бинт, она стянула края ткани и удовлетворенно посмотрела на получившийся мешочек. Он был толстым, грубым, из него торчали нитки, а внутри могли поместиться разве что банка тушенки и литровая бутылка воды, но больше Вике ничего и не требовалось.

Мешочек она привязала под передней канистрой снизу. Теперь ей достаточно было опустить руку в воду, чтобы нащупать его. Поплав вдоль берега, Вика выяснила, что достать бутылку из мешка под водой не может: бинт застревал в прорезях, намочшая ткань не позволяла растянуть горловину мешка. Поэтому Вика сделала простой узел, рассчитывая на то, что при необходимости вытащит весь мешок целиком, а потом снова привяжет.

Перед сном она вытащила плот на берег, поближе к себе, – к ее удивлению, с водой внутри канистр он оказался довольно тяжелым – и внимательно прочитала все пункты, записанные утром на песке, отмечая, что нужно будет сделать с утра, а о чем можно не волноваться. Она опасалась, что соленая вода плохо подействует на рану, оставшуюся после гнойника, но выбирать не приходилось. Доверившись интуиции, Вика оторвала пластырь и оставила ранку подсыхать, надеясь, что не подхватит заражение от попавшего в нее песка.

Улегшись на матрас, девушка полежала несколько минут, обдумывая, что могла забыть, и вспомнила: нужно связать волосы сзади, чтобы они не мешали, не лезли в лицо! Иначе в критической ситуации она может потерять пару секунд из-за того, что волосы закроют глаза, а пара секунд – это много. «Отрезать кусок бинта, перевязать их как лентой. И не забыть положить пластырь в мешок».

Ей пришло в голову, что всю ночь она не сможет заснуть, переживая из-за предстоящего плавания и выискивая все новые слабые места в своем плане, а потому будет невыспавшейся и слабой. На этой мысли Вика закрыла глаза и тут же заснула, провалившись в крепкий, глубокий сон без сновидений.

Проснулась она рано – солнце только поднималось, и океан был синезолотистым. Первым делом Вика посмотрела, на месте ли плот. Несмотря на то, что Вика больше не видела кошмаров и не чувствовала, что за ней кто-то непрерывно наблюдает, она допускала, что на острове все же есть люди. Но с того момента, как она нашла приготовленную для нее петлю, ее это больше не пугало. Один раз девушке подумалось, что, может быть,

Экспериментатор обитает как раз на втором острове, куда она собралась плыть за помощью, но затем Вика решила, что это нелогично. «Наблюдать за мной со второго острова нельзя – слишком далеко. И там наверняка есть люди, ведь остров большой; значит, этот тип может попасться им на глаза и вызвать подозрения».

Она и сама понимала неубедительность собственных аргументов, но ее они устраивали. «На втором острове есть люди, они помогут».

Плот лежал рядом – четыре голубые прозрачные банки, в которых просвечивала вода. Вика неожиданно осознала, что вечером можно было и не тащить тяжелый плот по песку, а просто вылить все воду в море, а сегодня залить новую. На секунду она пожалела о том, что ей не хватило сообразительности накануне, и даже расстроилась, но тут же подумала, что в таком случае ей снова пришлось бы проверять необходимое количество воды, поскольку она не делала никаких пометок на канистрах – нечем было. Значит, она все сделала правильно.

От этой мысли Вика повеселела. Она открыла последнюю банку тушенки, которую собиралась съесть на своем острове, и начала старательно жевать мягкие волокна и запивать их водой. Вика знала, что должна хорошо подкрепиться перед отплытием.

Хорошо подкрепиться... В старом мультфильме симпатичный медвежонок Винни-Пух говорил, что нужно хорошенечко подкрепиться. И, кажется, прибавлял: «обязательно». Сейчас, когда она сидела на песке под пальмой и тщательно пережевывала тушенку, подцепляя ее ножом и не обращая ни малейшего внимания на падающие жирные капли, фраза плюшевого медведя звучала особенно успокоительно. «Обязательно нужно как следует подкрепиться. И все будет хорошо».

Больше Вика ни о чем не думала. Она сидела в каком-то отрешенном спокойствии, наблюдая за волнами, и в голове ее кружились мысли о том, что в мешок нужно положить и нож, и пластырь, что рану перед отплытием необходимо заклеить, а волосы связать в хвостик. Ей казалось, что она всю жизнь сидит на острове одна, а где-то далеко существует мир – большой, совершенно нереальный мир, в котором есть города и улицы, и люди, шагающие по улицам, и звучат живые голоса – женские, мужские и детские, и лают собаки, которых подзывают озябшие хозяева. Шумят машины, звенит звонок трамвая, и нереальный снег опускается на пушистые шапки нереальных прохожих.

Мечта. Выдуманый мир, который казался раем отсюда, из ее одиночества. Одно она знала точно – его нельзя создать так, как необитаемый остров, а если попытаться, то получится лишь бледное

подобие живого города, населенное механическими человечками, рождающимися внутри ее головы. Необитаемый остров мог быть придуманным, и при том не менее убедительным, чем настоящий, – с морем, песком, одиночеством. Но населенному городу с его улицами, машинами, собаками и мокрыми простынями на балконах, застывающими на морозе в хрустящее полотно, нужны были запахи, звуки; нужны были тени, делавшие его живым; нужны были ощущения, которые Вика не могла придумать.

Только вспомнить, но воспоминание было бледным, расплывчатым.

Ушли прохожие, прощально прозвонил трамвай, заворачивая за угол, пробежала впереди дворняга с лохматым животом, небрежно вильнув хвостом... И снег растаял на шапках прохожих, оставив после себя мокрые дорожки на чуть примятом мехе...

Перед Викой тихо дышал океан, размеренно откатывая и возвращая волны. Солнце грело все вокруг, тень от пальмы укорачивалась на глазах, и желто-белый песок словно подбирался ближе к Викиным ногам.

Она встала, огляделась. Пришло время отправляться в путь.

Собрать информацию о любовнице Коцбы оказалось несложно. Катерина Ромашова, двадцати трех лет, родилась и выросла в Королеве, в Москву переехала вместе с матерью два года назад. Не замужем, отца нет. Бабкин, понаблюдавший за «цветочницей», как окрестил ее Макар, выяснил любопытную деталь: сходство со Стрежиной было только внешним. Ромашова оказалась мягкой, робкой девушкой с негромким голосом. Единственной похожей чертой характера у Вики и Катерины являлась скрытность: Сергей не мог понять, отчего девушка, год встречавшаяся с любовником, ничего не рассказывает о нем приятельницам. «Есть что скрывать. Прав Илюшин: рано пока входить с ней в контакт. Только все испортим».

С Асланом было сложнее: действовать предстояло очень осторожно, и к одному из своих источников, способному дать более полную информацию, Макар не рискнул обратиться. Их интерес мог стать известным Коцбе, и тогда на расследовании в этом направлении можно было ставить крест.

Илюшин каждый день звонил в больницу, узнавая о состоянии Липатова, и каждый раз получал один и тот же ответ: больной пришел в сознание, но по-прежнему находится в реанимации, и беспокоить его нельзя. Лена Красько, как они с Бабкиным и предполагали, ничего не могла сообщить о личной жизни своего шефа.

Им самим пока удалось узнать немного. Коцба до пяти лет рос в Абхазии, затем вся семья перебралась в столицу. Три брата Аслана были подключены к бизнесу, старики-родители так и не вернулись на родину. Илюшин выяснил, что всего детей было пятеро, но один из братьев умер в младенчестве, а взрослая сестра погибла вскоре после переезда в Москву в результате несчастного случая. Связь Ромашовой с братьями Коцбы установить не удалось, точно так же как с теми бизнесменами, которые посещали клуб Перигорского по субботам.

– Что вовсе не значит, что такой связи нет, – подвел итог Илюшин, рано утром просматривая итоги работы Сергея.

Бабкин с утра был хмур и раздражен. Все время, что он занимался «цветочницей», его не оставляло чувство, что они упускают нечто важное. Накануне Сергей восстанавливал в памяти их с Макаром действия, пытаясь понять, где они допустили ошибку. Выходило, что нигде. Он мысленно поставил себе галочку – снова проверить семью Вики Стрежиной, на этот раз более тщательно, но сам понимал, что эта проверка – от безнадёжности: даже если признать существование мотива, у Стрежиных не имелось возможности отправить Викторину на необитаемый остров в Тихом океане.

– Кофе будешь? – спросил Макар, зевая.

– Буду. Двойную порцию.

– И мне тоже сделай. – Макар ухмыльнулся и снова зевнул.

– Нахал ты, Илюшин, – сообщил ему Сергей, проходя на кухню. К утру дождь утих, облака разогнал ветер, и из окна открылось чистое светло-голубое небо, к которому тянулись краны со всех окрестныхстроек. – Смотри, похоже, погода налаживается. Тебе двойной?

– Ага.

– Что ты постоянно зеваешь?

– Спал мало.

– Неужели думу тяжкую думал, кому возвращать неотработанные деньги? – сердито бросил Бабкин, отсыпая кофе в большую медную турку. Турку привез Макару именно он, да и кофе тоже, потому что Илюшин без всяких изысков пил растворимый, который Сергей и за кофе не держал. «Прививаю Макару вкус к хорошему», – хмыкнул про себя Бабкин.

– Думать мы с тобой будем сейчас, – возразил Макар. – А я читал. И даже получал удовольствие.

Сергей только теперь заметил на кухонном столе книжку, раскрытую на последних страницах. На твердой обложке была нарисована огромная белая птица, на которой восседал лучник.

– Вчерашняя фантастика? – припомнил Сергей.

– Именно. Между прочим, оказалось, и впрямь неплохая книжка. Правда, я до конца не дочитал, но это и неважно – все равно понятно, чем дело кончится.

– Что в ней хорошего, раз понятно?

– Фантастика – не детектив, чтобы читателю до последних страниц загадки загадывать. А написано хорошо, хотя и надуманно.

Сергей покачал головой: он не мог понять, как фантастика может быть ненадуманной. Это ж фантастика! Выдумка! Там все из пальца высосано.

Он снял кофе с плиты и быстро разлил по чашкам. Сверху в обеих чашках образовалась коричневая пена, которую Бабкин присыпал сахаром и смотрел, как медленно опускаются в кофейную темноту сахаринки.

– Это вторая книга, которую ты взял у Каморкина, – вспомнил он.

Макар посмотрел на него с легким удивлением.

– Нет. Я брал одну, а фантастику – кстати, она оказалась фэнтези, – купил вчера, ты забыл? Сегодня новую куплю, того же автора: он, оказывается, много написал. У него очень хороший слог. Правда, он мне кого-то напоминает, то есть особенно самобытным писателем его не назовешь, но для развлекательного чтения самобытность и не требуется.

Сергей перевернул книгу обложкой кверху, посмотрел фамилию автора:

– Риддер? Никогда не слышал.

И тут понял, почему вспомнил о книгах.

– Макар, ты первую книгу внимательно прочитал?

Илюшин поднял на него серые глаза – в них повис вопрос. Бабкин знал, что у Макара редкостная память на прочитанное и услышанное, а Макар знал, что Сергей об этом знает.

– Невнимательно, разумеется, – ответил Илюшин. – И, разумеется, все запомнил. А что?

– Ты ведь не просто так ее читал, для собственного удовольствия. Ты попросил ее у Каморкина, чтобы понять, какие книги нравились Стрежиной. Какой у нее вкус, что она предпочитает... И собирался даже вывести какие-то данные о ее характере. Так вывел или нет?

– Вывел, что Стрежиной нравились женские романы с лихо закрученной сюжетной линией, – пожал плечами Макар, – чрезмерно закрученной, такого в жизни не бывает. Нет, ничего интересного я оттуда не узнал. Честно говоря, у меня так и не сложился в голове портрет девушки, а я выпросил романчик у Михаила Олеговича в том числе и для этой цели.

– Что у тебя не сложилось? – спросил Сергей удивленно. – Девушка как девушка.

– В том-то и дело, что не совсем. У нее, по описанию друзей и близких, такой набор черт характера, что она должна быть довольно неприятным человеком. Выросла замкнутой, необщительной, в детстве не получала любви и заботы от семьи, а повзрослев, и вовсе порвала с родными отношения. Отличается не самым привлекательным для людей качеством – прямолинейностью. Что еще? Искренность. Если она почти всегда искренна, значит, не способна быть тактичной. Вспомни, что Стрежина объяснила Вениамину Рощину, когда ушла от него. Скажи, почему бы ей не соврать, а? Неужели она была настолько безразлична к собственному другу, что не понимала, как его заденет ее «правда» о нем? Одно из двух: или не понимала, и тогда она невнимательный к людям человек, даже к близким... Или понимала, и тогда ее безразличие к чувствам Рощина граничит с жестокостью. Меланхолична, явный интроверт, очень скрытна, из близких людей – один старик-дядя, которым она восхищается. Но восхищается, заметь, не потому, что Михаил Олегович хороший, порядочный человек, а потому, что он талантливый фотограф. Каморкин рассказывал, с каким восторгом Вика смотрела его снимки, как она переживала, когда какой-то журнал опубликовал его снимки без разрешения и не выплатил Каморкину гонорар. Мне сдается, что ее задело покушение на профессиональную честь дядюшки, а вовсе не то, что ему попросту денег не хватает на хорошие пирожные и печенье. Она явная максималистка во всем, а максималисты редко бывают симпатичными людьми: слишком они уперты, слишком озабочены поисками правды.

– Но подруга и дядя любили ее, – возразил Бабкин, неприятно задетый рассуждением Илюшина.

– Этого я и не могу понять, – пожал плечами Макар. – Таких, как Стрежина, как правило, уважают, иногда им завидуют, но их почти никогда не любят. Я думал, что, может быть, после прочтения книжки меня осенит, но не осенило.

Бабкин залпом допил кофе, старательно соскреб со дна не растворившийся сахар. Илюшин бросил взгляд на его насупившееся лицо, но ничего говорить не стал. «Пусть сам все обдумает. Лишние иллюзии – это зло».

Сергей бесцельно побродил по квартире, пока Макар допивал кофе, одновременно дочитывая книгу, и наконец вернулся в кухню и подошел к окну. Небо было по-прежнему голубым, и только на горизонте висело большое облако, похожее на остров. Бабкин вспомнил все, что знал о Вике Стрежиной, вспомнил разговор с ее родственниками, рассказ Вениамина Рощина, от которого у Сергея осталось ощущение чего-то липкого,

вспомнил сухого желтолицего дядюшку и его пейзаж с лесом. Сергей постоял у окна, глядя на облако и вызывая в памяти лучи света, пронизывающие лес, и маленькое дерево со сломанной веткой. А затем обернулся к Макару.

– Знаешь... – сказал он, – ты во всем не прав. Абсолютно во всем.

Илюшин, чуть не поперхнувшийся кофе, поставил чашку на стол и отодвинул книгу.

– Ты столкнулся с такими чертами в Стрежиной, которые не можешь понять, – продолжал Бабкин, глядя на обложку с лучником и птицей. – И нашел самое простое этому объяснение: замкнутая, максималистка, о людях не думает и вообще режет правду-матку. Ты говоришь о прямолинейности Стрежиной, но ни Каморкин, ни Красько о таком качестве не упоминали. Они рассказывали об искренности. У тебя получается подмена понятий.

– Нет, все-таки... – начал было Илюшин, но Сергей покачал головой.

– Макар, ты погоди, не перебивай, иначе у меня все из головы вылетит. Во, уже вылетело. Что я тебе сказать-то хотел? Понимаешь, мы так привыкли во всех людях находить плохое, что даже очень хорошего человека не можем распознать. Гадости в нем выискиваем, неприятные черты... Но ведь бывает так, что встретился хороший человек – по-настоящему хороший? Честный, искренний, добрый, в конце концов! И хоть что с ним ни делай: хоть в дурной семье выращивай, хоть с мерзавцами сталкивай, – а он все равно останется порядочным. Вот только замкнется в себе, побоится нос наружу высовывать, да и то – лишь первое время. А чуть дыхнул на него, отогрел – он сразу и оттаает. Может такое быть, Макар, и не говори, что не бывает.

Илюшин молчал.

– Ты все правильно рассказал, но потому, что ты сам ее не видел, твой рассказ получился совсем о другом человеке. И я не видел, но мы с тобой разговаривали с Каморкиным, ты с ее подругой встречался – почему ты им не веришь, а веришь своим выдумкам? Не нужно тут ничего усложнять, понимаешь? Она хорошая девочка – просто чистый, правильный человечек, который родился таким: не лживым, не злым. И таким и остался. Живет, плохого никому не делает... А мы ходим вокруг кругами и думаем: где же в нем гадость-то скрыта? Как он так тщательно замаскировался, что и разглядеть-то плохое сразу не удастся? Значит, большая должна быть гадость, раз он ее так спрятал.

Он наконец перевел взгляд с белой птицы, глядящей с обложки огромными круглыми глазами, на Макара.

– Я это все к тому, – чуть извиняющимся тоном сказал Бабкин, – что иногда самое очевидное – это и есть самое правильное. Единственно правильное, в общем-то.

Он взял чашку и поставил в раковину, ожидая, что ответит Макар.

– Иногда самое очевидное – это и есть самое правильное, – негромко повторил за ним Илюшин. – Серега, да ты почти философ. Плохонький, конечно, примитивный, но все же пытающийся рассуждать об абстрактном.

– Иди ты, – беззлобно отмахнулся тот.

– Знаешь, может быть, ты и прав. Возможно, возможно... – задумчиво произнес Макар. – Давай вернемся к Ромашовой. Исключено, что Коцба ставил эксперимент с островом в одиночестве. Ему должны были помогать. Следовательно, либо любовница Аслана не связана с экспериментом, что очень сомнительно, учитывая ее сходство с Викторией, либо мы не вычислили ее связь с кем-то еще из окружения Коцбы. Вопрос: кто это может быть?

– Кто угодно. Начальник службы безопасности, вся служба безопасности в целом, его замы...

– Но ты разговаривал с соседями Ромашовой.

Бабкин кивнул. Он действительно разговаривал с ними, и две пожилые соседки в один голос сказали, что к Катюше ходит один очень приличный мужчина, но, кроме него, никто, не считая подружек из цветочного салона. Впрочем, нельзя было исключать хорошо подготовленное вранье. «Мог Коцба обставиться вешками со всех сторон? Мог. И наверняка обставился».

– Соседки – не показатель, – неохотно признал он. – Заплати им три пенсии, и они тебе на голубом глазу все, что хочешь, расскажут.

– Тогда пока оставляем Ромашову в покое, – решил Илюшин, подумав. – Что касается Коцбы, то делать нечего, придется привлечь того фээсбэшника, о котором я тебе говорил. Не безвозмездно, конечно. Он информацию продает, а не делится ею по доброте душевной.

– Сдаст он нас Аслану, – пожал плечами Сергей.

– Пусть сдает. Мы с тобой столько времени топчемся на одном месте, что выбора нет.

– А я поеду к Красько, – предложил Бабкин. – Мы проверили самые простые версии, напрашивающиеся сами собой, – людей в первом круге ее общения, всех, кроме шефа. Понятно, что это основная версия, но, возможно, есть кто-то во втором круге.

– Правильно. Пусть Красько вспоминает всех, кого могла обидеть Стрежина своей прямолинейностью. А может быть, дело вовсе не в этом, а попросту есть обиженные тем, что именно Вика заняла неплохую

должность и даже сделала несколько шагов вверх по карьерной лестнице.

– Предыдущие секретарши? – усомнился Сергей.

– Не знаю. Второй круг куда шире, чем первый, туда может попасть любой из работавших с ней. Например...

Он нахмурился. Что-то было в рассказе Красько...

– Осьмина, – вспомнил он. – Юлия Борисовна Осьмина.

Макар вскочил, расслабленность его исчезла.

– Созванивайся с Красько, выясняй все, о чем мы договорились! – крикнул он из соседней комнаты, а тридцать секунд спустя мелькнул в коридоре, уже в джинсах и свитере. – А я узнаю, где сейчас находится Осьмина и каково ее положение.

– Кто такая Осьмина? – запоздало спросил Бабкин.

Встрепанная голова Илюшина высунулась из-за двери.

– Осьмина – та тетка, которая уволилась после скандала со Стрежиной. Даже не скандала, а так... Подробности потом, сейчас это неважно. Красько не знает, где Осьмина в настоящее время работает, я у нее спрашивал в прошлый раз, так что я пока подумаю, как нам ее побыстрее найти.

– Что, в свитере думается легче? – проворчал Сергей себе под нос.

Вытащил телефон и набрал номер Лены Красько.

Глава 13

Виктория Стрежина. Океан

Когда плот ударился в берег, Вика продолжала по инерции грести, зачерпывая ладонями мокрый песок. Наконец, открыв глаза, она увидела прямо перед собой ракушки, над которыми покачивалась прозрачная вода, и поняла, что доплыла.

«Доплыла...»

Радости не было. Перевалившись через край плота, Вика упала в воду и ползла до тех пор, пока не ощутила сухой песок. Она лежала на песке, а позади нее то прибывало к берегу, то вновь отбрасывало назад четыре канистры, связанные веревкой, на которой Вика должна была повеситься.

Она не знала, сколько времени ушло у нее на весь путь. Солнце еще не садилось, но Вика не смогла бы поклясться, что она плыла лишь один день. Часа два спустя после того, как она отплыла со своего острова, девушке стало казаться, что плот не движется. Стоит на месте, несмотря на то, что она усиленно гребет веслом, то с одной стороны плота, то с другой – второе она выронила.

От идеи плыть, лежа на животе, ей пришлось отказаться в первый же час: одно дело тренироваться возле берега, и совсем другое – плыть долго, не меняя положения и пытаясь при этом грести. Сначала затекли руки, затем начало ломить шею, а спустя еще полчаса у Вики возникло ощущение, что ее проткнули шестом, вонзив его сверху в позвоночник, и она больше никогда не сможет пошевелиться. Пришлось отдыхать, положив весла рядом с собой, но, обернувшись, Вика увидела свой остров, и ей показалось, что он стал ближе. «Не может быть! Меня относит обратно?!»

Она схватила весла и снова начала грести. На этот раз ее хватило на пятнадцать минут, и последние пять из них она всхлипывала от боли, отчаяния и от того, что ей так ничтожно мало удалось проплыть, несмотря на все приготовления.

Внизу, в толще океана, жили неизвестные ей существа – шевелились, плыли, поднимались на поверхность, чтобы рассмотреть, что за странная прямоугольная рыбина плывет над ними. Уткнувшись подбородком в разогретый на солнце пластик, Вика смотрела сквозь прозрачную

голубоватую бутылку и видела внизу темные силуэты – большие и маленькие. Иногда силуэты разлетались на мельчайшие брызги, и тогда она понимала, что видела косяк рыб. Но один раз то, что она приняла за большую стаю, стало подниматься вверх прямо под ней, и ей показалось, что даже волны дышат иначе от приближения того огромного, что обитало в глубинах океана и сейчас подплывало все ближе и ближе. Длинный вытянутый силуэт, размером не меньше Викиного плота, замер внизу, и она, забыв обо всем, пыталась разглядеть существо, формой напоминавшее подводную лодку с раздвоенным хвостом. Но не смогла даже оценить, на какой глубине оно застыло. Постояв под плотом, существо ушло вниз и слилось с темнотой океана.

Вика не заметила, как заснула. Просто в какой-то момент океан под ней стал пушистым, как кот, и она, раскрыв глаза, обнаружила, что и впрямь лежит на огромном коте, но не удивилась и не испугалась, а лишь обрадовалась. Протянула руку, чтобы поискать, где у него ухо, но наткнулась на что-то мокрое. В первую секунду Вика испугалась за животное, которое послушно несло ее на себе, но потом успокоилась. Вода, это всего лишь вода. «Откуда вода на коте? – подумала она. – Ведь коты не любят воду». Она провела ладонью, убирая влагу с шерсти зверя, и проснулась.

Она лежала поперек плота, и правая ее рука болталась в воде. Вика, дернувшись, резко вытащила ее и чуть не потеряла равновесие. Одно весло лежало у нее под животом, а второго нигде не было. «Потеряла, – похолодев, поняла она. – Я его потеряла».

Забыв об осторожности, о страхе перед муренами, Вика приподнялась, оглядывая поверхность воды, но океан был чист; даже волны не бежали по нему, и синяя гладь походила на перевернутое небо. Если весло и плавало неподалеку, то Вика его не видела.

Она попила немного воды из бутылки, полежала и заставила себя рассуждать здраво. «Потеря одного весла не смертельна. В конце концов, я могу грести и одним».

Но одним грести она не смогла: слишком много времени и усилий тратилось на перебрасывание весла из одной руки в другую. Опять начала болеть спина, а затылок ощущался как раскаленный шар, и Вика стала опасаться, что самодельная повязка не защитит ее от солнечного удара. Она поливала голову водой каждые пять минут, но ей казалось, что влага с шипением испаряется с горячих волос, оставляя на них белую соляную корку.

Вика заставила себя выкинуть из головы мысли о солнечном ударе.

Это было не так важно, как то, что она совершенно не двигается. Она опустила руки в воду и попробовала ими грести, но все равно ей казалось, что плот застыл на одном месте, несмотря на все ее усилия. К тому же она с ужасом обнаружила, что веревка размокла, растянулась и стягивает канистры не так крепко, как раньше.

«Вернуться?» Вика обернулась назад – туда, где из воды поднимались пальмы, а белого песка уже не было видно. Нельзя возвращаться. Если она вернется, то останется там навсегда, потому что у нее не хватит ни сил, ни отчаяния, чтобы третий раз попытаться уплыть с острова. От этой мысли Вика ощутила прилив злости и покачала головой. Нет, она не вернется. Она что-нибудь придумает.

В состоянии раздражения на саму себя она поднялась и села на плоту, еле удерживая равновесие. Вика уже пыталась проделать такое, когда тренировалась, но быстро убедилась, что не сможет долго балансировать – плот то и дело грозил перевернуться. Но сейчас, проведя на нем несколько часов, она почувствовала, что задача не так сложна, как казалось вначале. Плот относительно устойчиво держался на воде, и Вика взяла в руки весло и попыталась грести так, так гребут на каноэ. Плот поплыл вперед, и она затаила дыхание, словно боялась, что выдохнет – и упадет в воду.

Она все же упала, и не один раз, и первые четыре раза, забираясь на плот, с ужасом ждала появления рядом пятнистых змей с тупыми мордами. После пятого падения страх прошел, после десятого она совсем перестала думать об опасности. А потом мысли об океане исчезли. Осталась работа, которую нужно было сделать – грести, удерживая равновесие на четырех канистрах, под которыми болтался мешок с бутылкой воды, тушенкой, пластырем и ножом.

И она гребла, гребла, падая в воду от любого резкого толчка, затем забираясь обратно и снова принимаясь орудовать куском фанеры. Временами ей казалось, что она опять не двигается, но, обернувшись назад, Вика видела, что пальмы уменьшились в размерах. Надежда заставляла ее грести, относительное хладнокровие подсказывало, как экономнее расходовать силы, стремление выжить поддерживало ее на жалком плоту, разогретом так, что руке было больно касаться его поверхности.

В конце концов Вика догадалась облить плот водой. Уже не боясь, она прыгнула в воду и обрызгала канистры, одной рукой держась за веревку. Вернулась обратно и снова принялась грести, бесконечно взмахивая веслом, уже и не глядя туда, где поднимался из сверкающей воды второй остров.

Она проваливалась в полузабытье от жары и усталости и тогда не

видела перед собой ничего, кроме сверкающих бликов. Потом мотала головой, терла глаза, сильно зажмурившись, чтобы не попала вода, и туман в голове рассеивался, а блики складывались в дорожку, ведущую к далекому острову.

Он по-прежнему был далеким. Гребла ли Вика или отдыхала, остров, казалось, оставался на том же расстоянии, что и прежде, – так далеко, что она различала лишь очертания невысоких синеватых хребтов. Когда она в третий раз достала бутылку с водой и отпила, ее вдруг пронзила мысль, от которой она поперхнулась и долго кашляла, прижимая бутылку к себе, чтобы не пролить драгоценную воду. «А если это – мираж?!»

Но паника прошла, точнее, Вика заставила ее исчезнуть, сказав себе категорично и жестко: остров есть. Она видела его со своего берега, а значит, он не может быть миражом. К тому же мираж бывает только в пустыне, а здесь – океан. Безумная догадка, что вокруг не океан, а пустыня, кольнула ее, и Вика живо увидела со стороны, как она дергается на связанных канистрах, под которыми – песок, и вокруг поднимаются желтые барханы, ветер несет сухую жару, а невдалеке сидят под тенью навеса люди с биноклями, качают головой и гортанно смеются, глядя на нее. «Как быстро она свихнулась, вы только поглядите! Сколько она уже так плывет? Пять часов? Ха-ха-ха! Четыре метра за пять часов – неплохой результат, господа, очень неплохой. Пари на следующие четыре метра хотите?»

– Нет! – хрипло выкрикнула она, зачерпнула воды и плеснула себе в лицо. Кожу защипало и так стянуло, словно она стала мала для лица. – Нет!

Вода привела ее в чувство, но окончательно убедило в реальности происходящего неожиданное воспоминание о рыбе, которую она встретила в первый день своей жизни на острове. «Я не могла такое придумать. И сейчас не могу. Все происходит на самом деле. Спокойно, спокойно... Не сдаваться. Я доплыву».

Она пропустила момент, когда очертания острова перестали быть синими контурами и превратились в силуэты деревьев, растущих на высоком каменистом берегу. Вика подняла глаза и отчетливо разглядела коричневатую-красную скалу, к которой двигался ее плот – невысокую, но почти отвесную, без всякой растительности. В первую секунду она не поверила самой себе, но в следующую сердце остановилось и пропустило два удара, а затем забилось так неистово, словно торопилось наверстать упущенное. Она издала хриловатый звук, в котором никто не угадал бы смешок, и прижала руки к лицу. Из глаз текли слезы, и Вика сильно зажмурилась. А затем поймала себя на том, что боится открыть глаза – вдруг берег исчезнет?! Она столько раз обманывала саму себя. Неужели и

сейчас?..

Она резко открыла глаза и выдохнула. Остров был перед ней.

«Я доплыла!!!»

Вид скалистого берега привел Вику в чувство – она не смогла бы высадиться здесь и забраться по скалам наверх, хотя они и были невысоки. Следовательно, предстояло обогнуть остров, чтобы найти место для высадки. Молясь о том, чтобы такое место нашлось, Вика принялась грести с удвоенной силой.

Несколько раз она попробовала крикнуть, чтобы привлечь внимание тех, кто живет на острове, но голос был так слаб, что она оставила эти попытки. С замиранием сердца девушка высматривала между скалами признаки, говорящие о том, что здесь есть люди, – сети, разбитые лодки, деревяшки, – но ничего не находила. «С этой стороны опасно рыбачить, – объяснила себе Вика. – Они там, где можно спустить на воду лодки».

Кого она здесь увидит, Вика не могла даже представить. Но теперь, когда она убедилась, что эта земля – не мираж, не плод ее измученного воображения, она поняла: того, кто заточил ее на необитаемом островке, здесь нет, и можно не бояться. Нужно только, чтобы хватило сил найти пологий берег. Она слишком устала, чтобы долго плыть.

Вика гребла, покачиваясь на плоту, и ей казалось, что она приросла к канистрам, на которых сидела по-турецки, подогнув ноги. Но скалы не кончались – однообразные, с выступающей из них желтой породой, казавшейся вкраплением песка, с глубокими темными трещинами. Круглые валуны выступали из моря, и при приближении Викиного плота с одного валуна соскользнуло в воду черное, гибкое существо и бесшумно исчезло в глубине. Девушка больше не смотрела в воду под собой, хотя между камнями пестрело что-то яркое, меняющее цвета по мере приближения ее плота. Вику не интересовали те, кого она могла увидеть в воде. Ей нужно было выбраться на землю. Она очень устала.

Бухточка открылась так неожиданно, что Вика чуть не выронила от удивления весло: только что она плыла мимо скал, с тоской оглядывая их бесконечные зубцы, поднимавшиеся над нею башнями неприступной крепости, и вдруг стена разошлась, открывая вход в бухту. Глубокий узкий проход вел к острову, и издавдала она увидела, что он заканчивается песчаным берегом – таким пологим, словно бухта была творением человеческих рук. В тишине, нарушаемой только плеском весла и волн, Вика поплыла внутрь бухты, каждую секунду ожидая, что ее окликнут на незнакомом языке.

Когда берег оказался так близко, что можно было различить мелкие

полосатые ракушки, вынесенные на него, Вика со странным чувством беспомощности и обреченности ощутила, что не может сделать больше ни одного движения. Она не могла поднять легкое фанерное весло, не могла опустить его в воду, не могла зачерпнуть воды, чтобы умыть лицо. Девушка облизнула потрескавшиеся губы и собралась позвать на помощь, но голос пропал. Она поняла, что это – конец, что она так и умрет в двух шагах от берега, и люди найдут ее тело, когда придут сюда, но мысль о смерти оставила ее совершенно равнодушной, как будто Вика думала не о себе, а о придуманной героине, судьба которой была ей безразлична. Тогда она разжала пальцы, и весло выпало из руки и закачалось на поверхности воды, которая здесь, в бухте, была не синей, а зеленой. Вика с трудом распрямила затекшие ноги, легла на свой плот и закрыла глаза.

Ее покачивало – слабо, почти незаметно. Вика опустила руки в воду, оказавшуюся прохладной, и ощутила, что ее поднимает и несет над океаном вместе с плотом. Она поглаживала воздух ладонями, чувствуя, как его струи омывают ее измученные пальцы, и темные пятна неслись перед ее глазами, складываясь в образ города – прекрасного города с семью высокими башнями, поднимающимися до облаков. Внизу под Викой проходили люди, и она отчаянно захотела спуститься к ним, пусть даже ей никогда больше не придется испытать чувство полета! Она замахала руками, будто раздвигая воздух, который начал сопротивляться ее усилиям, и с радостью поняла, что и в самом деле опускается – все ниже, ниже и ниже. Пальцы ее захватили мокрый песок, Вика открыла глаза и увидела, что она доплыла.

Вечером она возвратилась к своему плоту, предусмотрительно вытащенному как можно дальше на берег, чтобы не унесли волны, и опустилась на прогретый песок. Она проделала сегодня длинный путь, изучая остров, и обратно добрела еле-еле, падая через каждые десять шагов от слабости. К горлу периодически подкатывала тошнота, и после этих приступов Вика покрывалась холодноватым липким потом, от которого исчезали последние силы. Сейчас, лежа на песке, девушка старалась дышать размеренно, и постепенно тошнота ушла, оставив лишь слабость. «Хорошо, что я успела осмотреть все до того, как обессилела. Иначе пришлось бы совсем трудно».

Остров оказался не намного больше ее собственного – по его очертаниям Вика представляла себе огромное пространство, но ошиблась: остров был вытянутым в длину, и форма его напоминала длинный кинжал.

С той стороны, откуда Вика приплыла, он был скалистым, и на всем

берегу она разыскала лишь одну бухту, в которую могла бы заплыть на своем плоту, кроме той, в которую причалила. Противоположная сторона была почти такой же, как и весь Викин остров – пологой, с желто-белым песком, похожим на манную крупу. На острове было мало зелени, а линия деревьев, которую Вика издали приняла за горы, покрытые лесом, оказалась совсем узкой: весь «лес» Вика прошла за четверть часа, спускаясь по склону, пока не выбралась на другой берег. Те места, где она видела густые заросли и могла опасаться насекомых, Вика благоразумно обходила, но даже эта предосторожность не намного удлинила ее путь.

Она сделала три наблюдения за то время, пока осматривала остров.

Во-первых, он состоял из полос: полоса скал, полоса земли и деревьев, полоса песка. Граница между полосами была такой четкой, словно Вика шла по куску огромного торта, приготовленного из теста разного цвета.

Во-вторых, на острове не было пальм.

С третьим наблюдением дело обстояло сложнее всего, потому что Вика не могла его выговорить даже мысленно. Она ощущала себя так, будто забыла несколько слов, будто их начисто стерли из ее памяти. Но произнести их надо было обязательно – хотя бы молча, – просто для того, чтобы не дать победить себя той силе, которая стирала из ее мыслей три слова, складывающихся в предложение. Последнее предложение, заканчивающее ее историю.

Остров был необитаем.

Сергей провел три часа, дотошно выясняя у Лены Красько все, что та знала о знакомых и коллегах Вики Стрежиной. Он по несколько раз возвращался к одним и тем же персонажам, поскольку в процессе разговора обнаружилось, что Лена вспоминает информацию «по кускам», упуская события, детали, которые могли бы оказаться важными, и они всплывают в ее памяти лишь спустя какое-то время. Хмурый бородатый муж Лены ходил по комнатам, иногда заглядывая в кухню, где сидели Бабкин и Красько, и видно было, как его раздражает визит постороннего мужика, никак не желавшего отвязаться от его жены.

Девушка очень старалась, и Сергей оценил, с каким тщанием она копалась в своей памяти, как упорно заставляла себя вызывать перед глазами образы людей, которых она давно не видела, оценивать, как они относились к Вике, и вспоминать, почему она сделала тот или иной вывод. К концу третьего часа Лена выглядела измученной, несмотря на то, что они прерывались несколько раз, чтобы попить чаю и попытаться поговорить на отвлеченные темы: Сергей хотел отвлечь собеседницу, чтобы она не

концентрировалась на одном и том же. Но, несмотря на его усилия, Лена быстро сбивалась на тему о Викином исчезновении. В конце концов он махнул рукой и решил, что, возможно, так даже лучше: в свободной беседе, не направляемой им, Красько сможет вспомнить что-то пропущенное ранее.

Однако, уходя из квартиры Викиной подруги и унося с собой ворох бумаг с записями, Сергей чувствовал разочарование. Он успокаивал себя мыслью, что, возможно, Макар сможет вычленить из этого нагромождения сплетен и фактов рациональное зерно, которое поможет построить ему логическую цепочку, либо просто подскажет, куда двигаться дальше. Бабкин не раз видел, как работает интуиция напарника, и где-то в глубине души надеялся, что Илюшин сможет, как фокусник, вытащить кролика из шляпы – прочитать записи и сказать, кто преступник, в своей обычной насмешливой манере.

Когда он вернулся в квартиру-офис, Макара не было. Сергей не стал звонить, понимая, что Илюшин занят делом, от которого его нельзя отвлекать. Он надел фартук и встал к плите, чувствуя себя кем-то средним между плохим дворецким и хорошей кухаркой. Поразмыслил, раскрыл шкаф, оглядел полупустые полки и достал пакет с рисом.

Глядя на пузырьки, поднимающиеся над белой крупой, залитой водой, Бабкин думал о том, что все их построения возведены на песке. Они рассматривали одну гипотезу и даже в ней сужали круг поисков до самого узкого. Но существовала масса факторов, которые могли изменить судьбу Вики Стрежиной после того, как она долетела до островов, и тогда их с Макаром догадки становились лишь домыслами. Сергей, бывший опер, привыкший оперировать фактическими данными, не находил ни одного подтверждения тому, что Стрежина и в самом деле находится на острове. И потому он осознавал всю бессмысленность шагов, предпринятых ими за последние две недели.

«Достоверно известно лишь то, что она прилетела на Соломоновы острова. И все. Там могло произойти что угодно: случайность, чей-то умысел... Все, что угодно. Макар пошел в неправильном направлении. Все прошедшее время мы занимались ерундой».

Он подумал о том, что делом Стрежиной, кроме них, занимаются власти, но Сергей слишком хорошо знал, как неповоротлив маховик официального расследования. «Сначала запросы... затем местная полиция опросит свидетелей. Соломоновы острова – не Таиланд, дикой заинтересованности в туристах у них нет, а потому они не станут даже делать вид, что лучшие силы полиции брошены на поиски пропавшей

туристки. Да и неизвестно, есть ли они – лучшие силы». Бабкин помнил о том, что на Соломоновых островах постоянно происходят стычки граждан с властями, и читал предупреждения, вывешенные на сайтах туристических фирм: «Мы бы не советовали нашим туристам выбирать это государство в качестве места для отдыха. Пока там может быть небезопасно».

– Может быть небезопасно, – повторил он. «И кто в стране, где может быть „небезопасно“, станет искать глупую туристку, удравшую из гостиницы за приключениями на свою пятую точку? И ведь никого не убедишь, что дело не в приключениях, поскольку никаких доказательств у нас нет».

Окончательно помрачнев, Сергей уселся на коврик под окном, собираясь в пятый раз разложить все по полочкам, и тут вернулся Илюшин.

Макар был раздражен. Доверяя своему чутью, а временами полагаясь на него больше, чем на любые факты, он с неприятным ощущением обнаружил, что с некоторого момента не слышит собственного внутреннего голоса. Интуиция помогла ему вытащить Бабкина из теплых объятий клуба «Артемиды», но после возвращения из клуба она не давала о себе знать. Илюшин самонадеянно решил, что это говорит об одном: они с Сергеем движутся в правильном направлении, а потому в подсказках внутреннего голоса нет нужды. Но одна версия отпадала следом за другой, а решение все не находилось. Полчаса назад он выяснил, что и очередная гипотеза, на которую он возлагал большие надежды, оказалась очередным тупиком.

– Мадам Осьминой больше нет с нами, – оповестил он Бабкина с порога.

Тому хватило секунды, чтобы обдумать новость.

– А родственники? – быстро спросил он. – Близкие друзья? Люди, очень любившие ее? Надо искать среди них! Если косвенным виновником смерти дамочки кто-то посчитал Стрежину...

Макар отрицательно покачал головой, и Сергей замолчал на полуслове. Илюшин прошел в комнату, мельком бросив взгляд на стопку листов, в беспорядке валявшихся на столе.

– Ты не понял. – Он лег на диван и закрыл глаза. – Юлия Борисовна Осьмина жива и здорова. После того, как она уволилась из «Юго-запада», сия дама удачно подобрала себе мужа и уехала с ним в солнечную Испанию. В настоящее время овладевает испанским языком. Так что, мой преждевременно радующийся друг, даже очень оскорбленной Юлии Борисовне вряд ли пришло бы в голову мстить какой-то сопливой девчонке, когда она сама, как принято сейчас выражаться, в полном шоколаде.

– Нет, постой... – пытался сопротивляться Сергей. – Наоборот! Если ее супруг состоятелен, то у Осьминой только сейчас появилась возможность осуществить задуманное!

Макар покачал головой, не открывая глаз.

– Я разговаривал с одной из ее приятельниц, хорошо осведомленной дамочкой. Юлия Борисовна занята делом: с головой ушла в собственный маленький бизнес. У нее, видишь ли, открылся талант – она прекрасно подбирает аксессуары. И вот с помощью влюбленного супруга мадам Осьмина открыла небольшой магазинчик в Барселоне, в котором торгует всякими дамскими мелочами типа зонтиков, поясков, шейных платков. За последними ездит по всей Испании, подбирает наиболее оригинальные, договаривается с производителями... В общем, живет довольно насыщенной жизнью, в которой, я уверен, нет места никакой Вике Стрежиной. А что у тебя?

Бабкин негромко выругался, что лучше всяких слов объяснило Илюшину, как именно обстоят дела у напарника.

– Вот здесь все, что Красько мне рассказала, – он безнадежно махнул рукой на разбросанные по столу листочки. – Людей много, информации тоже много, а что из нее сор, что зерна истины, я так и не понял. По-моему, все сор.

– Конфликты со Стрежиной? Сильная антипатия? Может быть, необычные персонажи?

– Нет. Фирма как фирма, девочки-секретарши, мальчишки-айтишники. Конечно, подруга Стрежиной покорно всех раздела с головы до ног, но ничего особенного в итоге не обнаружилось. И самое главное – ничего нового, вот что паршиво! Красько по-прежнему говорит, что Вику уважали, ценили, а после эскапад с предыдущими секретаршами искренне радовались, что наконец-то нашелся вменяемый человек, который хорошо работает и при этом пальцы не гнет веером в разные стороны. Ничего не выбивается из ранее составленного портрета, ни-че-го!

– Значит, снова приходим к Коцбе. Или же кто-то где-то что-то тщательно скрыл, – пробормотал Макар, сел на диванчике и протянул руку к ближнему листку. – Ладно, давай работать. У тебя на каждом листе отдельный персонаж, как я просил?

– Само собой.

Бабкин знал, что последует дальше: следующие полчаса Илюшин будет недоступен, отвлекать его не рекомендуется. Поэтому Сергей отключил звук телефонов и отправился на кухню варить себе кофе. Пить напиток в одиночестве ему не хотелось, его присутствие Макара не

напрягало, и Сергей вернулся в комнату, взял книжку с белой птицей на обложке и начал читать, время от времени поглядывая на напарника.

Илюшин сидел на диване, быстро пробегая глазами текст на очередном листке. Иногда он прерывался, обдумывал что-то и снова возвращался к записям Бабкина. Со стороны они выглядели как хаотичное нагромождение листов бумаги, исписанных крупным почерком, но Сергей знал, что Макар уже разложил их по своей, понятной только ему, системе, в которой персонажи, как он именовал людей вслед за Сергеем, могли быть объединены по любому, самому странному, признаку. Рядом лежал чистый лист бумаги, на котором разноцветными фломастерами Илюшин рисовал разнообразных человечков и их окружение. Изредка отрываясь от книжки, Бабкин наблюдал, как рядом с фигурками появилась длинная, на пол-листа, собака, за ней – дерево, под которым Макар намалевал что-то, отдаленно напомиравшее дракона с кошачьим хвостом. Опять задумался, изучая дракона, и снова погрузился в записи.

Каким образом из шаманства Макара вытекало решение задачи, Сергей не понимал, но зато не раз видел, к каким результатам приводила эта бессмысленная на первый взгляд работа. Все образы, которые Илюшин выуживал из своей головы, он набрасывал на бумаге, и в какой-то момент из них складывалась картинка, в которой смешные человечки стояли на своих местах, и ни одного из них нельзя было сдвинуть, чтобы не изменился весь сюжет целиком. Сейчас Бабкин понимал, что основой идеи Макара являлась нарисованная под человечками длинная собака, но что она означает – не знал. Красько не упоминала о животных, а что модифицировало в таксу илюшинское воображение, догадаться было невозможно.

Через час на столе лежал второй лист с корявыми существами, изображенными Макаром. Бабкин пригляделся, и в вертикально нарисованной крупной гусенице с шарфом вдруг явственно распознал Вениамина Рощина. Никакого сходства не было и, учитывая способности Илюшина к рисованию, быть не могло, но при взгляде на гусеницу, чуть заваливающуюся набок, сразу становилось очевидно – это именно Веня, и никто другой. Под гусеницей Макар вывел нечто совершенно невнятное, вроде ковра-самолета со значком доллара, а под ним пошли и вовсе неразборчивые рисунки.

«Опять отрабатывает тех, с кем мы встречались, – понял Бабкин. – Либо пытается совместить старую информацию с недавно полученной». Но вторая гипотеза была неверна, Сергей сам знал: в таком случае Илюшин вписывал бы старых персонажей на один лист вместе с новыми. Если он

этого не сделал, значит, вернулся к прежним версиям.

Тем временем Илюшин засунул фломастеры в коробочку, оставив под рукой только черный, и посмотрел на Сергея.

– Все, – устало сказал он, планомерно переворачивая каждый лист вниз рисунком или текстом. – Перерыв. Не совсем безрезультатно, конечно, какие-то зацепки есть... Вот эта девочка, про которую тебе Красько рассказывала, – Илюшин, не глядя, безошибочно вытянул нужный ему лист с записями Бабкина, – поначалу работала со Стрежиной, а потом перешла в отдел к юристам – так вот, она знакома с Вениамином, я готов за это ручаться на девяносто процентов. Но Рощин нам о знакомстве не сказал.

– Как ты это вывел? – недоверчиво спросил Бабкин.

– Неважно, – отмахнулся Илюшин. – Поверь мне пока на слово. Но их знакомство может быть полной случайностью. Да я, честно говоря, уверен, что так оно и есть. Имеется еще пара дорожек, возможно, ведущих к Стрежиной. Но они совсем узенькие, Серега, могу признаться откровенно. – Он озабоченно взглянул на часы. – Что-то наш информированный фээсбэшник не звонит. Не вздумал бы он сдать нас Коцбе раньше, чем продаст сведения о нем.

– Давай я тебе кофе сварю, что ли? – предложил Бабкин, стараясь скрыть глубокое огорчение и растерянность от того, что первый раз метод Макара не принес никаких плодов. – Или пиццу в духовку запихнуть?

Тот глянул на него и усмехнулся:

– Нет, Серега, спасибо, не надо. Сейчас отдохну и еще одну вероятность проверю. Как ты сам насчет пообедать?

– Позже. Во-первых, хотел главу дочитать. – Он махнул книжкой. – Неплохое чтиво оказалось, ты был прав.

– А во-вторых?

– Сейчас свяжусь с парнем из отдела, который в курсе расследования дела Липатова. Может быть, они что-то накопили.

Сергей не стал признаваться, что должен был позвонить еще накануне, но увлекся версией с причастностью к исчезновению Стрежиной Вениамина Рощина и совсем забыл о Липатове. В глубине его души держалась стойкая уверенность, что в такого рода преступлениях исполнителя можно найти только в том случае, если его сдадут организаторы, либо по нелепой случайности. Для исполнителя нелепой, для оперативников – счастливой. Такие подарки судьбы иногда падают с неба, и за время работы оперативником Бабкин не раз имел возможность убедиться в этом. Но что-то ему подсказывало, что на сей раз подарков не будет.

– Позвони, конечно, – встрепенулся Илюшин. – Может, мы с тобой, как два идиота, зря головы ломаем!

– Сомнительно, – пробурчал Сергей.

Он набрал номер, пока Макар возвращал голос домашнему телефону.

– Серега, здорово! – рявкнул ему в ухо бывший коллега. – Прямо только что тебя вспоминал! Ну что, слушай сюда...

Две минуты Бабкин с оторопью вникал в то, что оживленно говорил ему собеседник. Вернувшийся в комнату Илюшин мгновенно понял, что появилась новая информация, и сел на край дивана, жадно прислушиваясь к разговору. Но из отрывочных реплик Сергея он ничего не понял. Наконец Бабкин попрощался, поблагодарив приятеля, но таким странным голосом, что Макар понял: новости не сулят ничего хорошего.

– Что случилось? – живо спросил он, едва Сергей нажал на кнопку отбоя.

– Нашли виновника происшествия, – медленно ответил тот, – правильнее сказать, виновницу. Девушка выезжала из гаража на собственной машине, ударила по газам вместо того, чтобы нажать на тормоз, машину занесло, и она сбила Липатова. Перепугалась, уехала. Обнаружили ее позавчера, когда стали повторно опрашивать владельцев гаражей – тех, что рядом с липатовским. Нервишки у девушки и так были расшатаны, а когда она второй раз увидела оперативника, то решила, что все о ней узнали. Впала в истерику и сама все выложила. Машину осмотрели, улики ее рассказ полностью подтверждают.

– То есть как... – протянул Илюшин. – Ты хочешь сказать...

И замолчал. Бабкин не стал ничего говорить, поскольку объяснять было нечего: Макар и сам все прекрасно понял. Если Липатова сбили случайно, значит, все их построения разрушены, ибо были неверны изначально. Никто не пытался убить человека, который мог поднять шум из-за исчезновения Стрежиной; никто не нанимал стремительного киллера на машине; никто не обдумывал, убрать ли исполнителя. Не было исполнителя, а была глупая девушка, купившая права так же легко, как и машину. Глупая девушка с плохой реакцией, сбившая соседа по гаражу и в панике уехавшая с места происшествия. Вот и все.

– Пообедать пора, – безразлично сказал Макар, поднимаясь с диванчика и вспоминая, в какой камере морозильника лежит пицца.

Глава 14

Виктория Стрежина. Остров

Солнце опускалось в океан, и с того места, где сидела Вика, вода казалась такой плотной, словно по ней можно было добежать до солнца. Плотной и золотистой, а рядом с островом – глубокой черно-синей, густой. Вика сказала себе, что немногим выпадает счастье умереть в таком красивом месте, а потому ей грех жаловаться на судьбу. Собственно, она и не жаловалась. Скорее, ей было смешно. Прodelать такой путь, не утонуть по дороге, сохранить остатки съестного...

И выяснить, что остров необитаем.

Проснувшись на следующее утро, она долго выбирала место и наконец нашла. Как раз такое, какое и требовалось: достаточно высокое, чтобы видеть океан, и закрытое с одной стороны скалой от ветра. К вечеру она начала зябнуть, а горло опять заболело. Впрочем, теперь мысль о больном горле Вику не беспокоила, а лишь развеселила. Последнюю банку тушенки она доела накануне, и теперь пустая банка, вылизанная дочиста, валялась под деревом в двух шагах от Вики. Там же лежала бутылка, в которой больше не было воды.

Подумав, Вика отказалась от веревки. Она тщательно изучила берег и решила, что высокий обрыв, под которым волна окатывала камни, поднимая брызги, подходит для ее цели как нельзя лучше. Ее немного смущала недостаточная высота обрыва, но она сказала себе, что ей повезет. В конце концов, должно же ей хоть немножко повезти напоследок! Хоть чуть-чуть! Но полной уверенности, конечно же, не было, а потому она не торопилась избавиться от плота, хотя у нее и не хватило сил, чтобы развязать канистры.

Вика подползла к обрыву. Да, такой высоты должно гарантированно хватить, чтобы разбиться о камни. С того момента, как она проснулась, у нее болел живот – глухой тянущей болью. Вика пробовала встать, но голова кружилась даже тогда, когда она сидела, и ее попытки подняться на ноги вызывали лишь приступы рвоты. Теперь она передвигалась ползком, вставая лишь изредка и с трудом сохраняя равновесие. Один раз она все же упала и сильно ударилась головой о камень, а спустя короткое время со

страхом заметила, что перед глазами встает черная пелена, висит пару секунд и пропадает. Пелена появлялась несколько раз, и каждый раз Вика, прикрыв глаза, старалась спокойно переждать ее, отгоняя мысль о том, что она ослепла. Хотелось кричать, но в горле саднило, а язык стал таким большим и неповоротливым, будто его сварили у нее во рту.

Лежа на животе и глядя на камни внизу, Вика подумала, что все получится легче, чем ей казалось. Всего лишь чуть перевеситься с обрыва... Но что-то удерживало ее от последнего шага, хотя теперь она была совершенно свободна. Не страх и не надежда – у нее не осталось ни первого, ни второго. Скорее, осознание, что время еще не подошло. А потому она вернулась обратно, свернулась клубочком на теплом песке, закрыла глаза и принялась ждать.

Молчание за обедом было бы гнетущим и для Илюшина, и для Бабкина, потому что оба слишком хорошо понимали бы его причину. А потому они скупно перебрасывались репликами на отвлеченные темы, и со стороны могло бы показаться, что дела у этих двоих идут хорошо. Но Сергей, знающий, как разговорчив и насмешлив Макар в своем обычном состоянии, прекрасно видел, что напарник не просто обескуражен – у него выбита почва из-под ног. Если одно из их предположений оказалось в корне неверным, значит, с такой же легкостью неверными могли стать и остальные. Илюшин не был идеальным сыщиком и не раз повторял, что ошибки допускают все. А затем добавлял, что не всем дано не просто исправлять их, но и извлекать из этого пользу. Макар, разумеется, относил себя к последним, и Сергей соглашался с ним, но в деле Вики Стрежиной они не сдвинулись почти ни на шаг после начала расследования. Разве что выяснили непричастность тех, кого подозревали ранее, но зато расширили круг возможных похитителей до максимума.

Самое печальное заключалось в том, что и такая версия могла быть неверна изначально. А также в том, что срок жизни Вики Стрежиной на необитаемом острове, если она и впрямь там жила, был не столь долг, чтобы они могли позволить себе совершать ошибки.

– Может, нам с тобой стоит на что-нибудь переключиться? – предложил Илюшин.

– Новый клиент появился? – недоверчиво посмотрел на него Сергей.

– Нет, я не о том. Как насчет того, чтобы на правах хороших знакомых приехать в клуб «Артемида» и попросить устроить для нас сеанс психологической разгрузки? По-моему, это продуктивная идея. Ты уже бегал по их Гефсиманскому саду, антураж тебе знаком. Подумай только,

реализуешь детскую мечту! Кем ты себя представлял?

– Космонавтом, – проворчал Бабкин. – Хорош я буду в скафандре под лианами, правда?

– Не беспокойся, из тебя вытянут все твои затаенные желания, – утешил его Макар. – Будешь удирать от племени разъяренных амазонок.

– Нет, спасибо! Я уже видел одну, и она мне не понравилась. Психологическую разгрузку мне обеспечит твоя книжка. – Бабкин ткнул пальцем в глаз охотнику, сидящему на спине птицы, и раскрыл томик. – Кстати, ты прав, занимательное чтение.

Макар откусил кусок пиццы и задумался. Он заново прокручивал в памяти этапы их расследования, и в голове его зрела мысль, что они все сделали правильно, несмотря на то, что отталкивались от ложного посыла. Этот вывод подкреплялся интуитивным ощущением, что, несмотря на все старания, они пропустили небольшую, но важную деталь, и до тех пор, пока не найдут ее, их прочесывание второго круга общения Стрежиной будет лишь увеличением количества бесполезной информации.

«На что-то мы не обратили внимания... На что? Все близкие Стрежиной люди проверены. У некоторых из них есть мотив, но нет возможности – например, у ее семьи. Впрочем, даже если бы средства и были, Стрежины никогда не выкинули бы такую огромную сумму денег лишь для того, чтобы отомстить за что-то младшей дочери. При их-то патологической жадности... Нет, Стрежины действовали бы совершенно иначе, если бы у них были на то серьезные причины. К тому же одна антипатия к младшей дочери и сестре не может быть такой причиной, а иных мотивов мы не нашли.

У некоторых нет ни мотива, ни возможности: Лена Красько вряд ли стала бы убирать подругу, к тому же таким странным способом. У нее нет видимых причин для подобного поступка и явно нет средств.

Самым вероятным подозреваемым, с точки зрения Макара, по-прежнему оставался Аслан Коцба. Но Илюшин здраво оценивал свои силы и признавал, что собственные возможности по разработке шефа «Юго-запада» они исчерпали, теперь можно только ждать. Его не интересовали финансовые махинации Коцбы – а именно это составляло основную часть досье, полученного от человека, к которому он обратился за помощью, – ему важны были все факты биографии Аслана, зачем-то раз в неделю посещавшего любовницу из такого круга, с которым он изначально не должен был связываться. «Сходство со Стрежиной, сходство со Стрежиной... У него садистские наклонности по отношению к женщинам

подобного типа? Тогда понятно, отчего „цветочница“ не делится с подругами. Но зачем нужно было загонять Стрежину на остров? Банальный садист удовлетворил бы свои прихоти куда менее затратным и трудоемким способом. Впрочем, кто сказал, что речь идет о банальном садисте?»

Звонок телефона заставил его вздрогнуть. Илюшин переглянулся с Сергеем и быстро схватил трубку, ни секунды не сомневаясь, что звонит тот, кто им нужен.

Он долго слушал собеседника – неторопливый, внимательный к деталям, и перебил его только раз:

– Финансовая деятельность мне неинтересна. У вас есть еще что-нибудь, чего мы не знаем?

Выслушал короткий ответ, кивнул и повесил трубку. В ответ на невысказанный вопрос в глазах Бабкина Макар включил компьютер и дождался, пока тот оповестит его о пришедшем письме. Открыв вложенный файл, Макар присвистнул, а Сергей выругался.

Фээсбэшник прислал фотографию памятника на могиле. На снимке была младшая сестра Аслана, Фатима Коцба, погибшая в возрасте двадцати двух лет от удара пьяного мужа. «Вот черт», – только и мог сказать Илюшин, увидев на памятнике лицо Катерины Ромашовой в обрамлении темных волос – миловидное, серьезное, с характерным прищуром красивых карих глаз.

Аслан Коцба. За месяц до описываемых событий

Коцба снова достал снимок Катерины из ящика.

– Прости меня, Фатима, – негромко сказал он, как говорил всегда, глядя на фотографию девушки, так похожей на его младшую сестру. – Я виноват перед тобой. Прости.

Аслан повторял ритуал почти ежедневно, находя в нем успокоение. От слов «я виноват» действительная его вина становилась чуть меньше. Он вспомнил, как жаловалась тихая Фатима на то, что муж иногда угрожает ей, приходя в состояние неконтролируемой ярости, и как он, Аслан, не принимал ее жалобы всерьез, хотя искренне любил сестру. «Твой муж – нормальный мужчина, сердится. Бывает...»

– Я не смог защитить тебя. Прости.

Муж Фатимы не дождал суда: его убили в тюрьме. Семья Коцбы выполнила то, что должна была, но молчаливую сестру, отличавшуюся от своих агрессивных братьев мягким, пугливым характером, они уже не

могли вернуть.

Когда год назад Коцба, случайно зашедший в цветочный салон неподалеку от работы, увидел живую Фатиму, то не поверил своим глазам. Такого не могло случиться! Сначала – Стрежина, теперь – эта девушка... Но если сходство его референта с Фатимой было только внешним, а по складу характера Виктория оказалась полной ей противоположностью, то у Катерины Ромашовой даже голос звучал так же, как у сестры: тихо, спокойно, немного робко. Он не мог оторвать от нее глаз и впервые позволил кому-то собрать букет вместо него.

«Это не случайность, а провидение, – сказал он самому себе. – Ты должен искупить вину».

С тех пор он приезжал раз в неделю к Ромашовой, проводил у нее час и возвращался обратно. Этот час помогал ему больше, чем целый день, потраченный в клубе Перигорского. Он всегда оставлял деньги – преодолеть сопротивление девушки и ее матери оказалось совсем несложно, – обязательно привозил цветы. По заведенному ритуалу Катя сажала его за стол, а сама принималась что-нибудь рассказывать, и, слушая ее голос, Коцба на час забывал о том, что Фатима давно похоронена не в родной земле и что он виноват в том, что случилось. Если бы он поверил ей, выслушал, Фатима осталась бы жить.

Квартирку, которую Катерина снимала, Коцба просто ей купил – девушке нравился район, к тому же салон располагался в соседнем доме. Она не сразу привыкла к тому, что Аслан ничего от нее не требует, а мать Кати долгое время относилась к нему с нескрываемым подозрением, но чувства их обеих Коцбу, по большому счету, не волновали. Раз в неделю он возвращался на час в прошлое, платил за это свою цену, руководствовался только своими желаниями, и, если бы ему сказали, что он совершил хорошую сделку с совестью, Аслан бы очень удивился. Он искренне считал, что искупает вину перед сестрой.

* * *

Перезвонив фээсбэшнику и коротко поговорив с ним, Илюшин убедился, что версия с Коцбой рухнула, как подмытый водой песочный замок. У Коцбы были свои причины навещать девушку, похожую на Стрежину, но причина эта не имела к Вике никакого отношения.

Бабкин, до последнего уверенный, что они вот-вот узнают то, что расставит все по своим местам, лег на диван и закрыл глаза. Все.

Последняя ниточка расследования, на которую возлагалось столько надежд, оборвалась, и фактически им предстоит начать дело с нуля. «Мы не успеем», – мелькнуло у Сергея в голове. Чтобы прогнать эту мысль, он встал, сходил за книжкой Риддера и вернулся обратно на кухню, намереваясь отвлечься на чтение, пока Илюшин сидит, глядя в одну точку и рассматривая что-то, видимое только ему.

Макар попытался представить остров, на котором сидела девушка с фотографии, оставленной Липатовым, – почему-то Илюшин всегда вспоминал именно этот снимок, а не те, которые дал им Каморкин, – но не смог. Перед его глазами возникла картинка, словно из детской книжки: на картинке маленькая девочка в коротком летнем платьице махала рукой уплывающему кораблику с берега, по которому ползали раки с глазами на длинных усиках. Илюшин прогнал картинку, и вместо нее появилась другая, не такая веселая: девочка не улыбалась, и уголки ее губ были опущены книзу, как у трагического клоуна. Макар пропустил момент, после которого образы потекли потоком, не контролируемые им, и спохватился лишь тогда, когда на песке остались только раки, сползавшиеся со всех концов пляжа. Илюшина передернуло, и он сбросил образ. Все это, конечно, отлично характеризовало его глубоко запрятанную уверенность в том, как сложилась судьба Вики Стрежиной, но ничем не могло помочь в ее поисках.

«Ничего пока не сложилось, – сказал себе Макар. – Мы успеем ее найти».

Он не мог сказать, в какой момент они успеют найти Стрежину, но зато хорошо осознавал, что вся его убежденность – не более чем самовнушение. Илюшин кожей чувствовал, что если в ближайшие дни они не выйдут на след девушки, то не найдут ее уже никогда.

Он собрался поделиться сим утешительным выводом с Сергеем, когда тот хмыкнул и сказал:

– Слушай, Макар... Здесь у автора имеется спорное наблюдение. Одна из героинь говорит...

Он остановился на секунду и с выражением прочитал:

– «Какое страшное сочетание – глупость со злостью! В современных фильмах часто показывают умных мерзавцев как образец зла, но режиссеры, наверное, даже не задумываются, что от глупых злодеев гораздо больше вреда, чем от умных». Мысль, конечно, не особенно оригинальная, но я сейчас припомнил полдюжины мерзких знакомых – точно, чем они глупее, тем хуже последствия от их деяний для окружающих. Но, с другой стороны, глупость должна препятствовать

совершению преступлений в большом масштабе. Как ты считаешь?

Макар смотрел на Бабкина, так широко раскрыв глаза, что Сергей увидел в них отражение облаков.

– Я тебя серьезно огорошил? – удивился Бабкин. – Эй, ты чего?

Последнее относилось к действиям Макара: тот резко выхватил у напарника книгу, просмотрел страницу и остановился над строчками, которые зачитывал Сергей.

– Какое страшное сочетание – глупость со злостью, – повторил он. – Какое страшное сочетание...

– Макар, в чем дело? – насторожился Сергей.

Переведя на него невидящий взгляд, Илюшин покачал головой.

– Хватит башкой мотать! Что ты вспомнил?!

Макар наконец посмотрел на Бабкина, а не сквозь него.

– Какой же я был дурак! – протянул он. – Конечно, это требует подтверждения, но я почти уверен, что прав.

– В том, что ты дурак? Конечно, прав. Никакого подтверждения тут не требуется.

Илюшин не ответил, что лучше всяких слов говорило о его состоянии: Макар редко оставался в долгу. Минуту он молчал, уставившись на обложку, и выражение лица у него было такое, что Бабкин не стал задавать вопросов и просто молча ждал. Затем Илюшин перевел взгляд на Сергея.

– Ну вот что, – проговорил он, и в голосе его Бабкин с удивлением услышал сдерживаемый гнев. – Меня купили на такую простую уловку, что самому стыдно. И тебя тоже купили, кстати, но тебе простительно, а мне нет. Поэтому я сейчас собираюсь довести дело до конца, но прежде мне нужно кое-что узнать наверняка. Да, видимо, все дело именно в этом, других причин я не вижу.

– Макар, твою мать! – не выдержал Бабкин. – Объясни мне, что происходит!

Илюшин вскочил. Сейчас он был совершенно не похож на студента – скорее на небольшого хищного зверя вроде хорька: тонкого, гибкого, опасного.

– Серега, я все тебе расскажу, – пообещал он, оглядывая кухню в поисках телефона. – Только дай мне сделать один звонок, хорошо? Один звонок!

Он перемещался так стремительно, что Сергей не успевал следить за ним. Телефон, записная книжка, ручка и листок бумаг. Макар схватил все необходимое и стал набирать номер. Сергей перевел беспомощный взгляд с напарника на книгу и выругался себе под нос.

– Не ругайся, – попросил Илюшин, остановившись на последней цифре номера. – Лучше подумай вот над чем: если один человек дважды почти дословно повторяет фразы из разных книг, что это значит? Причем не цитирует текст, а просто вставляет в речь, как будто сам их придумал?

Он нажал на клавишу и вышел из кухни.

– Значит, он хорошо помнит эти книги! – крикнул Бабкин ему вслед.

Из комнаты донесся голос Илюшина, что-то быстро говорившего собеседнику.

– Черт его знает, что это значит, – раздраженно бросил Сергей и подвинул к себе книгу с охотником и птицей. – Может быть, это значит, что фразы часто употребляются, и не только им. А может быть, он хочет блеснуть эрудицией! Или ему нравится говорить книжным языком. Может быть, у него мало своих собственных мыслей, и он компенсирует их чужими!

Белая птица на обложке насмешливо смотрела на Бабкина круглым глазом. Охотник целился в него из лука. Сергей перевернул книгу обложкой вниз и прикрыл глаза. «Долго Макар будет разговаривать?»

Когда раздалися шаги, Бабкин даже не открыл глаза, и со стороны могло показаться, что он спит. Присевший напротив него Макар пару секунд вглядывался в спокойное лицо напарника, затем осторожно потянул книгу к себе. В следующую долю секунды лапа Бабкина молниеносно накрыла его руку, так что Макар вздрогнул.

– Я понял, – проговорил Бабкин лениво, не открывая глаз. – Долго медитировал и наконец понял. Если человек дважды повторяет разные фразы, которые кто-то написал до него, то это совершенно ничего не значит. Ни-че-го. Ну что, я нашел правильный ответ?

Он наконец открыл глаза и напряженно уставился на Макара.

– Нет, – серьезно и, как показалось Сергею, чуть грустно ответил тот. – Если человек дважды повторяет фразы, которые кто-то написал до него, это значит, что он сам их написал.

Михаил Олегович раскладывал продукты, когда раздался короткий звонок в дверь. «Должно быть, та бойкая дамочка из комитета жильцов пришла, – с недовольством подумал он, – вечно со своими подписями, словно других дел нет».

Он выехал в коридор и начал отпирать замок, готовя для дамочки язвительную речь о том, что он – инвалид и не стоит беспокоить его каждый день с вопросом, ставить ли новый домофон на подъезд. Однако, открыв дверь, он с изумлением увидел стоявших за ней сыщиков,

расследовавших исчезновение Вики. Изумление быстро прошло, и на лице старика промелькнула надежда.

– Макар, Сергей! – воскликнул он. – Неужели новости?

Бабкин резко шагнул ему навстречу, наклонился к лицу Каморкина, так что темные карие глаза оказались прямо напротив светло-карих глаз старика, и негромко процедил:

– Представьте себе, Михаил Олегович, есть новости.

– Что такое? – растерялся Каморкин. – Что случилось?

Темные глаза прищурились, а в следующую секунду Сергей с силой толкнул кресло от себя, так что оно врезалось в стену, и старик, мотнув головой, чуть не вылетел из него. Каморкин издал слабый крик, вцепившись руками в кресло.

– Помогите! – прохрипел он. – Убивают!

Макар деловито прикрыл дверь.

– На помощь! – крикнул Михаил Олегович громче. – Что вы делаете? Как вы смеете? Вы с ума сошли?! Отпустите меня!

Большая ладонь легла на его рот, и Каморкин в панике замолчал. Бабкин, чуть плотнее прижав ладонь к губам Михаила Олеговича, отрицательно покачал головой. Старик сглотнул и понял, что кричать не следует.

Сергей развернул кресло и затолкал упирающегося Каморкина в комнату. За ними вошел Илюшин.

– Интересно, где она? – спросил Макар, оглядываясь.

– Что... что вы ищете? – выдохнул старик. – Зачем вы пришли? Что вам нужно?!

Не обращая на него внимания, Бабкин присел на корточки возле письменного стола. В правой его тумбе были полки, а левая представляла собой что-то вроде шкафчика с резной дверцей. Сергей потянул за ключик, торчавший из замочной скважины, дверца открылась, и глазам Бабкина и Макара предстала старенькая пишущая машинка, возле которой лежала пачка бумаги.

– Я тебе говорил, что машинка, – удовлетворенно сказал Макар, изучая допотопный агрегат. – Поверь мне, это не от бедности, а исключительно от консерватизма.

– Я уже поверил, – мрачно бросил Сергей. – Всему поверил.

Он встал, за ним поднялся и Макар.

– Как прикажете к вам обращаться, Михаил Олегович? – с сарказмом поинтересовался Бабкин. – Может быть, госпожа Строганова? Анжелика Олеговна – неплохо звучит, по-моему...

– А мне больше нравится Риддер, – признался Илюшин. – Феликс Риддер. И названия у него куда звучнее, чем у Строгановой. Что такое «Путь к мечте»? Шаблон, причем скучный. А вот «Собаки Тлена» куда оригинальнее.

– «Зеркало Безбожника»...

– «Корабли великой пустоши»... Я полагаю, господин Каморкин, что названия к дамским романам придумывает издательство, а вот для фэнтези вы оставляете свои. А поскольку вы и в самом деле большой фантазер и выдумщик, то ваши, безусловно, удачнее. Согласны?

Старик откинулся в кресле, глядя не на них, а в стену с каким-то брезгливым выражением лица.

– Вы что-нибудь нам скажете? – осведомился Макар. – Или так и будете изображать партизана на допросе? Хотя... вам ведь не впервой кого-нибудь изображать, так что у вас это хорошо получится. Вы блистательно играете. Серега, – обернулся он к Бабкину, – напомни, кого мы с тобой видели?

– Бедного старика, живущего на крошечную пенсию. – Бабкин загнул палец.

– Дядюшку, любящего племянницу... Убедительно сыграно и очень вдохновенно.

Каморкин перевел на Илюшина ненавидящий взгляд.

– Серега, мы кого-то забыли?

– А как же. Самая главная роль – талантливый фотограф!

– Именно! О, здесь вам можно аплодировать стоя, Михаил Олегович...

Ненависть во взгляде старика сменилась ужасом.

– Вы думали, никто не узнает? – удивился Илюшин. – Но рукописи-то не горят! В нашем случае, конечно, не рукописи, а письма, но это сути дела не меняет.

– В-в-вы... письма... н-нет, не может быть... – выговорил Каморкин. – Откуда?!

Бабкин презрительно хмыкнул.

– Знаете, Михаил Олегович, – сказал Макар, – честно говоря, вы не первый преступник, которого я встречаю. Представьте себе, я даже знаком с довольно изощренными убийцами. Одни совершали преступления из жажды наживы, другие – от ревности, третьи – из мести... Собственно говоря, мотивов не так уж и много, даже для самых затейливых убийств. – Илюшин присел на корточки, с любопытством оглядел старика и наклонил голову набок. – Но я первый раз встречаю человека, совершившего убийство из чувства стыда, – резко закончил он.

– Нет! – не выдержал Каморкин. – Неправда! Я ее не убивал! И стыд здесь ни при чем!

– Неужели?! А что вы с ней сделали? Заманили на остров и бросили там, правда? Интересно, что она почувствовала, когда поняла, что ее обманули? Каково это было – остаться одной, совершенно одной? Или она там не одна?

– Одна... – слабо пискнул старик.

– Значит, одна. Как вы думаете, отчего она умерла? От жажды? От голода? От страха? Или она давно уже сошла с ума, не понимая, что происходит? Или она утонула? Вы хоть что-нибудь знаете о том, как вы убили собственную племянницу?!

– Я... не знаю, не знаю! Ее оставил там Андрей, он позаботился о ней! Там палатка, еда, вода...

– Позаботился? – по складам произнес Макар. – Позаботился?!

– Я только хотел...

– Позаботился?! И на какое же время, интересно, хватило заботы вашего Андрея?

Губы старика искривились, угол рта дернулся в сторону.

– А когда забота закончится, – тихо спросил Макар, – что она будет делать? Ведь вряд ли вы планировали оставить Вику на острове на год, не так ли? Это грозило бы случайностями, вроде проходящей мимо яхты или туземцев на лодке, занесенных ветром на остров... Значит, вашей заботы должно хватить на небольшой срок. И что потом? Мучительная смерть? Вот цена вашей тайны?!

– Вы... вы неправы... я жалел ее... – Голос Каморкина прерывался. – Я никогда не обрек бы Вику на жестокую смерть, никогда! Я все приготовил так, чтобы она могла легко умереть, очень легко!

Макар и Сергей молча смотрели на него, и лица у них были такие, что Каморкин закричал в голос:

– Вы ничего не понимаете! Когда у нее закончатся продукты, она не будет мучиться, потому что сможет повеситься! Просто... прекратит все это... просто прекратит сама, понимаете?! Это легко! Она не будет мучиться!

– Почему же ты, скотина, себе не приготовил такую легкую смерть? – с ненавистью процедил Бабкин, и крик Каморкина оборвался.

– Я... не мог, – он почти плакал. – Я позаботился о ней. Она будет счастлива перед смертью... ей все равно не нравилось здесь жить!

Сергей шагнул к нему, наклонился и выдохнул в лицо почти шепотом:

– Где она?

Крик испугал бы Михаила Олеговича куда больше, чем бешенство, прозвучавшее в шепоте Бабкина.

– На острове... – По его лицу текли слезы. – У нее все хорошо... я оставил ей продукты, воду... Она всегда мечтала...

– На каком острове? Карту!

Трясущимися руками Каморкин достал из ящичка стола карту. Бабкин вырвал ее у него из рук, развернул, перевел взгляд на старика.

– Ты наглая, злобная, трусливая тварь, – сказал он почти спокойно. – Ради сохранения гаденькой тайны отправил родную племянницу прямо в ад.

– Я хотел не так... – Каморкина колотило, он старел на глазах, будто каждое произносимое слово отнимало у него годы жизни. – Я хотел, чтобы она умерла счастливой! Она мечтала об острове, понимаете, вы!!! Я всего лишь осуществил ее мечту! Я все ей оставил: и продукты, и палатку, и шоколад! Она его так любила...

Голос его прервался, и он зарыдал, обхватив голову морщинистыми руками.

Макар с Сергеем переглянулись.

– Сколько жизни вы отмерили любимой племяннице? – рявкнул Бабкин. – Ну, отвечайте! Сколько дней рая?

Каморкин тупо смотрел на него сквозь слезы, покачиваясь вперед-назад.

– На сколько Вике хватит еды, я вас спрашиваю?

– Там тушенка, и одеяло, и пластыри... И шоколад, я оставил ей шоколад...

– На сколько дней?! – заорал Сергей.

– На две недели, – прошептал чуть слышно Михаил Олегович.

Бабкин выругался.

– Действительно, тварь, – покачал головой Илюшин. – Безумная тварь.

Он достал телефон, набрал номер и взглянул на карту, где среди Соломоновых островов был обведен один крохотный желтый кружочек – да и не кружочек вовсе, лишь точка на глянцевой синеве.

Виктория Стрежина. Остров

Вика умирала.

Она знала, что умирает. Самое обидное заключалось в том, что она так и не смогла выбрать свою смерть, несмотря на все приготовления. Поиск

правильного места – скалы, прыгнув с которой она непременно разбилась бы, а не осталась с переломанными костями истекать кровью на камнях; терпеливое ожидание момента, когда легче всего было бы подползти к краю и перевалиться вниз... – все зря. Она не решилась. В последнюю секунду, когда оставалось сделать лишь одно движение, чтобы навсегда уйти с этого острова – и со всех ему подобных, – в последнюю секунду она отклонилась назад и осталась лежать, беспомощно всхлипывая.

Она боялась боли.

Конечно, это было смешно. Внутренности Вики стало скручивать еще с вечера, словно кто-то время от времени проворачивал в них раскаленную пружину. За ночь у нее несколько раз сильной судорогой сводило ноги, и девушка каталась по песку, крича от боли. Судорога постепенно отступала, но за ней наваливалась тошнота – не такая, как прежде, а особенно гадкая, выворачивающая наизнанку.

И все же она боялась боли – последней боли от удара о камни. И сколько ни твердила себе Вика, что это будет избавлением, что-то внутри ее отчаянно сопротивлялось. Что-то не хотело избавляться от боли, потому что боль означала жизнь.

Она умирала глупо и некрасиво, хотя всегда жила с ощущением, что смерть ее будет легка, быстра и неожиданна. Например, разорвется что-нибудь внутри, и мир в одну секунду потухнет. Или чья-нибудь пуля, выпущенная от беспомощности, ударит в ее тело, оказавшееся рядом со стрелявшим человеком, конечно же, совершенно случайно... Такая смерть ее вполне устраивала, и Вика всегда думала, что умрет именно так.

Но ее медленное умирание было уродливым: с судорогами, рвотой, невыносимой жаждой, от которой, казалось, с языка одним рывком сдернули кожу, и теперь он кровоточит у нее во рту. Голода Вика не ощущала. Точнее, то, что она ощущала, нельзя было назвать такими простыми, понятными словами. Чувство голода она испытывала, когда не успевала пообедать в офисе и ехала вечером домой, представляя себе две куриные котлеты, которые она разогреет на сковородке. Чувство голода мучило ее после тренировок, когда она, вдоволь наплававшись в бассейне, торопилась достать припасенную заранее шоколадку и откусить маленький кусочек – так, чтобы в нем обязательно попался орешек. Она любила шоколад с орешками.

Но то, что Вика чувствовала, лежа на песке, не было похоже на те ощущения. Все ее тело кричало, что ему нужна, нужна, НУЖНА еда! Что оно иссыхает без еды и воды, что оно начинает пожирать само себя, что оно будет умирать долго и мучительно, если она, Вика, не покормит его!

Встань, командовало тело, пожуй траву, раскопай песок, сделай хоть что-нибудь! Трава даст тебе сил, под песком будет пресная вода – встань, не лежи, ты же умираешь, черт возьми! Или ты не понимаешь этого? Неужели боль не говорит тебе о том, что очень скоро тебя не будет – скорее, чем ты думаешь!

Вика продолжала лежать неподвижно. У нее не было сил на то, чтобы встать.

Когда-то, давным-давно, когда мать будила ее в школу зимой, а за окном стояла такая плотная темнота, что по утрам не раздвигали занавески, чтобы не видеть ее, Вика просыпалась с трудом. Мать злобно кричала что-то о пяти минутах, по прошествии которых Вика должна быть умыта и причесана, и она соглашалась, закрывала глаза и в полусне видела, как она встает, идет в ванную комнату, умывается и причесывается, выходит в кухню...И потому, получив болезненный тычок, выдергивавший ее из сна, Вика открывала глаза с изумлением: за что ее ругают, ведь она умылась и причесалась! И обнаруживала, что все это ей приснилось.

В такое же состояние она погружалась и сейчас. Вторая Вика поднималась, с трудом ковыляла к пальмам, разрывала руками песок – легкий, странно упругий, – и под ним проступала лужица воды, в которую медленно сползали стены вырытой ямы. Вторая Вика набирала воды в горсть, выпивала, ощущая слабый солоноватый привкус; она лежала, отдыхая, около ямки, а затем выкапывала в лесу съедобные корешки. Одного корешка хватало, чтобы утолить голод на целый день.

«Сказка. Какая хорошая сказка... У меня не хватит сил даже на то, чтобы доползти до края скалы, не говоря о том, чтобы вырыть яму. Но самое главное не в этом. Самое главное в вопросе – зачем? Что даст мне вода? Сорок дней жизни? Сорок дней я буду жить надеждой на то, что меня спасут, и снова сходить с ума от любого шороха? Нет. Ни за что. Может быть, я недостаточно сильна, чтобы закончить все это так, как хотела, но я не стану продлевать собственные мучения. Я пройду через них один раз. Я умру здесь. Пусть я умру скоро».

Перед глазами Вики плавало жирное черное пятно, и она заметила, что оно постепенно увеличивается. Когда Вика приоткрывала глаза, пятно несколько секунд продолжало висеть в воздухе, а затем исчезало, но стоило сомкнуть веки, и оно возвращалось. Пятно росло, словно опухоль, и Вика понимала, что скоро ничего, кроме жирной черноты, не останется перед ней.

Чтобы не сосредоточиваться на боли, она попыталась заставить себя думать о чем-нибудь. Пыталась вспомнить дядю Мишу, Ленку Красько,

заботливого Антона Липатова, которого ласково и чуть насмешливо звала Липатычем... Но в голове были лишь имена, за которыми стояли блеклые образы, и Вика отчетливо видела букву А с высокой перекладной в имени Липатова, но не видела самого Антона. Она не могла его вспомнить. И Лену не могла. И дядю Мишу.

Но вместо них перед глазами неожиданно возник мальчишка – высокий, худой, с серьезными серыми глазами. Мальчишка постоял на подоконнике, затем шагнул в воздух и повис там, искоса поглядывая на нее. Вика никогда не видела мальчишку раньше, потому что книжка о Питере Пэне, которую она брала в библиотеке пять раз, была без картинок. Но сразу узнала его. Когда-то в детстве она мечтала о том, что в ее окно постучится именно такой мальчишка, посыплет на нее порошок, от которого она сделается невесомой, и унесет Вику на свой остров.

«Остров! – Она внутренне рассмеялась. – Вот откуда взялся Питер Пэн! Ну конечно, остров с чудесным названием Нетинебудет, где жили феи, пираты, мальчишки и краснокожие индейцы. Нетинебудет... Я – остров. Это про меня. Это меня не будет. Нет и не будет».

Нет и не будет.

Нет и...

Нет.

Когда неподалеку от нее громко, надсадно закричала птица, Вика догадалась сквозь сон, что за ней прилетела Птица Нет. Не открывая глаз – да и невозможно было их открыть, потому что жирное черное намертво слепило веки, – она чувствовала, что Птица подходит по песку на длинных тонких ногах, наклоняется над ней, примеряется, как бы поудобнее ухватить Вику клювом. «Все равно, как, – хотела сказать ей Вика. – Унеси меня отсюда. Даже если мне будет неудобно, не беспокойся об этом. Просто лети».

Птица закричала снова – странная, непонятная Вике радость слышалась в ее крике, – и тут же с берега отозвалась вторая. Откуда-то снизу прокричала третья, еле слышно, и первая Птица ответила ей коротким вскриком.

«Как странно, – подумала засыпающая Вика, – кажется, Птица Нет была только одна... Наверное, из тех яиц, которые Питер Пэн положил в свою шляпу, уже вылупились птенцы».

Ей вдруг очень захотелось посмотреть на птенцов, которые вылупились у Птицы Нет. Но жирное черное не давало открыть глаза, и Вика осознала, что сейчас умрет, так и не увидев Птицу и ее детенышей.

Птица над ней снова вскрикнула, и на этот раз крик ее был тревожным. Два птенца не ответили.

«Я тебя увижу, – пробормотала Вика про себя, силясь открыть глаза, прогнать черноту. – Не тревожься, я тебя увижу»...

Черное давило на нее, пыталось расползтись по всему лицу, не давало никуда уйти от пустоты, заполняя мысли и чувства. Черное разрасталось, превращаясь в остров, вокруг которого скользили мурены. Словно маска, прижатая к лицу, черное закрывало от Вики все вокруг и прятало ее саму. С отчаянным усилием Вика заставила себя вспомнить Антона Липатова, и от воспоминания черная опухоль вдруг начала съеживаться, края ее обуглились. «Твой остров – он внутри тебя, понимаешь?» – насмешливо и нежно сказал Антон, словно объяснял ребенку очевидные вещи. И, поверив ему, Вика смогла, наконец, разлепить распухшие веки.

Ее резануло светом, и, щурясь от рези в глазах, она разглядела над собой Птицу Нет. У Птицы было темнокожее лицо с широким носом и большими карими глазами, блестящими, как гладкие морские камешки. Тонкими пальцами Птица бережно ощупывала Вику.

Наклонившись над Викой и пристально глядя ей в глаза, Птица провела пальцем по ее лбу и что-то негромко проговорила-прокурлыкала. Вика слабо шевельнула губами, пытаясь поблагодарить Птицу за то, что та прилетела, не бросила ее одну умирать на острове, и в эту секунду полубред-полусон растаял окончательно, и Вика поняла, что над ней склоняется человек, а позади него стоят еще двое – она видела их размытые силуэты. Что-то прохладное коснулось ее губ, и в рот потекла вода, густая, как молоко.

Жадно глотая воду, Вика прикрыла глаза, и обнаружила, что черного пятна больше нет. Вместо него перед глазами повисла сверкающая золотистая пелена. Она глубоко вдохнула и нырнула в золотое сверкание, словно в океан.

Глава 15

Семь дней спустя

Бабкин вошел в палату, чувствуя себя полным идиотом, поскольку в руках у него была авоська с мандаринами. Мандарины он купил сам, а авоську раскопал в закромах своей квартиры Макар, и, несмотря на отчаянные возражения Сергея, заставил того тащиться с авоськой.

– Маленькая месть за твой фокус с «Артемидой», – заявил Илюшин, наслаждаясь видом Бабкина с веревочной котомкой в руках.

– Я тебе это припомню, – пообещал Сергей. – Ты авоську специально для меня хранил? Откуда у тебя такой раритет?

– Подарок благодарного клиента. Бери мандарины – и вперед, не трати время.

В больничную палату Сергей вошел, стыдливо пряча мандарины за спину, однако от дверей Макар исхитрился толкнуть его так, что авоська с блестящими ярко-оранжевыми шариками оказалась впереди Сергея.

– Здравствуйте, – неловко поздоровался Бабкин.

– Добрый день, Вика, – высунулся вперед Макар.

– Здравствуйте! Ой... – изумленно сказала девушка, лежащая на кровати, и глаза ее расширились. – Мандарины! Господи, как мне хотелось мандаринов!

Она взглянула на Бабкина карими глазами и улыбнулась так радостно, словно только и ждала появления Сергея, авоськи и мандаринов. От улыбки исхудавшее лицо преобразилось, став почти детским. Она была очень смуглая, очень худая – такая худая, что первыми бросались в глаза острые, будто заточенные, скулы и подбородок, а щек не было вовсе.

– Только... мне ведь нельзя мандарины, – вспомнила она, и улыбка исчезла с ее лица. Теперь она стала похожа на ту молодую женщину с фотографии, которую оставил у Макара Антон Липатов: сдержанную, серьезную, замкнутую.

– Ничего страшного. – Илюшин выдвинулся вперед, решительно отодвинул в сторону мнущегося около кровати Бабкина и выдернул у него авоську. – Оживим интерьер.

Пять минут спустя одноместная палата была украшена мандаринами. Они светились на подоконнике, на полочке под телевизором, и даже на

самом телевизоре Макар пристроил пару штук, предусмотрительно смахнув с него пыль. Сергей оживленно помогал ему, чувствуя, что Макар играет в какую-то игру, и, хотя цель игры была ему неясна, он понимал, что нужно подыграть.

Вика, откинувшись на подушку, смотрела на них во все глаза. Ей уже рассказали о том, что, если бы не эти двое, ее вряд ли бы нашли так быстро. Если бы не двое частных сыщиков и Антон Липатов, который пришел к ним за помощью.

Старший был высоким, массивным и напоминал Вике собаку породы ньюфаундленд, которую зачем-то очень коротко постригли. Он брал мандарины огромной лапой и раскладывал так осторожно, словно они были стеклянными и он боялся их разбить. А младший – худой, светловолосый и взъерошенный – забавно жонглировал в воздухе двумя мандаринчиками. Когда Вика увидела его, то в первый момент не поверила своим глазам. В дверях палаты стоял выросший Питер Пэн – нет, не выросший, а лишь слегка подросший: сероглазый, улыбочивый, общительный и в то же время отстраненный от всего, что происходило вокруг него. Вике потребовалось некоторое время, чтобы убедить себя в том, что перед ней стоит не герой сказки, а живой человек по имени Макар Илюшин, который каким-то образом выяснил, что на остров Вику забросил ее собственный дядя.

– Как вы узнали? – спросила она.

Старший резко обернулся, а Макар уронил мандарин. Бабкин подошел к кровати Стрежиной и сел на стул.

– Нас предупреждали, что мы не должны вас волновать, – сказал он прямо.

Девушка посмотрела сначала на Бабкина, потом на Макара, и взгляд карих глаз стал насмешливым.

– Я провела на острове больше месяца, – негромко произнесла она. – Я почти сошла с ума. Потом я уплыла с острова – связала вместе канистры из-под воды и уплыла. Да вы знаете, наверное.

Макар с Сергеем кивнули: они знали.

– Я уплыла на второй остров, потому что была уверена, что там меня спасут. Но он оказался необитаемым. Тогда я поняла, что умру, но не догадывалась, кто все это придумал. Потом меня перестало это интересовать, и тогда я почти умерла, но меня спасли. Трое полицейских – нет, не полицейских, конечно, они называются как-то иначе... В общем, они прилетели на вертолете на первый остров, не нашли меня и уже собирались возвращаться, но один из них уговорил их долететь до второго

острова. Он меня и разыскал. Меня сутки держали в местной больнице, а затем переправили на самолете сюда.

Она говорила спокойно, только иногда прикрывая глаза, словно ей было тяжело долго смотреть на Сергея и Макара.

– А здесь, как только я немного пришла в себя, ко мне явились из милиции и сообщили, что все это задумал мой родной дядя. И показали мне фотографию – на ней был Глеб из агентства, который встречал меня на Хониаре, а потом бросил на острове. И когда я узнала его, сказали, что это, оказывается, Андрей Соловченко, сосед дяди Миши, и что он действовал по плану дяди. А потом еще рассказали про вас и о том, что вы как-то узнали, что виноват именно дядя Миша, и заставили его рассказать, где я. И потом он умер.

Она чуть улыбнулась краешком рта так, словно ей неловко было улыбаться, и закончила:

– И после этого вы говорите мне, что не должны меня волновать... Смешно, правда. Вам самим не смешно?

Макар с Сергеем помолчали, переглянулись.

– Дядя Миша умер сам или он убил себя? – обыденно спросила Вика.

– Сам, – помолчав, сказал Макар. – Когда за ним пришли оперативники, он начал сопротивляться. Это было очень глупо: вы же понимаете, он – инвалид, а они... В общем, он устроил истерику, настоящий скандал и швырял в них своими книгами, чтобы доказать, что он известный писатель и они не имеют права к нему приставать...

– Он кричал, что он – известный писатель? – перебила его Вика. – Почему же не два писателя? Или не три? Под сколькими там псевдонимами писал дядя Миша, как выяснилось...

Бабкин пристально взглянул на девушку. Он начал понимать, почему она выжила на острове.

– Вы считаете меня циничной? – тихо спросила она, заметив его взгляд. – Знаете, я всю жизнь любила дядю Мишу, потому что мне некого было больше любить из моей семьи. А он всегда хотел, чтобы я восхищалась им и его фотографиями. И я восхищалась, потому что искренне считала их прекрасными, и мне нетрудно было донести это до дяди. Тем более что он – калека. И я думала, что желание восхищения им – просто слабость, не более того. Но иногда у меня мелькала мысль о том, что дяде ничего от меня не нужно, кроме признания, какой же он талантливый, и я сама не нужна, и, если вдруг я перестану ему это говорить, он не захочет меня видеть. Мне казалось, что это – гадкая мысль и от нее нужно избавиться... И только два дня назад я поняла, что была

права.

– Вы были не правы, – спокойно возразил Макар. – Ваш дядя хорошо к вам относился. Я бы даже сказал, что он вас любил. Иначе ему никогда не пришла бы в голову идея отправить вас на необитаемый остров. Он знал вас слишком хорошо и решил, что предсмертное исполнение вашей мечты в значительной степени обеляет его поступок. И самому себе представил все так, будто совершает благое дело. Ему было легко убедить себя в этом. Михаил Олегович был очень талантливым человеком, хотя об этом практически никто не знал...

Мария Ивановна Шпунтикова,

за три месяца до описываемых событий

Мария Ивановна держала в руках пачку писем, поглаживая по желтоватым сгибам шершавой ладонью. Пачку она только что достала из верхнего ящика шифоньера и теперь пыталась трясущейся рукой стянуть с нее бледно-желтую резинку. Резинка упиралась, не хотела расставаться с бумагой, к которой за много лет присохла. Наконец женщина рванула ее посильней, резинка лопнула, и письма рассыпались веером по ковру.

Кряхтя, Шпунтикова принялась их собирать. Господи, вот наказание – впасть на старости лет в слащавую сентиментальность! Впрочем, какая уж тут старость – смерть пришла, чего лукавить. Долго же она ждала свою смерть... Заждалась, по правде-то сказать. Гена, почитай, уж сколько лет на том свете ее дожидается, а она все жила, как треснувшее от молнии дерево, которое и упасть не упало, и зеленеет по весне лишь половиной веток, а остальные – черные, страшные – так и торчат в разные стороны и годятся лишь для ворон: посидеть, горло воронье подрать. Ох, Генка, Генка...

Письма покойного мужа Мария Ивановна захотела прочитать еще неделю назад, но последние пять дней еле с постели вставала, а письма нужно было поискать. Хорошо, что в больницу отказалась ложиться. Дома и стены помогают, истинная правда. Думала, что умрет, но за пять дней оклемалась, а сегодня с утра вдруг вспомнила, где в последний раз видела желтоватую стопку. И точно, словно ждала она ее в ящике, прикрытая сверху пакетиком, в котором закручивались разноцветные нитки мулине. Выбросить их нужно было сто лет назад, да рука не поднималась. Ладно, теперь уж после ее смерти выбросят.

С трудом собрав письма, Мария Ивановна уселась на диван, разглядывая конверты и ехидно посмеиваясь сама над собой. При жизни мужа, значит, его писанину читать было неохота, а теперь вот собралась наконец, дура старая! Правильно, правильно. Генка писал многословно, да и ни о чем. Мария Шпунтикова не понимала, как можно на двух страницах описывать погоду. Или, скажем, лес. Лес – он лес и есть, и нечего словоблудие вокруг него разводить. Но покойный муж любил все в подробностях описать, а у нее от его подробностей челюсть сводило зевотой. Скучно. И после смерти его не собралась она толком прочесть, что там Генка писал. Значит, понадобилось до своей смерти дожить, чтобы до его посланий руки дошли. Вот это, с Байкала, она, кажется, читала... Точно, читала. А здесь о чем Генка писал? Никак снова о лесе.

Спустя два часа Мария Ивановна Шпунтикова отложила последнее письмо в сторону и прижала руку к груди, чтобы сердце успокоилось. Ну тише, тише, нельзя так волноваться, вредно. Вредно! Ха! Она недобро усмехнулась, перебрала письма и снова нашла то, в котором Генка писал, как в первый раз попросил у Мишки Каморкина фотокамеру.

– Дерево, значит, тебе понравилось, – ошеломленно проговорила Мария Ивановна. – Говоришь, птица над ним летела?

Она раскопала в завалах старых журналов один, с разными фотографиями – цветными и черно-белыми, – быстро пролистала его и остановилась на пейзаже во весь разворот. Дерево росло на краю поля, от него улетала птица, и ветки наклонялись ей вслед, словно пытались остановить полет. «Михаил Каморкин. Пейзаж № 12».

Шпунтикова отшвырнула журнал, сбив со стола вазу и не обратив на это никакого внимания. Не поверить тому, что писал ее муж, было невозможно.

– Значит, вот как оно все было-то, – бормотала женщина, собирая письма вместе. – Ты, Мишенька, получается, осчастливил глупого Генку, а потом забыл сказать, что фотографировал-то он, а не ты! Ой, молодец! Ой, умница! То-то ты со мной разговаривать о своих заслугах не хотел, бесстыжая твоя рожа! То-то все юлил, вилял – мол, нет там ничего особенного, тебе, Машенька, скучно будет! Не подумал ты, Михаил Олегович, что Геночка мне все так подробно опишет, верно?

Она вспомнила о том, как в письмах мужа пробежала глазами первый абзац и последний и, убедившись в том, что они неизменны, откладывала письмо в сторону, зная по опыту, что в середине будет долгое описание того, что увидел Генка на новом месте. Начинал ее муж всегда с сообщения о том, что он здоров, а заканчивал признанием в любви.

Шпунтикова закрыла ладонью глаза и всхлипнула.

– Геночка, прости ты меня!

Она перевела дух, заставила себя успокоиться – Мария Ивановна ненавидела плакс. Но в глубине души осталась ярость на Каморкина, и от нее Шпунтикова не собиралась избавляться.

– Умен ты, Миша, ох, умен, – с угрозой проговорила она. – Ничего. Я, может, и не умнее, но к ногтю-то тебя прижму.

Вечером, полностью обдумав предстоящий разговор и окончательно решив, что она сделает с вором, Шпунтикова позвонила Михаилу Олеговичу. Поначалу она спросила адрес его племянницы, и ничего не подозревающий Каморкин послушно, хоть и удивленно продиктовал его. Видно, решил, что вдова Шпунтикова к старости поглупела и решила знакомым посылки отправлять, радовать молодежь.

Старательно записав адрес и перепроверив, нет ли ошибки, Мария Ивановна холодно и деловито изложила все, что узнала, резко прервав попытки Каморкина выкрутиться.

– Ты, сволочь такая, Генку обокрал, – закончила вдова, и Каморкин поежился от ненависти, звучавшей в ее голосе, – но мне возвращать украденное надобности нет. Генка давно на том свете, да и я за ним уйду не сегодня-завтра. Но вот у тебя, вора, я тоже что-нибудь отберу.

Положив трубку, она удовлетворенно хмыкнула. Мишка всегда трусом был – вон как перепугался, словно заяц! Она того и хотела. Можно было бы, конечно, просто послать письма его племяннице, ни слова не говоря Каморкину, но Мария Ивановна все продумала: пусть Мишенька, ворюга, понервничает от души. А что он ей сделает? Да ничего! Инвалид, из квартиры не выезжает. Пусть помучается, пусть попробует со своей племянницей поговорить. Кишка у него тонка! Почитай, Вика его и сама на чистую воду выведет, если правда то, что он о девочке рассказывал. Вор, вор подлый! А Гена, Генка-то ее, значит, талантливым был. Господи, она и не знала... Так и померла бы, не узнав. Ох, Геночка...

Под сердцем кольнуло, а в следующую секунду впилося такой острой болью, что женщина закричала и осела на пол. Господи, только не дай умереть сейчас! Только не сейчас!

Она доползла до телефона на тумбочке в прихожей и деревенеющими пальцами набрала номер «Скорой».

Мария Ивановна вышла из больницы два месяца спустя. Она бы умерла, если бы не проснувшаяся в ней колоссальная воля к жизни. Мария

Ивановна знала, как хочет отомстить Каморкину, и ей нужно было успеть исполнить задуманное. Все ее друзья давно умерли, с молодыми их детьми она дружбы не водила, а, значит, полагаться можно было только на себя. А потому Шпунтикова заставила себя выжить, и выжила. «Это ненадолго, – уговаривала она смерть, когда в четыре часа ночи видела ту рядом со своей койкой, под которой шныряли больничные тараканы. – Ты потерпи, милая, потерпи, тебе недолго осталось ждать. Только одно дело доделать – и все, приберешь меня. Знаешь ведь, что я уже готова».

Вернувшись домой, она на следующий день отнесла письма на почту, отправила заказным Вике и позвонила вору Мишке. Голос у того был жалкий, перепуганный. Долго разговаривать с ним Мария Ивановна не стала – видела, как стремительно убегает ее время, и жалела тратить его на вора. Она убедилась, что все сделала как надо и положила трубку с чувством полного удовлетворения.

– Ну вот и все. Теперь и помирать можно, – сказала она своему дому, в котором счастливо жила с мужем долгие годы.

И умерла на следующее утро.

Нашла ее соседка. Та же соседка потом говорила, что в руках у покойной была фотография ее мужа – маленького лысенького человечка. Врала, должно быть: Мария Ивановна была женщиной несентиментальной. А когда остальные соседки вспомнили, сколько лет назад помер тот самый муж – кстати, и росточка-то он был несерьезного, Марии Ивановне в пупок дышал, – так и вовсе убедились, что Клавдия Сергеевна выдумывает. Столько лет прошло... Какая уж тут фотография.

Михаил Олегович Каморкин

Подросток Миша Каморкин начал ощущать себя неудачником в старших классах школы – примерно в то же время, когда стал пользоваться успехом у девочек. До того времени он был как все: симпатичный невысокий мальчишка с хорошо подвешенным языком, в меру ленивый, в меру беззаботный, в меру способный. Но к десятому классу он вытянулся, окреп за лето в деревне, и в улыбке его появилось не мальчишеское обаяние, а юношеское. Он научился насмешливо прищуриваться, отчего становился похож на популярного в то время актера, и успешно пользовался этим приемом, а благодаря начитанности приобрел репутацию интеллектуала, но без примеси занудства и зауми. Между девочками в классе началась тихая невидимая борьба за внимание Каморкина.

Другой парень на его месте чувствовал бы себя прекрасно, но только не Мишка: он считал, что при его способностях быть всего лишь любимчиком девочек – очень мало. А способности у Каморкина и впрямь имелись – это признавали и учителя, и одноклассники. Мишка неплохо рисовал, мог лихо сбацать любую популярную мелодию на гитаре или стареньком фальшивящем пианино в актовом зале, обладал прекрасной памятью, позволявшей ему легко учиться, и к тому же мог на спор сочинить стих на предложенную тему. Неудивительно, что к девятому классу Каморкин убедился в собственной незаурядности и ожидал, что ее признают и остальные.

Но, к его недоумению и негодованию, роли в классе распределились так, что самым умным считался Коля Щербаков, выигрывавший одну олимпиаду за другой, «музыкантом» звали Лешку Филлипова, извлекающего звуки из любого предмета, Серега Кривцов был общепризнанным поэтом, сочинявшим стихи для школьной стенгазеты, а большое будущее и вовсе пророчили маленькому незаметному Виталику Дееву, который с шести лет играл в шахматы и регулярно пропускал уроки из-за участия в турнирах. Учителя Виталиком восхищались, а Каморкин не мог понять причин этого восхищения: сам он шахматы не любил и играть в них не умел. Получалось, что Мишке отведена не самая завидная, с его точки зрения, роль любимчика девочек, а ему хотелось привлекать внимание своими достижениями, а не обаянием и шуточками.

Мишка прикладывал большие усилия к тому, чтобы выделиться, завоевать славу, однако всегда находился тот, кто был лучше и на чьем фоне Каморкин смотрелся мальчиком со способностями, не более. Он жаждал славы – а получал лишь симпатию и уважение, мечтал о признании, но вынужден был довольствоваться снисходительными кивками учителей и кратковременным интересом одноклассников, читавших, посмеиваясь, очередной Мишкин стих, сочиненный на спор.

По окончании школы Каморкин долго взвешивал, на какой факультет ему поступать, и колебался между архитектурным и журналистским. В конце концов, обдумав вопрос со всех сторон, Мишка остановился на втором: здесь-то слава ожидала его почти наверняка, причем слава, по масштабам несравнимая с известностью даже очень хорошего архитектора. К тому же Каморкин рассуждал здраво и понимал, что художественные способности и развитое пространственное мышление еще не гарантия того, что из него выйдет отличный архитектор. В журналистике область приложения Мишкиных способностей была куда шире, и, не обретя желаемого в одном, можно было попробовать себя в другом. Вдобавок он с

детства сочинял небольшие рассказы, пользовавшиеся успехом у родственников, а в школе лучше всех писал сочинения. Каморкин считал, что этого достаточно для приобретения славы на выбранном поприще, и с трепетом думал о том, что спустя каких-нибудь десять лет его имя станет известным.

И ошибся. Его опять ждала роль середнячка. Другие люди получали награды, выделялись из огромной толпы так легко, что, казалось, судьба смеется над Каморкиным, прикладывая колоссальные усилия, чтобы добиться хотя бы десятой доли подобного успеха. Слава ждала других – не его. При том Мишкины обаяние, общительность и способность быстро сходиться с людьми открывали для него многие пути, и к тридцати пяти годам положение Каморкина было завидным: он поехал по многим странам и бывал в таких экзотических, от одного названия которых веяло приключениями.

Но Мишке не нужны были приключения. Экзотические страны оборачивались жарой и грязными гостиницами с омерзительными насекомыми, приключения – рабочей рутинной, а слава все не приходила. Каморкин по-прежнему был одним из многих. А хотел быть – единственным.

Все чаще Михаил Олегович называл себя неудачником. Время уходило, а он не добился ничего из того, что загадывал в юности. Его статьи не зачитывались, хотя он описывал интереснейшие места планеты, а передача, которую он вел, оказалась скучной. Клеймо неудачника неумолимо проступало на Каморкине – во всяком случае, так казалось ему самому. Он со страхом со дня на день ждал, что передачу закроют, и тогда ему вновь придется искать, в чем себя реализовать, а годы уже не те, и прежний кураж начал исчезать, уступая место беспомощности, и Михаил Олегович уже предчувствовал то время, когда неудачником назовут его другие.

Знакомство с Генкой Шпунтиковым несколько восстановило самооценку Каморкина, потому что в Генке он нашел то, чего не находил в других, – восхищение. Шпунтиков считал Михаила Олеговича талантливым, умным и никогда не скрывал, что смотрит на него снизу вверх. Каморкин так много видел, он побывал в таких странах, о каких Генка, один раз в жизни выезжавший в Болгарию на Золотые Пески, даже мечтать не мог! И Шпунтиков не ставил под сомнение, что всего этого Каморкин добился исключительно благодаря своему таланту. Каморкин купался в лучах его восхищения и платил Генке искренней благодарностью, но не мог скрыть от себя самого, что признание Шпунтикова – только

жалкая пародия на ту славу, которой он ожидал, словно судьба бросила голодной собаке вместо сытной кости корочку хлеба. Впрочем, Каморкин с горечью учился радоваться и корочке.

Смерть Шпунтикова и собственная инвалидность, казалось, поставили окончательный крест на судьбе Михаила Олеговича, и он почти смирился с этим, но фотографии перевернули его мир. Они принесли то, о чем он мечтал, и расплата за славу вовсе не казалась Каморкину чрезмерной.

Михаил Олегович только один раз за всю жизнь мысленно произнес словосочетание «фотографии Шпунтикова», думая о шестнадцати пейзажах, получивших известность. И впал в ярость, заставившую его ударить изо всей силы кулаком в стену – до боли, до крови, до вскрика.

Фотографии Шпунтикова... Нет, черт возьми! Это были его, его собственные фотографии! Разве смог бы Генка когда-нибудь снять подобное, если бы не его влияние?! И дело вовсе не в камере, которую он одалживал приятелю, снисходительно улыбаясь, а в том, что сам по себе Генка был никем – никем! – и остался бы никем, если бы не он, Каморкин! Именно он купил камеру, ходил фотографировать, может быть, наводил Шпунтикова на какие-то мысли и пробуждал в нем чувства, вызывающие у того желание снять именно этот пейзаж, а не другой. А раз так – значит, он, Каморкин, по праву должен считаться соавтором фотографий. И нет в этом никакого обмана.

После публикации пейзажей у Михаила Олеговича стали брать интервью, его попросили написать главу для книги о современной фотографии, о его манере съемки велись споры, и очень скоро заговорили о подражателях Каморкину. Михаил Олегович был совершенно счастлив. Ему не нужна была громкая известность, скандальная слава – нет-нет, ее бы он испугался. *Быть признанными избранными* – вот что было куда важнее и составляло цель его поисков. И Каморкина признали.

Если бы ему пришлось пережить заново падение с обрыва, многочисленные операции и вновь свыкаться с мыслью о пожизненной инвалидности, но при этом приобрести славу уникального фотографа-пейзажиста, Каморкин не задумался бы ни на секунду. Значимость человека определялась для Михаила Олеговича лишь тем, какое место тот займет в памяти потомков, а, значит, он согласился бы пройти через все снова, лишь бы быть «тем самым Каморкиным» – с трагической биографией и пейзажами, о которых говорили, что они совершенны. Каморкин был благодарен судьбе, давшей ему славу, о которой он мечтал, пусть даже ценой его увечья.

Очень быстро он свыкся с мыслью, что фотографии были сняты им самим, и спустя короткое время не позволял и тени сомнения закрасться в душу. На волне эйфории, охватившей его, он неожиданно для самого себя начал писать, и результат его обрадовал. А затем, когда книги напечатали и выяснилось, что они имеют успех, Михаил Олегович привык находить особое удовольствие в том, чтобы вести жизнь, полную ограничений, при том, что благосостояние его росло.

Из всех его знакомых о литературной деятельности Каморкина и приблизительных размерах его доходов знал только сосед Андрей – молодой парень, которого Михаил Олегович поначалу просто привечал, а затем потихоньку прикормил, как прикармливают бездомную дворнягу – так, что она твердо запоминает, кто хозяин и кого нужно слушаться. Каморкин следил, чтобы Вика не встречалась с Андреем: он чувствовал, что племяннице тот не понравится. Андрей был сообразителен, ленив, беспринципен и очень хотел денег. Закончив иняз, он долгое время бездельничал. Ему хватило ума понять, что ввязываться во что-то криминальное опасно, но работать до седьмого пота, как его родители, он не собирался. Любимым словом Андрея было «расслабиться», и за возможность «расслабляться» на протяжении нескольких лет он сделал бы для Михаила Олеговича все, что угодно. От мелких поручений вроде покупки продуктов он постепенно перешел к полному обеспечению состоятельного соседа всем необходимым. А в нужный момент отлично исполнил роли, расписанные для него Каморкиным, – от клиента туристической фирмы, оформляющего там редкую визу, до гида Вики Стрежиной на Соломоновых островах.

Писательская деятельность Каморкина вызывала у Андрея уважение: «Надо же, настоящий писатель!» Михаил Олегович посмеивался над соседом, но в глубине души ему было приятно. Он сам не замечал, как их отношения постепенно перерастают в приятельские и как умело пользуется этим его молодой человек, беззастенчиво льстя Каморкину и получая все больше денег.

Михаил Олегович испытывал прилив исключительной гордости всякий раз, когда ему привозили авторские экземпляры, и брал по нескольку книг, хотя ему некому было их дарить. Но книги в нескольких экземплярах были весомым доказательством того, что он, Михаил Каморкин, талантлив. Талантлив, черт возьми! С каждой новой книжкой Михаил доказывал глупому, смешному Генке Шпунтикову, что и он тоже чего-то стоит, раз сумел написать столько книг, да не просто так, а в двух разных жанрах, и все они имеют популярность. Кто бы мог подумать...

Феликс Риддер, конечно, был самым удачным его изобретением. Писатель-фантаст, скрывающийся от всех, потому что боится нарушить целостность мира, сложившегося в его голове! Эдакий самородок, рождающий миры – один за другим. Правильно, его книги так и называли: «Миры Риддера». Образы, возникавшие в голове Каморкина, люди, которых он придумывал, были такими живыми, что после прочтения его романов читателям казалось, будто их собственный мир куда менее реален, чем то, что они только что увидели. Увидели, а не прочитали, – ибо Риддер обладал способностью показывать свои миры явственно, во всей их красоте.

Анжелика Строганова была менее занимательным автором, но и ее легенда нравилась Каморкину. Женщина со сложной судьбой, много страдавшая, а затем решившая описать свою жизнь... Примитивно, но беспроектно. Хороший слог, яркие сюжеты и – особенность таланта Каморкина – совершенно живые, узнаваемые персонажи выделили его романы из кучи им подобных. К тому же в женских романах у Каморкина проявлялся легкий, ненавязчивый юмор – недостаточный, чтобы книги перевели в раздел иронического дамского чтения, но достаточный для того, чтобы читатели с удовольствием проглатывали их тексты, посмеиваясь над удачными выражениями.

Количество поклонников Строгановой и Риддера росло, а с ними росло и благосостояние Михаила Олеговича. Деньги были для него не так важны, как успех, ибо последний говорил о том, что он талантлив, причем талантлив нестандартно, если сумел создать двух успешных авторов, работающих в совершенно различных жанрах. А значит, вполне можно было допустить, что он мог бы оказаться и прекрасным фотографом. «Я просто не успел. Генка успел вместо меня, но это случайность, несправедливая случайность. Правильнее было бы, если бы я сделал те фотографии».

Каморкин не любил вспоминать о том, как напечатал снимки, и, рассматривая их один за другим, увидел, что снял Генка. Шестнадцать пейзажей... Замерев от восторга и зависти, Михаил Олегович смотрел на фотографии и ощущал, что он, он, ОН должен был так фотографировать! Но его собственные работы были скучны, академичны и притом банальны. Капля росы на листе... Величественные горы под шапками снегов... Озеро с отражениями облаков... Таких снимков были сотни. А Шпунтиков снял шестнадцать кадров – и получил шестнадцать шедевров.

Господи, как Генка – смешной, нелепый, не к месту разговорчивый и молчаливый Генка смог увидеть такое, и не просто увидеть, но и

запечатлеть?! Михаил Олегович относился к приятелю снисходительно, позволяя тому купаться в лучах его обаяния, хотя и сам признавался, что с Генкой ему было интересно. Пожалуй, интереснее, чем с кем-либо другим из их съемочной группы. Может быть, потому, что Шпунтиков больше слушал, чем говорил. А может быть, потому, что с ним было легко молчать.

Все же существовал шанс, что Михаил Олегович ошибся, и фотографии Генки – лишь хорошие пейзажи, и не более. А может быть, в них и вовсе не было того, что увидел Каморкин. Такой вариант был бы для него предпочтительным, и именно на это он втайне надеялся, отдавая пейзажи знакомому фотографу. Но надежда не оправдалась.

Признаться в том, что не он автор снимков, было для Каморкина невыносимо. В конце концов, это справедливо, думал Михаил Олегович, ведь он стал калекой из-за Генки! Он полез его спасать, не понимая, что Шпунтиков уже мертв, а ведь если бы не он, Каморкину и в голову не пришло бы забираться с утра в горы! И Генка наверняка согласился бы с тем, что Михаил Олегович поступил правильно, присвоив себе авторство: самому Шпунтикову это уже ничем бы не помогло, а для Каморкина стало хоть и слабым, но утешением в его болезни. Нет, он все сделал правильно. Анжелику Строганову, да и Феликса Риддера со временем забудут, а фотографии останутся в памяти людей. Пусть они будут связаны с именем Каморкина. Это правильно, и Генка бы не возражал! Он так редко кому-либо возражал...

Жизнь Михаила Олеговича была спокойной и радостной, несмотря на его увечье. Он получил все, что хотел, хотя и дорогой ценой: славу, интересную работу, высокий доход. Он жил, ощущая себя талантливым фотографом, и это мироощущение давало ему возможность творить, придумывать миры Феликса Риддера и проживать жизнь героинь Анжелики Строгановой. Жить полной жизнью, как мечталось когда-то, как бы ни смешно звучали эти слова из уст инвалида, не выходящего из квартиры.

И вдруг старая жена Шпунтикова все поставила под угрозу. Все! Потому что раскройся обман Михаила Олеговича, и жизнь его закончилась бы. Без репутации талантливого фотографа он был никем в своих собственных глазах, несмотря на все написанные им книги, несмотря на друзей, на любящую его племянницу. Ничтожество, ничего серьезного не добившееся в жизни, ибо считать серьезным достижением несколько десятков книжек из категории «легкое чтение» Каморкин отказывался. И не просто ничтожество, но еще и лживое ничтожество, присвоившее себе чужие лавры!

После звонка Марии Шпунтиковой Михаил Олегович расплакался от страха. Господи, не может же судьба так издеваться над ним! Она не может забрать у него все, чем он живет! Не может!

В отчаянии Каморкин перебрал и отбросил десятки способов избежать возмездия вдовы Генки. Одно он знал наверняка: узнай Вика о том, что автор снимков не он, а Шпунтиков, она добьется справедливости. Точнее, того, что она сама считает справедливостью, и Каморкин не сомневался, что точка зрения племянницы будет отличаться от его собственной. В отчаянии он даже продумывал план побега в другую страну, сам не зная зачем, но вовремя понял: побег ничего не решит. Наоборот – приблизит его к той ничтожной жизни без признания, которой он так боялся. Кем он будет? Никем! Никем он больше быть не хотел...

Решение пришло к нему внезапно. Поначалу он сам его испугался, но в следующую секунду понял, что иначе поступить нельзя. В конце концов, Вика поняла бы его. Наверное, она даже одобрила бы... да, одобрила. Она хорошая девочка, она так его любит... Она поняла бы, что его жизнь не может закончиться так ужасно после стольких страданий, которые он, Каморкин, пережил. Может быть, она испытала благодарность за то, что он постарался позаботиться о ней так... как мог...

Она сама выбрала бы этот путь.

– Если бы ваш дядя, Вика, сотрудничал с разными издательствами, все было бы куда сложнее выяснить, но он сотрудничал лишь с одним, – говорил Макар, вертя в пальцах мандарин. – Собственно, не так-то много людей знало о том, что Анжелика Строганова и Феликс Риддер – это один и тот же человек, но информация просачивается через любые щели, и в итоге она дошла до меня. Я уже был уверен в том, что ваш дядя зарабатывает на жизнь тем, что пишет книги, и мне требовалось лишь подтверждение. Я его получил.

– Как вы догадались? Почему я жила столько лет рядом с ним и ни о чем не знала?

– Потому что вы не читали то, что он написал, а я прочитал. А Михаил Олегович, видите ли, обладал одной особенностью: он говорил так же, как писал. Понимаете? Есть писатели, которые не могут двух слов связать, и окружающим остается только удивляться, как же у них рождаются тексты. У вашего дяди была обратная ситуация: почти полное совпадение между произнесенным и написанным. Обороты, мысли, выражения... Конечно, он соответствующим образом адаптировал текст для женского романа, но это было неважно. Наблюдение – кстати, меткое – о том, что Вениамин Роцин

кажется ему каким-то обвислым, запоминается, как ты его ни переделывай. Когда Михаил Олегович заметил, что я заинтересовался книгой – как мне казалось, неподходящей для человека его ума и образования, – он не придумал ничего лучше, как свалить все на вас: мол, племянница подарила. Тогда я заинтересовался уже по другому поводу, и вот тут Каморкину нечего было мне возразить. Поэтому я уехал с книгой и даже нашел в ней совпадение с рассказом о Рощине, но тогда мне это ни о чем не сказало, и я решил, что Каморкин прочитал роман Строгановой, нашел в нем выражение, которое ему понравилось, и при первом удобном случае вставил в собственную речь. А мне побоялся признаться из старческого самолюбия: как же так, Михаил Олегович – и читает женские романы! То, что он их не читает, а пишет, мне сначала и в голову не пришло.

– Но зачем? Зачем он скрывался? Зачем играл в бедного дядю Мишу, которому не на что купить лишний раз пряников?

– Он не играл, – покачал головой Макар. – Видите ли, Виктория, ваш дядя относился к тому типу людей, которых вполне устраивает самая спартанская обстановка. Им вовсе не требуется окружать себя роскошными вещами, достаточно привычного комфорта, а для Михаила Олеговича такой комфортной была собственная квартира. Небольшие улучшения вроде переключателей на его уровне, специальной ванны, плиты – все это он устроил, а ведь, если подумать, такие улучшения должны были обойтись ему достаточно дорого. Мы бы могли что-то заподозрить, увидев у него, скажем, хороший ноутбук, но Каморкин привык печатать на машинке и не собирался отказываться от своей привычки, к тому же машинку он после работы прятал в шкафчик. А в остальном он сохранил те же привычки, что были у него всю жизнь, а он всегда жил довольно скромно, если не считать слабости к хорошей одежде и вкусной еде. Быть франтом он отвык, а что касается еды, то я уверен, что в лакомствах Михаил Олегович себе не отказывал. Но все, что могли заметить приходившие к нему люди, – это удивительно вкусный чай. Кстати, он очень дорогой и лечебный, и доставал ему этот чай не кто иной, как Андрей, которого вы знаете под именем Глеба. Он вообще очень много делал для вашего дяди – разумеется, не даром. Кстати, полагаю, сейчас он дает показания оперативникам. И если бы не Андрей, ваш дядя вряд ли смог осуществить свой план.

– Но ведь дядя пытался искать меня, – дрогнувшим голосом проговорила Вика. – Мне сказали, что именно он отнес заявление в милицию...

– Заявление он отнес, чтобы совершенно отвести от себя подозрения. Но даже если бы Михаил Олегович этого не сделал, я бы никогда не стал

подозревать его, потому что он искренне страдал, и это было видно каждому. Он тосковал о вас и плакал. Если бы я подумал о том, что его горе вызвано чем-то иным, кроме страдания по пропавшей племяннице, возможно, вам не пришлось бы плыть на второй остров. Но я оказался слишком самонадеян и еще попал под обаяние Михаила Олеговича. Он плакал искренне, потому что совесть говорила ему о том, что вы будете умирать страшной смертью и это он обрек вас на такую смерть. Он плакал оттого, что жалел вас, но не смог поступить иначе. А мне слышались за его плачем боль и страх, что мы не успеем вас найти.

– Вы сказали, что он швырял в оперативников книги... – потухшим голосом произнесла Вика.

– Да. И очень театрально хватался за сердце. Точнее, это они думали, что театрально, а когда выяснили, что ошиблись... тогда было уже поздно. У Михаила Олеговича случился инфаркт.

Он помолчал и добавил:

– Кстати, Мария Ивановна Шпунтикова тоже умерла от инфаркта, двумя неделями ранее. Она так и не узнала, как далеко Михаил Олегович спрятал вас от нее. Думаю, ей бы и в голову это не пришло.

Бабкин машинально почистил мандарин и, забывшись, протянул его Стрежиной. Девушка так же машинально покачала головой, не сводя глаз с Макара, рассказывавшего о старой Шпунтиковой.

– Я слышал их последний разговор, – признался Илюшин, – и мне даже показалось, что происходит что-то неладное, но ваш дядя сумел убедить меня в том, что все в порядке, и притом не стал врать лишний раз, а честно сказал, что звонила вдова Шпунтикова. У него на столе стояла ее фотография, и у меня тогда мелькнула мысль, уж не влюблен ли был Каморкин в жену приятеля. Но он, конечно же, не был. Он был напуган, когда возвратился после разговора с ней, но быстро взял себя в руки. Мы не знаем, что она ему сказала, и не знаем даже, известно ли ей было о вашем исчезновении... Нет, наверное. Мария Ивановна умерла на следующий день после разговора с вашим дядей, и это, конечно, стало для него большим облегчением – все-таки он не мог быть до конца уверен, что она не обратится к кому-то другому с доказательствами его многолетней лжи.

– Я не понимаю... – пробормотала Вика. – Но почему же она и в самом деле так не поступила? Зачем нужно было отправлять письма мне? Господи, я и видела-то ее пару раз в жизни, сто лет назад, когда она заходила к дяде Мише в гости. Если бы она послала их в какой-нибудь журнал... нет, не журнал... не знаю! В конце концов, наверняка у нее было

много знакомых, которые помогли бы! Почему – мне? Это же неправильно!

– Люди действуют не так, как они должны были бы действовать, а так, как они хотят, – пожал плечами Макар. – Мария Шпунтикова желала одного: чтобы единственный человек, к которому был привязан Михаил Олегович, узнал о его лжи. Этим человеком являлись вы. Она была старая, умирающая женщина, и она сделала самое простое: отправила вам заказным письмом все послания, которые муж присылал ей из своих командировок и в которых рассказывал, как он фотографировал. А потом позвонила Каморкину в последний раз и предупредила старика о том, что его ждет. Из разговоров с Михаилом Олеговичем она представляла ваш характер и не сомневалась, что ваша честность сильно осложнит Каморкину жизнь.

А теперь представьте, Вика, что испытал ваш дядя, когда увидел угрозу своему благополучию. Ведь он давным-давно уже не притворялся талантливым фотографом – он был им! Я слышал, с какой гордостью он признавался в том, что у него по-прежнему берут интервью, что его снимки печатают в журналах... Думаю, что он почти убедил самого себя, что те шестнадцать кадров сделал не Шпунтиков, а он сам. И вдруг ему звонит Мария Ивановна и в ярости сообщает, что прочитала обо всем в письмах покойного мужа и что Каморкину следует ожидать расплаты – той, которую она сама для него выберет. И тогда Михаил Олегович решил предотвратить разоблачение, потому что такого позора он бы не пережил.

Но, видите ли, нельзя все время жить в полуиллюзорном мире собственного воображения, почти не имея при этом связи с реальностью, и адекватно действовать в случае какой-либо угрозы. Во всяком случае, Каморкину это не удалось. Он мог использовать десяток способов, начиная от кражи письма из почтового отделения и заканчивая нападением на вас после того, как вы получили бы послание. Разумеется, во всех случаях ему требовались бы исполнители, а у него не было никого, кроме верного соседа Андрея, получавшего от Михаила Олеговича ежемесячную мзду за небольшую помощь. Наверное, при желании Каморкин мог бы найти и людей, согласившихся следить за вами, которые всего лишь отобрали бы у вас письмо сразу, как только вы вышли из почтамта. Но Михаил Олегович допускал, что вдова Шпунтикова просчитает такую вероятность и подстрахуется, отправив, к примеру, второе письмо с каким-нибудь знакомым. Он хорошо знал жену своего покойного друга и понимал, что той плевать на огласку – она хочет лишь испортить ему жизнь, лишив его уважения и любви единственного действительно родного человека.

– Откуда вы знаете?

– Каморкин сам рассказал. И признался, что ни секунды не сомневался: узнай вы о том, кто настоящий автор фотографий, вы не оставили бы этого без последствий. И вам было бы все равно, что ваш родной дядя будет опозорен – вы бы восстановили справедливость. Он был прав?

Побледневшая Вика молча кивнула.

– Именно поэтому Михаил Олегович решил задачу с другой стороны: вместо того, чтобы убрать от вас письмо, он убрал вас от письма. С его точки зрения, это был единственный способ, гарантировавший сохранение тайны.

– Но почему он не мог просто убить меня?

– Ну что вы! Повторяю, Виктория, ваш дядя любил вас – пусть по-своему, пусть убого, но любил. И вот он придумал избавиться от вас – заметьте, какое удобное слово: «избавиться», ничего общего со словом «убить», – и вовремя вспомнил о вашей мечте. Я все-таки полагаю, что человек, написавший двадцать три фантастических романа, не выходя из дома, представляет себе окружающий мир несколько иначе, чем мы. Ему казалось, что он осчастливит вас. Ведь вы так мечтали уехать отсюда, правда? И именно на необитаемый остров.

Вика кивнула.

– Вот тогда-то все и сложилось. Нанять через Андрея актрис, разыгравших вас, отправить все того же Андрея загодя на Соломоновы острова, чтобы он договорился с пилотом и заодно сориентировался на местности, поймать вас на приманку выигранного билета – все не так сложно, как казалось нам с Сергеем. Особенно если учесть, что Михаил Олегович бывал раньше на Соломоновых островах – помните, что он работал журналистом? Он тогда много где побывал, в том числе и там. Я предполагаю, что и на вашем острове он высаживался и потому смог дать помощнику четкие инструкции.

Макар подумал, мысленно восстанавливая события.

– Кстати, в разговорах со мной ваш дядя проявил себя человеком очень предусмотрительным. Достаточно ему было обронить, что вас с вашим шефом связывали личные отношения, и мы послушно бросились рыть в указанном направлении. То же самое произошло с Роциным: мы бы занялись парнем в любом случае, но для верности Михаил Олегович подбросил нам факты поярче – например, о том, что Роцин угрожал вам.

– Что вовсе не соответствует действительности, – пробурчал Сергей, и Вика чуть удивленно взглянула на него – до этого момента «нюфаундленд» почти ничего не говорил, лишь внимательно слушал. –

Мы прижали вашего Вениамина, – Бабкин чуть заметно усмехнулся, – и он многое рассказал. Но об угрозах не обмолвился ни словом.

– Да, господин Каморкин постарался на славу. Он только одну большую ошибку допустил.

– Какую?

– Не смог не прорекламирровать одну из своих книжек. Он, конечно, постарался отозваться о ней снисходительно, но у него это неубедительно получилось. Все-таки Михаил Олегович очень собой гордился. После того, как он пару раз упомянул, что книга написана хорошим, живым языком, я не мог удержаться и не купить ее. А там наткнулся на вторую фразу, которую слышал от вашего дяди, Виктория, и почти все стало мне ясно. Единственное, чего мы не понимали, – причину, по которой ваш дядя решил избавиться от вас таким своеобразным способом, но все равно было примерно понятно, в каком направлении искать. Книги и фотографии – вот две сферы, где Михаил Олегович проявил себя: в одной – явно, в другой – скрытно. После того, как в вашем ящике оперативники нашли извещение о заказной бандероли, оставалось только изучить содержание присланных вам писем. Вот, пожалуй, и все.

– Нет, не все, – вдруг проговорил Бабкин. – Мы полагали, что на острове за вами ведется наблюдение – нечто вроде эксперимента. Но ошибались.

– Я тоже так думала. Поначалу. Пока не нашла веревку.

– Ну конечно, веревка! – вспомнил Илюшин. – Последний жест милосердия со стороны Михаила Олеговича. Он искренне полагал, что очень облегчит таким образом вашу участь, подтолкнув к последнему шагу. А главное, получалось, что он совершенно ни при чем: ведь не он же затянет петлю на вашей шее!

– Самое смешное, – сказала Вика, – что он оказался прав. Дядя Миша действительно облегчил таким образом мою участь. До того, как я нашла веревку, я сходила с ума, а затем все встало на свои места. Я поняла, что кто-то хочет моей смерти и этот «кто-то» – реален.

Она перевела дух, потому что на долю секунды в ее воображении посреди больничной палаты взметнулись скалы второго острова, с одной из которых она собиралась прыгнуть на камни всего лишь несколько суток назад. Вика моргнула, и скалы исчезли.

Илюшин уже собирался сказать, что им пора идти и что если у нее есть вопросы, то... Но Стрежина опередила его. Она умоляюще дотронулась до руки Бабкина, перевела взгляд с него на Макара. Лицо ее, за секунду до того собранное, жесткое, снова сделалось почти детским, и

девушка спросила так тихо, что они еле услышали ее:

– Что же мне делать теперь? Скажите, что мне делать со всем этим?

Пока Макар обдумывал наиболее уклончивый и в то же время простой ответ, настраивавший девушку на оптимистичный лад, Сергей неохотно проговорил:

– Вашего дядю похоронили два дня назад. Мы были на его могиле... в общем, казенно там, сами понимаете. Крест надо поставить хороший, ограду... Весной цветы посадить.

– Да вы что?! – вскрикнула она. – Никогда! Вы с ума сошли? Я не смогу! Вы понимаете, что я не смогу?! Он... он мерзавец, он такое со мной сделал, а вы – вы говорите... крест! Нет, ни за что!

– Место-то там хорошее, – продолжал Бабкин, словно не слыша ее. – Вот только обустроить нужно. Крест, ясное дело...

– Я не смогу!

– И ограду посимпатичнее... Сейчас можно красивую ограду заказать. Да вы там, на кладбище, сами увидите.

– Я не смогу...

– А летом – цветы. Он какие цветы любил?

В палате наступила тишина, в которой слышался только скрип кровати, на которой раскачивалась беззвучно плачущая девушка.

– Гвоздики, – выговорила она наконец. – Белые гвоздики.

– Ну, значит, гвоздики, – согласился Бабкин.

Вика подняла на него глаза, которые казались незрячими из-за застилавших их слез.

– Гвоздики на кладбищах не растут, – всхлипнула она.

– Растут, – не согласился Сергей. – Может, маленькие, но растут. Макар, правильно я говорю?

Илюшин задумчиво посмотрел на него, затем на Вику.

– Неправильно, – сказал он. – Большие тоже растут.

Эпилог

«...А у нас, Машенька, ничего особенного не происходит: работа и работа. И зря ты выспрашиваешь меня о новостях, душа моя: знаешь ведь, что новости меня не особенно интересуют, да и не умею я отделить мух от котлет, то есть занимательное от скучного для тебя...»

Я тебе, Машенька, вот о чем лучше напишу. Нашел я удивительное место рядом с нашим лагерем. Там, душа моя, мне позавчера открылось удивительное явление. Ты смеешься сейчас, я знаю, а зря: я тебе чистую правду пишу. В общем, поднялся я один пару дней назад в горы, но невысоко, лишь затем, чтобы оглядеться. Мы с Мишкой собрались нашу обыкновенную вылазку устроить в последний день, вот и я решил времени зря не терять и провести, так сказать, маленькую разведку. А здесь все эти дни, что мы работаем, по утрам стоит туман, и мне пару раз больших трудов стоило удержаться, чтобы не выйти с завтрака с ложкой и не попробовать черпать его – до того он густ.

Так вот, милая моя, поднялся я не так чтобы высоко и остановился возле глубокого обрыва. А в обрыве плавает туман. Я уже собрался возвращаться, но тут поднялось солнце, и лучи рассекли туман. И, представь, я увидел, как из тумана поднимается остров – высокий, со скалами, о которые бьются волны; если бы это было похоже на мираж, и то я сказал бы, что миражей такой красоты не бывает, но это был вовсе не мираж, а какая-то удивительная иллюзия. Продолжалась она минуты три, и все это время я стоял там и думал только об одном: как бы показать тебе, душа моя, эту бесподобную красоту. А затем греза растаяла, и стало видно, что мой остров – всего лишь верхушка невысокого пика, а волны под ним – туман в лучах солнца.

И я, ты не поверишь, чуть не заплакал. Не могу тебе толком объяснить, но мой остров – он был так невыразимо прекрасен, будто я всю жизнь мечтал о том, чтобы оказаться на нем, и сам не осознавал своей мечты. А когда осознал и увидел ее воочию, мечта моя исчезла, а вместе с ней и часть радости. И

свет, и туман, и синее небо, и вершины самых высоких гор – все это было вокруг моего острова, и он родился из света, тумана, неба... Я путано пишу сейчас, знаю. Но у меня, Машенька, щемило сердце, пока я стоял там и смотрел на него и понимал, что больше никогда не увижу подобной красоты.

Но потом догадался, что такой эффект можно наблюдать не один раз, и все, что нужно для него, – лишь туман и солнце. Осталось мне только уговорить Мишку встать загодя и прийти сюда, а то он собрался невесть какое озеро фотографировать...

...И если все получится, душа моя, то, может быть, я покажу тебе на фотокарточке то, от чего я чуть не расплакался, а ты скажешь, как обычно, что я старый сентиментальный дурак, и будешь совершенно права. Прибавь только – любящий тебя, и будешь права вдвойне. Но я все же надеюсь показать тебе среди прочей ерунды, которую Мишка разрешал мне фотографировать, место, где я был бы счастлив умереть. Пусть даже места этого не существует в нашей жизни, а рождается мой остров на три минуты из гор, тумана и солнца.

*До встречи, Машенька.
Всегда твой,*

Гена».

Вика аккуратно сложила письмо и положила на тумбочку возле больничной кровати. «Место, где я был бы счастлив умереть». Значит, он там и умер, этот маленький смешной человечек с забавной фамилией, обожавший свою красивую статную жену. Интересно, увидел ли он перед смертью свой остров и не из-за него ли сорвался в расщелину?

– Если бы не сорвались, была бы у вас семнадцатая фотография, дядя Гена, – негромко сказала она в пустоту палаты. Было привычно и правильно называть человека, которого она видела пару раз в жизни, дядей, как кого-то близкого. – А может быть, и восемнадцатая.

Вика вспомнила, словно пролистала страницы альбома, один за другим все шестнадцать пейзажей. И вслед за этим на нее сразу же нахлынуло чувство тоски и одиночества, как если бы они со Шпунтиковым дружили все прошедшие годы и ей только что сказали о его смерти.

«У меня больше никого не осталось».

Она встала и подошла к окну, чувствуя себя очень слабой. Ухватилась

за узкий холодный подоконник. День стоял очень ясный, холодный и ветреный, и с третьего этажа больничного корпуса ей было видно, как кутаются в шарфы внизу прохожие, закрывая лица от ветра. Вика представила себя одной из сотен тысяч людей, которые завтра пойдут по улицам города, и мысль, раньше вызывавшая у нее раздражение и тревогу, показалась успокоительной. Вика слабо улыбнулась. Значит, ей все-таки удалось сделать это. Столько лет мечтать о далеком необитаемом острове, попасть на него, понять, что мечтала вовсе не о том, – и найти свой собственный остров внутри себя... «Я должна сказать тебе спасибо, дядя Миша. Если бы не ты, наверное, я никогда не нашла бы его. Нужно было пройти через *твой* остров, чтобы обрести *свой*».

Внезапно в голове ее зазвучал ласковый голос: «Твой остров – он внутри тебя, понимаешь? Если нет, его нужно найти». Вот кто понял все куда раньше нее – Антон! Вот что он пытался объяснить ей, а она снисходительно смотрела на него, считая, что ему, благополучному мальчику из благополучной семьи, не понять ее. «Все он понимал, – жестко сказал внутренний голос. – Он искал тебя. Пошел к частным сыщикам, и, если бы не он, ты бы осталась на острове, а не стояла сейчас у окна». Вика вспомнила, как заставляла себя там, среди океана, вызвать в памяти лицо Антона и как это помогало ей. Господи, Антошка! Как она может говорить, что у нее больше никого не осталось, если есть Липатов – любящий ее. Любящий – теперь-то она могла признаться в этом самой себе. «Он до сих пор лежит в реанимации», – напомнил кто-то ледяной в голове, и Вика сжала пальцы на подоконнике.

«Господи, Антошка, только не умирай! – взмолилась она. – Только не ты! Ты мне нужен».

Она произнесла это про себя и, пораженная, повторила вслух:

– Антон, ты мне нужен.

И поняла, что это правда.

Мысль о том, что Липатов может умереть, заслонила собой все остальное, и на мгновение Вика почувствовала рядом дыхание того черного, страшного, что было рядом с ней на острове и от чего она чуть не сошла с ума. Но в следующую секунду тишину палаты прорезала веселая мелодия сотового телефона. Она бросилась к тумбочке, чуть не упав, и увидела высветившийся на экране номер Лены Красько, которая заезжала к ней два часа назад.

Дрожащей рукой Вика схватила телефон.

– Викуша? – спросила в трубке Лена радостным, светлым голосом. – Викуша, милая, я насчет Липатова. Его перевели из реанимации в общую

палату! У него уже побывали эти двое, Бабкин и Илюшин! Они мне звонили, мы сейчас вместе с нашими поедem к Антону! И пусть только попробуют нас не пустить!

Вика села на кровать, провела рукой по лбу, стирая капли холодного пота. В трубке давно звучали короткие гудки, а она все держала ее, прижимая к уху. Затем нажала кнопку отбоя, медленно отложила телефон в сторону и откинулась на кровать.

Жив! Он будет жить! Антон сильный, он спас ее и спасет себя.

Она зажмурила глаза, встала и на ощупь подошла к окну. Глубоко вдохнула и открыла глаза только теперь – зная, что увидит. Первый раз за все время, что лежала в больнице, Вика смотрела не вниз, на прохожих, а вдаль. В морозной дымке обычного московского дня начала зимы город, открывшийся Стрежиной, казался островом – огромным, с фантастическими башнями-деревьями, уходящими высоко в небо, с лесом домов. Над ним носились птицы, ныряя вниз, в серые парки, словно в волны, и шум машин казался непрекращающимся рокотом океана, к которому Вика привыкла за последний месяц.

Она утвердительно кивнула самой себе и Антону Липатову, стоявшему в эту секунду на другом конце города возле грязного окна, несмотря на призывы медсестры немедленно лечь в постель и не нарушать предписанный режим, и произнесла то, что теперь стало верным для нее навсегда:

– Твой остров – он внутри тебя, понимаешь?

Стая птиц взлетела из ближайшего сквера и рассыпалась в голубом воздухе, словно рыбы в океанской воде.